

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР И АНТИЧНОСТИ

На правах рукописи

Шаршукова Ольга Валерьевна

«Георгики» Вергилия и жанр дидактического эпоса

Специальность 5.9.7 –

Классическая, византийская и новогреческая филология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук
доцент
Дмитрий Олегович Торшилов

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Общая характеристика работы	6
Актуальность исследования	6
Объект и предмет исследования.....	9
Цель и задачи работы	10
Используемая методология	11
Научная новизна работы	11
Теоретическая и практическая значимость работы.....	11
Положения, выносимые на защиту	12
Структура работы	13
Апробация работы	14
Степень научной разработанности темы.....	15
Восприятие жанра дидактического эпоса в античности	15
Выделяемые исследователями жанровые особенности дидактического эпоса	
21	
Попытки классификации дидактических поэм	23
«Георгики» как дидактическая поэма в современной науке	26
Глава I. ВЕРГИЛИЙ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ «ГЕОРГИК» К ТРАДИЦИИ	
ДИДАКТИЧЕСКОГО ЭПОСА	29
§1. «Поэтическое самосознание» в дидактических поэмах	30
1.1. «Poetic self-consciousness» К. Фолк	30
1.2. Название произведения	34

1.3. Ссылки на auctores	35
1.4. Аллюзии на произведения предшественников.....	36
§2. «Георгики» Вергилия и поэмы Гесиода.....	37
§3. «Георгики» Вергилия и поэмы Никандра	41
§4. «Георгики» Вергилия и «Явления» Арата.....	45
§5. «Георгики» Вергилия и «О природе вещей» Лукреция	48
Выводы к главе I	52
Глава II. НЕКОТОРЫЕ ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЭМ	54
§1. Метр как жанрообразующий признак	54
§2. Тематика дидактических поэм	56
§3. Соотношение стихотворной формы и практического или научного содержания в дидактических поэмах.....	59
§4. Всеведение Муз в эпосе	63
§5. Стилистические особенности дидактических поэм.....	67
§6. Риторические особенности дидактических поэм.....	72
§7. Мифологические эпизоды в дидактических поэмах.....	74
§8. Persona discipuli и persona doctoris	77
§9. Способ повествования в дидактическом эпосе	82
Выводы к главе II.....	86
Глава III. КОМПОЗИЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЭМ И «ГЕОРГИК» ВЕРГИЛИЯ.....	89
§1. Объем дидактических поэм	89
§2. Единство изложения в дидактических поэмах	91

§3. Каталог как композиционный прием в «Георгиках» Вергилия.....	97
§4. Exempla в «Георгиках» Вергилия.....	100
§5. План изложения Варрона и порядок наставлений в «Георгиках» Вергилия.....	101
§6. «Труды и дни» Гесиода и первая книга «Георгик» Вергилия.....	106
§7. Поэма Лукреция «О природе вещей» и третья книга «Георгик» Вергилия.....	110
§8. Система отступлений в «Георгиках» Вергилия	113
§9. Земледелец и природа в «Георгиках» Вергилия	120
Выводы к главе III.	124
Глава IV. ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЭМ 127	
§1. Миф о веках и Золотой век в дидактических поэмах	127
§2. Боги и фигура Зевса (Юпитера) в дидактических поэмах.....	132
2.1. Боги в дидактической традиции	132
2.2.1. Зевс в «Трудах и днях» Гесиода	132
2.2.2. Зевс в «Явлениях» Арата	134
2.2.3. Зевс в поэмах Никандра	135
2.2.4. Боги в «О природе вещей» Лукреция	136
2.2. Боги в «Георгиках» Вергилия	137
§3. Неприятие войн и насилия.....	142
3.1. Война и насилие в дидактической традиции.....	142
3.2. Война и насилие в «Георгиках» Вергилия.....	144
§4. Труд в дидактических поэмах.....	149
4.1. Труд в дидактической традиции	149
4.2. Labor в «Георгиках» Вергилия.....	151

4.2.1. Labor improbus.....	151
4.2.2. Труд в III книге «Георгик»	154
4.2.3. Труд корикийского старика.....	155
4.2.4. Труд земледельцев в конце второй книги «Георгик»	157
4.2.5. Труд пчел	158
4.2.6. Труды Аристея и Орфея	159
4.2.7. Труд поэта.....	161
4.2.8. Труд в «Георгиках»: выводы	162
§5. Справедливость в дидактических поэмах.....	163
5.1. Справедливость в дидактической традиции.....	163
5.2. Справедливость в «Георгиках» Вергилия.....	165
Выводы к главе IV	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
ЛИТЕРАТУРА.....	181
I. Издания, комментарии, переводы.....	181
II. Научная литература	182
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	191

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы

Настоящая диссертация посвящена изучению поэмы Вергилия «Георгики» в контексте жанра дидактического эпоса. В работе выделяются основные особенности жанра и проводится сравнение этих особенностей в «Георгиках» и в произведениях основных предшественников Вергилия.

Актуальность исследования

В отечественной классической филологии есть работы, посвященные творчеству Вергилия, в том числе и «Георгикам». Например, это обзорные статьи С. С. Аверинцева¹ и М. Л. Гаспарова², где рассматривается творчество Вергилия в целом. М. Л. Гаспаров уделяет значительное внимание и «Георгикам» как «переходному произведению» в творчестве поэта, а также пишет о причинах, по которым Вергилий обратился к написанию дидактической поэмы о сельском хозяйстве³.

М. Эррен в лекции, прочитанной в Московском университете в 1996 г., анализирует «Георгики» с точки зрения политического контекста. Он полагает, что основная задача поэмы – призвать к римлянам «вернуться к земле» и восстанавливать сельское хозяйство, и выбор дидактической формы обусловлен прежде всего этим⁴.

¹ Аверинцев С. С. Две тысячи лет с Вергилием // Поэты. С. С. Аверинцев М., 1996. С. 19-42; Аверинцев С. С. Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Связь времен. С. С. Аверинцев. М., 2005. С. 81-128.

² Гаспаров М. Л. Вергилий, или Поэт будущего // Избранные статьи. Гаспаров М. Л. М., 1995. С. 395-415. С. 395-415.

³ Там же, с. 405-406. М. Л. Гаспаров называет три причины: политическую (поддержка Вергилием аграрной политики Августа), художественную («дидактическая поэма была излюбленной формой всех античных поэтов-новаторов») и личную (философские поиски самого Вергилия и пример Лукреция).

⁴ Эррен М. «Георгики» Вергилия и политика Августа. Лекция, читанная в Московском Университете 3 октября 1996 г. Перевод с нем. яз. А. И. Любжина, А. И. Солопова // Museum Graeco-Latinum – Греко-латинский кабинет. 2000. № 3. С. 9-10.

Кроме того, на русском языке есть и исследования жанра в творчестве Вергилия. Например, в одной из статей Н. А. Старостиной исследуется трансформация феокритовского жанра в «Буколиках»⁵. Статья Т. Ф. Теперик «Пастушеские мотивы в поэтике «Георгик» Вергилия» посвящена изучению элементов пасторального жанра в поэме⁶.

В то же время в отечественной науке не предпринималось попыток провести комплексное исследование «Георгик» или же «Георгик» именно как дидактической поэмы.

В зарубежной науке исследователи не раз обращались к изучению жанра «Георгик». Так, Ст. Харрисон в монографии «Generic Enrichment in Vergil and Horace» рассматривает в произведениях Вергилия и Горация так называемое «жанровое обогащение», т. е. использование поэтами элементов других, «не основных», жанров⁷. «Основной» же жанр – в случае «Георгик» это жанр дидактического эпоса – не находится в центре внимания исследователя.

Кроме того, есть большое количество зарубежных исследований, посвященных жанру дидактического эпоса в античности, в которых, как правило, изложены теоретические представления о жанре и обзор основных дидактических поэм. Статьи Д. Сайдера и П. Весперини посвящены основным проблемам жанра дидактического эпоса⁸. А. Далцелл в сборнике эссе рассматривает сначала античный жанр дидактического эпоса вообще, а затем – «О природе вещей» Лукреция, «Георгики» Вергилия и «Метаморфозы» Овидия как дидактические

⁵ Старостина Н. А. «Буколика» Вергилия. Некоторые особенности жанровой структуры // Вопросы классической филологии. 1971. III-IV. С. 324-343.

⁶ Теперик Т. Ф. Пастушеские мотивы в поэтике «Георгик» Вергилия // Пастораль: взаимодействие искусств, жанров, стилей. 2016. С. 25-32.

⁷ Harrison S. J. Generic Enrichment in Vergil and Horace. Oxford, 2007.

⁸ Sider D. Didactic poetry: The Hellenistic invention of a pre-existing genre // Hellenistic Studies at a Crossroads: Exploring Texts, Contexts and Metatexts. 2014. 25. P. 13-29; Vesperini P. La poésie didactique dans l'Antiquité: une invention des Modernes // Anabases. 2015. 21. P. 25-38.

поэмы⁹. П. Тухи в книге «Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry» рассматривает жанровые особенности дидактического эпоса, а затем развитие дидактической традиции от Гесиода до Овидия и более поздних произведений¹⁰. К. Фолк в книге «The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius» формулирует основные отличительные черты жанра дидактического эпоса¹¹. И все же поэма Вергилия «Георгики» не находится в центре внимания этих исследователей: к ней либо не обращаются вовсе, либо посвящают ей определенную часть работы наравне с другими произведениями.

Также на фоне интереса к изучению интертекстуальности в античности в последнее время появилось несколько исследований, посвященных сравнению «Георгик» Вергилия и литературных образцов поэмы. В то же время их авторы, как правило, концентрируются на сравнении «Георгик» и одного из произведений предшествующей традиции. В большинстве случаев это поэма Лукреция «О природе вещей»¹². Сравнительному изучению «О природе вещей» и «Георгик» посвящены, например, книга М. Гейл «Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition»¹³, а также, несмотря на название, сборник эссе «Virgil's Ascraean Song»¹⁴.

Исходя из вышесказанного, комплексное изучение «Георгик» через призму жанра, проведение сравнительного анализа поэмы Вергилия и его основных

⁹ Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. Toronto, 1996.

¹⁰ Toohey P. *Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry*. London, 1996.

¹¹ Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. Oxford, 2002.

¹² О поэме Лукреция как об образце «Георгик» Вергилия пишут еще, например, У. Селлар и М. фон Альбрехт в монографиях, посвященных римской литературе в целом (Sellar W.Y. *The Roman Poets of the Augustan Age: Virgil*. Oxford, 1877; Фон Альбрехт М. *История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на дальнейшие эпохи*. Пер. А. И. Любжина. Том II. М., 2004).

¹³ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. Cambridge, 2000.

¹⁴ См. Johnston P. A. *Review on: Virgil's Ascraean Song by A. J. Boyle // Vergilius*. 1981. 27. P. 75.

литературных образцов представляется актуальным на современном этапе развития классической филологии.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является поэма Вергилия «Георгики», а также произведения предшествующей литературной традиции.

В особенности это поэмы Гесиода «Труды и дни» и «Теогония», поэма Арата «Явления», поэмы Никандра и «О природе вещей» Лукреция, поскольку именно эти произведения составляют основу литературной традиции, последователем которой считает себя Вергилий¹⁵.

¹⁵ В нашей работе мы обращаемся к прозаическим источникам «Георгик» лишь периодически, поскольку в центре нашего внимания традиция дидактического эпоса. В то же время нельзя не отметить, что Вергилий в «Георгиках» пользуется и прозаическими текстами, например, Феофраста (о том, как Вергилий перерабатывает вторую кн. *Historia Plantarum* Феофраста, см. Thomas R. F. *Prose into Poetry: Tradition and Meaning in Virgil's Georgics* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1987. 91. P. 253-258) или Варрона. А. Дуди даже полагает, что поэма «Георгики» принадлежит к традиции прозаических трактатов так же, как и к традиции дидактического эпоса (Doody A. *Virgil the Farmer? Critiques of the Georgics in Columella and Pliny* // *Classical Philology*. 2007. 102, №2. P. 197). Дело в том, что Вергилий не просто заимствует информацию из прозаических источников, но и адаптирует ее. Например, в начале поэмы Вергилий перерабатывает обращение Варрона к божествам, тем самым заявляя о том, что признает Варрона в качестве авторитета, но также и вносит что-то новое (Doody A. *Virgil the Farmer? Critiques of the Georgics in Columella and Pliny*. P. 184). Также он периодически исправляет или дополняет прозаических авторов, скорее всего, в поэтических целях (см. *Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II*. Ed. by R. F. Thomas. Cambridge, 1988. P. 26). Например, в отличие от Варрона, у Вергилия, в отличие от Варрона и Феофраста, любые деревья можно привить на любые (Doody A. *Virgil the Farmer? Critiques of the Georgics in Columella and Pliny*. P. 185). Поздние прозаические авторы (например, Колумела или Плиний Старший) также воспринимают «Георгики» Вергилия серьезно, что свидетельствует о том, что они считают поэму частью сельскохозяйственной традиции (Doody A. *Virgil the Farmer? Critiques of the Georgics in Columella and Pliny*. P. 183).

Важно отметить, что мы практически не рассматриваем дидактические поэмы, написанные после «Георгик» Вергилия. Наше исследование ограничено тем, как Вергилий работает с произведениями предшественников. Влияние «Георгик» на дальнейшее развитие жанра мы не изучаем, поскольку это является темой отдельного исследования.

Предметом исследования являются жанровые особенности дидактического эпоса в «Георгиках». Под жанровыми особенностями мы понимаем некие отличительные черты, совокупность которых позволяет отнести произведение к той или иной литературной традиции¹⁶ (в нашем случае это традиция дидактического эпоса).

В частности, мы рассматриваем авторские заявления Вергилия о поэме, темы дидактических поэм, соотношение в них формы и содержания, обращения к Музам, стилистические и риторические особенности, роль вставных мифологических эпизодов, фигуры «учителя» и «ученика», отсутствие сюжета и способ повествования, особенности композиции, а также основные темы и мотивы: миф о смене поколений, взаимоотношения богов и людей, неприятие насилия и войн, понятия труда и справедливости¹⁷.

Цель и задачи работы

Цель исследования состоит в том, чтобы исследовать «Георгики» Вергилия через призму жанра дидактического эпоса и проследить, каким образом традиция трансформируется у Вергилия. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить в «Георгиках» авторские заявления о предшествующей литературной традиции и о том, какое место в ней занимает поэма.

¹⁶ Совокупность этих черт иногда называют «жанровым репертуаром»: см. Fowler A. *Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. Oxford, 1982. P. 55; Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 11.

¹⁷ См. Toohey P. *Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry*. P. 3-9; Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 36-39.

2. Рассмотреть некоторые жанровые особенности «Георгик», тематику дидактических поэм, соотношение формы и содержания, обращения к Музам, стилистические и риторические особенности поэм, роль вставных мифологических эпизодов, наличие и роль фигур «учителя» и «ученика» и способ повествования.

3. Сравнить основные композиционные приемы в «Георгиках» и в предшествующей дидактической традиции: в «Трудах и днях» Гесиода, «Явлениях» Арата, «О природе вещей» Лукреция и в трактате «О сельском хозяйстве» Варрона.

4. Сопоставить основные проблемы, мотивы и понятия (миф о смене поколений, роль богов в жизни людей, неприятие насилия, понятия труда и справедливости) в «Георгиках» и в предшествующей литературной традиции.

Используемая методология

В работе проводится комплексный сравнительный анализ поэмы Вергилия «Георгики» и предшествующих дидактических поэм с применением филологического подхода.

Научная новизна работы

Настоящая диссертация представляет собой первое комплексное исследование поэмы Вергилия «Георгики» на русском языке. В исследовании поэма Вергилия «Георгики» рассматривается в контексте предшествующей традиции дидактического эпоса, изучается трансформация Вергилием предшествующей традиции, а также предлагается интерпретация поэмы, связанная в том числе с ее жанровыми особенностями.

Теоретическая и практическая значимость работы

Диссертация вносит вклад в понимание существования и воспроизводства жанра в античности. Полученные результаты возможно использовать в курсе лекций и на семинарских занятиях по истории античной литературы, а также при аналитическом чтении «Георгик» Вергилия в рамках курса латинского языка.

Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения:

1. Хотя античными теоретиками жанр дидактического эпоса практически не выделяется, а в современной науке встречаются утверждения, что он сформировался как жанр не раньше эллинистической эпохи или даже позже, «Георгики» Вергилия – поэма, сознательно написанная в рамках этой традиции; Вергилию важны Гесиод, Арат, Никандр и Лукреций, и при этом единственного, главного литературного образца у «Георгик» нет.

2. Железный век, образ, заимствованный Вергилием у Гесиода и Арата, описывается им как век господства *labor improbus* (I. 145-146), но *improbus*, «непомерный» или «нечестивый», не нужно понимать как обязательный эпитет труда земледельца, которому посвящена поэма; возможен и другой труд, подобный труду Аристея, выполняющего *praescepta deum* (IV, 449), и он не останется безрезультатным.

3. Описание счастливой жизни земледельцев в конце второй книги «Георгик» является не констатацией, но обращенным к читателю и к себе самому призывом бежать от городских пороков, ведущих к гражданским войнам; эпитет «справедливейшая» в этом контексте (*iustissima tellus*, II. 460) также звучит не констатацией, но молитвой к богине *Tellus* о том, чтобы она помогла возвращению справедливости и прекращению железного века.

4. Стилистический регистр дидактического эпоса, который впоследствии был охарактеризован как *medium genus dicendi*, Вергилий характеризует как *angustis rebus addere honorem* (III. 290); правы те комментаторы, которые понимают *angustae res* как предметы, лишённые размаха и величественности и требующие кропотливого внимания, но не как вульгарные или низменные.

5. Вероятно, сфрагида в конце «Георгик», где Вергилий единственный раз в творчестве пишет свое имя, отражает завершение несохранившейся поэмы Никандра «Георгики», поскольку обе сохранившиеся поэмы этого автора заканчиваются подобным образом.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. К работе прилагается список использованной литературы.

Во введении дается общая характеристика содержания и структуры диссертации, объекта и предмета исследования; изложены цели и задачи работы, а также положения, выносимые на защиту; описывается практическая значимость работы; характеризуется методология исследования; обосновывается актуальность исследования и его научная новизна; дается определение жанру дидактического эпоса и формулируются основные жанровые особенности; описываются основные проблемы изучения жанра дидактического эпоса и «Георгик» Вергилия как дидактической поэмы.

Первая глава диссертации посвящена тому, что сам Вергилий в «Георгиках» пишет о принадлежности поэмы к традиции дидактического эпоса, прямым упоминаниям предшественников в «Георгиках» и аллюзиям на их произведения. Глава состоит из пяти разделов, в первом из которых мы рассматриваем так называемое «поэтическое самосознание»¹⁸. Второй раздел посвящен авторским заявлениям Вергилия о принадлежности поэмы к гесиодовской традиции, третий – аллюзиям Вергилия на поэмы Никандра, четвертый – «Георгикам» Вергилия и «Явлениям» Арата, пятый – «Георгикам» и «О природе вещей» Лукреция.

Во второй главе речь идет о некоторых жанровых особенностях дидактического эпоса и о том, как они проявляются в «Георгиках» Вергилия. Это основные формальные особенности, а также общая тематика дидактических поэм, обращения к Музам, стилистические и риторические особенности поэм, роль вставных мифологических эпизодов, наличие и роль фигур «учителя» и «ученика» и способ повествования. Каждой из этих особенностей посвящен отдельный раздел.

В третьей главе речь идет о композиции дидактических поэм и «Георгик» Вергилия, ведь единство композиции – одна из важных особенностей жанра дидактического эпоса, заменяющая единство сюжета. Глава состоит из девяти

¹⁸ Volk K. The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius. P. 39.

разделов, первый из которых посвящен общим принципам построения дидактических поэм, второй – единству изложения в дидактическом эпосе. В третьем и четвертом разделах речь идет о таких композиционных приемах в «Георгиках», как каталог и *exempla*. В пятом разделе мы рассматриваем композицию «Георгик» и принципы изложения материала в трактате Варрона «О сельском хозяйстве», в шестом сравниваем композицию «Георгик» с «Трудами и днями» Гесиода, в седьмом – с «О природе вещей» Лукреция. Последние два раздела посвящены системе отступлений в «Георгиках» и линии взаимоотношений земледельца и природы в поэме.

В четвертой главе мы анализируем основные мотивы и понятия дидактических поэм: это миф о смене веков (поколений), взаимоотношения богов и людей, неприятие насилия и войн, понятия «труд» и «справедливость». Каждой из этих тем посвящен отдельный раздел.

В заключении представлены основные выводы из проделанной работы.

Список использованной литературы состоит из 149 наименований.

Апробация работы

Материалы и предварительные результаты диссертации были представлены к обсуждению на следующих конференциях:

1. Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXV (чтения памяти профессора И. М. Тронского). Санкт-Петербург, 21-23 июня 2021. Труд в «Георгиках». К интерпретации *labor improbus* (Verg. Georg. I 145-146).

2. Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXVI (чтения памяти профессора И. М. Тронского). Санкт-Петербург, 27-29 июня 2022. *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (II. 460).

Предварительные результаты исследования были опубликованы в научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ им. М. В. Ломоносова:

1. Шаршукова О. В. *Labor* в «Георгиках» Вергилия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. С. 114-129.

2. Шаршукова О. В. *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (П. 460) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. XXVI, 2. С. 1181-1191.

3. Шаршукова О. В. *Angustae res* в «Георгиках» Вергилия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. XXVII, 2. С. 1266-1278.

4. Шаршукова О. В. Некоторые философские представления в «Георгиках» Вергилия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3, ч. 2. С. 254-262.

Степень научной разработанности темы¹⁹

Восприятие жанра дидактического эпоса в античности

Понятие «дидактический эпос» в античных источниках выделяется редко. Малочисленные же случаи его упоминания вызывают у некоторых ученых сомнения, что речь идет именно о литературной категории, а это в свою очередь приводит к дискуссии о том, осознавался ли дидактический эпос как жанр в античности.

Д. Сайдер справедливо отмечает, что в древнегреческом языке эпитет «дидактический» (διδακτικός) не употребляется по отношению к поэтическим произведениям (ποίημα/ποίησις). Также исследователь полагает, что жанр дидактического эпоса в эпоху архаики и классики не осознавался и «появился» лишь в эллинистический период, когда появилось осознание жанра. Тогда же, по мнению Д. Сайдера, к категории «дидактического эпоса» были отнесены некоторые произведения, созданные ранее: это прежде всего «Труды и дни» Гесиода и философские поэмы, например, Парменида и Эмпедокла²⁰.

¹⁹ Поскольку литература по жанру и по «Георгикам» Вергилия является необозримой, здесь мы концентрируемся на проблемах, связанных с жанром дидактического эпоса и с изучением «Георгик» как дидактической поэмы.

²⁰ Sider D. Didactic poetry: The Hellenistic invention of a pre-existing genre. P. 17-21.

Среди пяти жанров, перечисленных Цицероном в начале «О наилучшем роде ораторов» (трагедия, комедия, эпос, мелическая лирика, дифирамб — I.1), дидактический эпос не упоминается. Также этот жанр не встречается и в «Науке поэзии» Горация.

Манилий в начале второй книги «Астрономики» (II. 1-47) перечисляет поэтов, которых считает своими предшественниками, не отделяя героический эпос от дидактического (и даже от буколики²¹). Первым он упоминает Гомера, затем – Гесиода («ближайшего к Гомеру» – *proximus illi*, 11), Арата и Никандра, а также Феокрита и тех, кто воспел путешествия в подземный мир. Он также добавляет, что Музы «спели о каждом роде вещей» (*omne genus rerum doctae cecinere sorores*, II. 49), что также может свидетельствовать в пользу того, что он не делает различия между героическим и дидактическим эпосом.

Квинтилиан относит Гесиода, Арата, Никандра, а также Гомера, Антимаха, Паниассида, Аполлония, Феокрита, Писандра и Эвфориона к категории эпических поэтов (*epici*, *Inst. Orat.* X. 1. 46-57), а также объединяет в одну категорию Вергилия, Лукреция и Энния (*Inst. Orat.* X. I. 85-87)²².

Плутарх упоминает вместе в связи с несоответствием содержания поэтической форме поэмы Эмпедокла и Парменида, поэму Никандра *Ἐπικὰ*, а также нравоучительные элегии Феогнида (*De audiendis poetis* II. 16c). Общее у этих произведений, по его мнению, – использование стихотворного размера в качестве «опоры» (*ῥῆμα*). В то же время Плутарх не называет эти произведения дидактическими и не упоминает в их числе, например, «Труды и дни» Гесиода или «Георгики» Вергилия. Вероятно, так происходит потому, что традиция дидактического эпоса не в центре внимания Плутарха (ведь элегии Феогнида – произведение дидактическое, но не эпос). Видимо, он просто приводит в пример поэмы с наиболее трудным для восприятия содержанием.

²¹ Г. Гулд полагает, что Манилий объединяет поэтов по метрическому фактору, перечисляя наиболее знаменитых из тех, кто писал гекзаметром (*hexameter poetry*).

См. Manilius. *Astronomica*. With an English translation by G. P. Goold. London, 1977. P. 81.

²² Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 29.

Сервий в предисловии к «Георгикам» Вергилия называет поэму дидактической: *et hi libri didascalici sunt* (Serv. praefat. in Verg. Georg. Thilo). До Сервия этот термин, по-видимому, не употребляется в латинском языке для определения литературной категории²³. Более того, хотя слово *didascalicus* очевидно греческого происхождения, греческое *διδασκαλικός* значит просто «обучающий» и не используется для обозначения литературного жанра²⁴. Как предполагает П. Весперини, и Сервий, называя «Георгики» *didascalici libri*, не выделяет жанр дидактического эпоса, а подчеркивает обучающий характер поэмы, который отличает ее от «Энеиды»²⁵.

Однако грамматик Диомед в перечислении поэтических жанров дидактическую поэзию уже упоминает. Он относит к этому жанру философские поэмы Эмпедокла и Лукреция, астрономические поэмы, в частности, «Явления» Арата и перевод Цицерона, а также «Георгики» и «подобные поэмы»: *didascalice est qua comprehenditur philosophia Empedoclis et Lucreti, item astrologia, ut phaenomena Arati et Ciceronis, et georgica Vergilii et his similia* (482 30-32; 483. 1-3)²⁶. Дидактические поэмы у Диомеда в свою очередь – подвид объясняющих,

²³ Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. P. 19-20. Впрочем, одно из сохранившихся во фрагментах произведений Акция носило название *Didascalica* (упоминается дважды в третьей книге «Аттических ночей» Авла Гелия); в то же время это название скорее отражает содержание поэмы, чем ее жанр.

²⁴ См. LSJ.

²⁵ Vesperini P. *La poésie didactique dans l'Antiquité: une invention des Modernes*. P. 26.

²⁶ Примечательно, что Диомед приводит римский и греческий пример поэмы на каждую тему: о природе вообще — Эмпедокла и Лукреция, о звездном небе — Арата и Цицерона. Однако пример поэмы о земледелии только римский («Георгики»), греческие же предшественники, в частности, Гесиод, не упоминаются, а, скорее всего, подразумеваются под «подобными». Возможно, это связано с тем, что Вергилий в представлении Диомеда затмил греческую традицию, или же «Труды и дни» Гесиода — настолько знаменитое произведение, что не нуждается в упоминании.

описательных поэм (*enarrativum vel enuntiativum, quod Graeci exegeticon vel arangelicon dicunt*) (482.13-17)²⁷.

Опять же, по мнению П. Весперини, определение *didascalicus* здесь является формальным и может не свидетельствовать о том, что категорию дидактического эпоса осознавали и выделяли²⁸. С другой стороны, К. Фолк полагает, что Диомед был первым, кто упомянул дидактическую поэзию именно как литературный жанр²⁹.

Также в Коаленовском трактате среди видов амиметической поэзии (примечательно, что авторы выделяют и ее помимо аристотелевской миметической)³⁰ упоминается воспитательная или образовательная (*παιδευτική*), которая в свою очередь подразделяется на наставительную (*ὀφηγητική*) и теоретическую (*θεωρητική*). Как отмечают А. Далцелл и К. Фолк, здесь подразумевается дидактический эпос³¹.

Таким образом, определение *didascalicus* применительно к литературным произведениям встречается редко. Также не всегда понятно, идет ли речь о жанре дидактического эпоса или же сама поэма характеризуется как «обучающая», «образовательная» или даже «воспитательная».

Некоторые исследователи, например, П. Весперини³² полагают, что в античности (в том числе и в эпоху эллинизма и позже) Гомера не

²⁷ Грамматик следует за Платоном, классифицируя произведения по способу повествования: в драматических говорят только герои, в «нарративных», к которым относится и дидактический эпос – только автор, а в произведениях «смешанного» типа речь персонажей и автора чередуется.

²⁸ Vesperini P. *La poésie didactique dans l'Antiquité: une invention des Modernes*. P. 26.

²⁹ Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 31-32.

³⁰ Там же. P. 31.

³¹ Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Vergil, and Ovid*. P. 205; Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 31.

³² Vesperini P. *La poésie didactique dans l'Antiquité: une invention des Modernes*. P. 26-27.

противопоставляли Гесиоду, не отделяя дидактический эпос от героического³³. Для современного читателя различие между «Трудами и днями» и «Илиадой» очевидно, поскольку поэма Гесиода и ей подобные описательны и не имеют сюжетной линии. Но в античном восприятии, по мнению П. Весперини, это различие не имело значения. Дело в том, что и дидактические поэмы, и героические схожи по форме: и те, и другие написаны гекзаметром. Также в эпосе – и в дидактическом, и в героическом – повествование в основном ведется от третьего лица.

Кроме того, П. Весперини отмечает, что в глазах древних любая поэзия, а не только «Труды и дни» и им подобные поэмы, обладает дидактической функцией. Гомер считался учителем Греции, и, по мнению французского исследователя, все авторы поэм, которые сегодня считаются дидактическими, стремились состязаться именно с Гомером.

Действительно, героические поэмы отличаются от дидактических прежде всего отсутствием сюжета. Музы, к которым обращаются авторы и героических, и дидактических поэм, могут спеть обо всем: сколько кораблей было под Троей, сколько на небе звезд, когда и как нужно пахать и сеять и т.д. В то же время, когда фабульная составляющая выходит на первый план, а также когда поэзия начинает рассматриваться как миметическое искусство³⁴, героический эпос неизбежно противопоставляется дидактическому и приобретает большее значение.

Все же мы полагаем, что, даже если в античности дидактический эпос не отделяли от героического (хотя и это можно подвергнуть сомнению), поэмы, которые в современной науке принято называть дидактическими, обладают достаточным количеством общих черт, чтобы рассматривать их как отдельную литературную традицию.

³³ См. также Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 29. В. Кролл писал: für sie sind die meisten L[ehrgedichte] einfach ἔπη (цит. по Volk 2002, p. 29).

³⁴ Именно поэтому наиболее ярко противопоставляет дидактический эпос героическому в античности Аристотель, отказываясь считать Эмпедокла поэтом, поскольку тот претендует на истину, а поэт в понимании Аристотеля лжет.

Отрывочность же упоминаний о жанре дидактического эпоса связана в том числе с тем, что представления о жанре в античности отличались от привычных нам, а теория жанра в современном ее понимании отсутствовала³⁵. Так, Д. Рассел пишет, что «исторически теория жанров — в большей степени наследие эпохи Ренессанса, чем античности»³⁶. Т. Розенмайер обращает внимание на то, что схематические описания жанров у Платона и Аристотеля не исчерпывающи и даже не предполагались таковыми. По мнению исследователя, метод Аристотеля, применяемый к жанрам литературы, скорее описательный, а не аналитический. В дальнейшем же грамматиков больше интересовало продолжение каталогизации произведений, а не развитие жанровой теории в привычном нам понимании (например, исследование взаимосвязей между текстами, относящимися к одному жанру; создание завершенной системы жанров)³⁷.

Мы полагаем, что для анализа поэм, которые принято относить к жанру дидактического эпоса, не столь важно, осознавался ли в античности этот жанр и выделялся ли он на теоретическом уровне³⁸. Ведь несмотря на теоретические соображения древних грамматиков или современных исследователей, поэмы, которые принято считать дидактическими, обладают чертами сходства между собой и отличаются от, например, героического эпоса или прозаических трактатов. Эти тексты образуют традицию, которая, безусловно, осознавалась и использовалась авторами поэм, а также легко распознавалась их читателями³⁹.

³⁵ Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 27.

³⁶ Russell D. A. *Criticism in Antiquity*. London, 1981. P. 148-149.

³⁷ Rosenmeyer T. G. *Ancient Literary Genres: A Mirage?* // *Oxford Readings in Ancient Literary Criticism*. Ed. by A. Laird. Oxford, 2006.

³⁸ Как справедливо отмечает К. Фолк, нет свидетельств того, что различные теории античных критиков оказали существенное влияние на авторов дидактических поэм (Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 33).

³⁹ См. Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 10-12; Gale M. *Didactic Epic* // *A Companion to Latin Literature*. Ed. by S. Harrison. Oxford, 2005. P. 101-115.

Т. Розенмайер отмечает, что и для авторов, и для теоретиков литературы в древности имела большее значение именно традиция, имеющая имя основателя, *πρῶτος εὐρετής*, а не жанры в современном представлении (имеющие, например, какие-то общие мотивы, но «безымянные», не обладающие именем основателя)⁴⁰. Так, у Квинтилиана перечисляются в основном не жанры, а имена основателей той или иной традиции (Instit. Orat. 10.1).

Выделяемые исследователями жанровые особенности дидактического эпоса

В современной науке предпринимались различные попытки дать определение античной дидактической поэме, сформулировать основные жанровые особенности и классифицировать дидактические поэмы.

Например, в книге «Поэтика римской дидактики: Лукреций, Вергилий, Овидий, Манилий» К. Фолк формулирует четыре признака, которые, по ее мнению, присущи большинству дидактических поэм.

Первый из них – выраженное намерение автора научить читателя чему-либо⁴¹. Многие литературные произведения – необязательно дидактические – могут чему-либо научить читателя. К. Фолк приводит в качестве примера поэмы Гомера, которые в античности цитировали как источник знаний по крайне широкому кругу тем⁴². Но это не делает «Илиаду» и «Одиссею» дидактическими поэмами, поскольку автор дидактической поэмы, в отличие от

⁴⁰ Rosenmeyer T. G. Ancient Literary Genres: A Mirage? P. 435-436. Также см. Volk K. The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius. P. 27, где автор формулирует три составляющих литературной традиции, важные для древних: метрика, содержание и основатель традиции.

⁴¹ Volk K. The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius. Oxford, 2002. P. 36.

⁴² См. также Vesperini P. La poésie didactique dans l'Antiquité: une invention des Modernes. P. 27: ἔξ ἀρχῆς καθ' Ὅμηρον ἐπεὶ μεμαθήκασι πάντες (Xenophon fr. 10 D-K) - «сначала все учились по Гомеру».

Гомера, как правило, напрямую заявляет о намерении обучить читателя чему-либо.

В то же время важно отметить, что намерение обучить не всегда четко сформулировано в дидактическом эпосе. Дело в том, что это понятие включает в себя все поэмы, в которых сюжет заменен изложением сведений. Так, «Теогония» Гесиода не содержит обещания научить читателя генеалогии богов; поэт начинает со знаменитого рассказа о Музах, а затем переходит к предмету поэмы. Также и приписываемая Гесиоду поэма «Каталог женщин» представляет собой каталог, где намерение автора научить читателя не сформулировано. Похожим образом устроены и некоторые эллинистические дидактические поэмы, хотя Арат и Никандр и пишут о том, что изложенные ими знания будут полезны для моряка или земледельца.

Кроме того, К. Фолк отмечает, что для дидактического эпоса характерно наличие в произведении фигур ученика (читателя) и учителя (автора)⁴³, о чем пишет еще Сервий. В различных произведениях это выражено в разной степени: например, Лукреций настойчиво поучает читателя, а Арат ограничивается периодическими обращениями во втором лице. Это достаточно тесно связано с тем, насколько четко сформулировано (и сформулировано ли вообще) так называемое «намерение обучать».

Третья из выделяемых К. Фолк отличительных черт дидактической поэзии – «поэтическое самосознание» (*poetic self-consciousness*)⁴⁴. Эта особенность проявляется в размышлениях автора о поэме, о поэзии и характерна для большинства дидактических поэм.

Последний из перечисляемых К. Фолк признаков дидактической поэмы – это «поэтическая одновременность» (*poetic simultaneity*)⁴⁵. Дидактическая поэма, подобно песне, которую поет поэт, словно создается на глазах читателя (слушателя). Автор же героической поэмы очень редко говорит от первого лица.

⁴³ Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 37-38.

⁴⁴ Там же. P. 39.

⁴⁵ Там же. P. 15-16; 39.

Дело в том, что древние сказители, хотя и изменяли текст и фактически создавали его заново в процессе исполнения⁴⁶, не считали поэму своим произведением и в своем представлении и в представлении слушателей лишь передавали повествование, которому их научили. Дидактический же поэт, наоборот, ведет повествование в основном от первого лица, что создает иллюзию того, что поэма создается на наших глазах.

Конечно, приведенный список К. Фолк нельзя назвать исчерпывающим. Например, П. Тухи перечисляет некоторые другие жанровые особенности⁴⁷. Так, гекзаметр объединяет дидактический эпос с героическим, и для дидактических поэм типичен небольшой по сравнению с героическими объем. Наставление часто подразумевает изложение большого количества сведений и технических подробностей, которые перемежаются иллюстрациями, вставными эпизодами мифологического характера. Также, как правило, дидактические поэмы имеют серьезный характер. Кроме того, нельзя не отметить моральный подтекст, свойственный многим дидактическим поэмам: начиная с Гесиода, дидактические поэты призывают к труду, сожалеют о насилии и о несправедливости.

Дидактическая поэма – это поэма, в которой нет сюжета, но излагаются сведения по той или иной теме, из чего и проистекают многие особенности жанра.

Попытки классификации дидактических поэм

Немецкий исследователь Бернхард Эффе предлагает синхронический подход к систематизации дидактических произведений⁴⁸. Его классификация опирается на «цель» или «намерение» автора (Ziel, Intention). По мнению ученого, автор намерен либо обучить читателя чему-либо, либо поразить его. Также Б. Эффе

⁴⁶ Лорд А. Б. Сказитель. Пер. Ю. А. Клейнера и Г.А. Левинтона. М., 1994.

⁴⁷ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 2-4.

⁴⁸ Kenney E. J. The Typology of Didactic. Review on: Dichtung und Lehre. Untersuchungen zur Typologie des antiken Lehrgedichts by B. Effe // The Classical Review. 1979. 29. P. 71-73.

предлагает отделять «внутренний предмет» произведения, его идею, от «внешнего предмета», то есть темы⁴⁹.

На основании этого Б. Эффе делит античные дидактические произведения на три группы. К первой относятся «обучающие напрямую» (*sachbezogen*), где тема и идея совпадают. Например, это «О природе вещей» Лукреция, «О сельском хозяйстве» Колумеллы⁵⁰, «Описание Ойкумены» Дионисия Перизгета.

А «Явления»⁵¹ Арата и «Георгики» Вергилия, по мнению Б. Эффе, относятся ко второй группе, которую составляют произведения, обучающие читателя косвенно, скрыто. Тема и идея в подобных произведениях уже расходятся.

К третьей группе у Б. Эффе относятся произведения, где тема и идея также различны, а намерение авторов – уже не научить читателя, а удивить его. Они чаще всего формальны (*ornamental*); в качестве примера можно привести поэмы Никандра.

Классификация дидактических произведений Б. Эффе подвергается критике. Как отмечает А. Далцелл, сложно и даже не всегда возможно отделить «внутренний предмет» произведения от «внешнего», в то время как классификация Эффе основана на этом делении. Также часто вызывает трудности определение «истинного намерения» автора⁵².

В сборнике посвященных дидактическим поэмам эссе А. Далцелл после разбора и некоторой критики подходов К. Фолк и Б. Эффе в свою очередь

⁴⁹ Например, в случае «Георгик» Вергилия, «внутренний предмет» – размышления о месте человека во вселенной, о справедливости и о том, напрасен ли труд. «Внешний» же предмет – сельское хозяйство.

⁵⁰ У Б. Эффе речь идет не только о поэмах.

⁵¹ По мнению Б. Эффе, «Явления» - инструмент передачи стоической идеологии, с чем не все исследователи согласны.

⁵² Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. P. 32-33; Sider D. *Didactic poetry: The Hellenistic invention of a pre-existing genre*. P. 16-17.

предлагает задавать при анализе подобных произведений два вопроса⁵³. Во-первых, он предлагает обратить внимание на отношение автора к читателю, учителя – к ученику⁵⁴. Во-вторых, по мнению А. Далцелла, при анализе дидактической поэмы важно исследовать отношение автора к тому, чему именно он хочет научить (*didactic message*)⁵⁵.

Однако при изучении отношения автора к предмету обучения появляется другая проблема: как точно определить *didactic message*? Далцелл, по-видимому, считает, что это тема поэмы, например, в случае «Георгик» Вергилия – сельское хозяйство⁵⁶. Но очевидно, что это по крайней мере не единственный предмет, которому должны научить читателя «Георгики» и другие дидактические поэмы: в большинстве из них важен моральный подтекст и комплекс нравственных идеалов⁵⁷.

Д. Сайдер, выразив несогласие с идеями Б. Эффе и К. Фолк, предлагает использовать при изучении дидактических поэм диахронический подход и классифицирует эти произведения по хронологическому принципу. Ученый выделяет три этапа развития жанра. Первый из них – эпохи архаики и классики, когда, по мнению Д. Сайдера, дидактического эпоса как жанра еще не существовало, поскольку он не осознавался современниками. В это время были созданы «Теогония» и «Труды и дни» Гесиода, а также поэмы ранних греческих философов. Второй этап развития жанра по Сайдеру – эллинистическая эпоха. На

⁵³ Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. P. 33.

⁵⁴ К. Фолк отмечает, что, если фигура «ученика» в дидактическом эпосе достаточно изучена, то фигуру «учителя» часто обходят вниманием (Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 37-38). Далцелл же предлагает сосредоточиться на отношении «учителя», автора, к «ученику», читателю.

⁵⁵ Этот вопрос – об отношении автора к предмету поэмы – задает и М. Эррен. См. Эррен М. «Георгики» Вергилия и политика Августа. Лекция, читанная в Московском Университете 3 октября 1996 г. Перевод с нем. яз. А. И. Любжина, А. И. Солопова. С.14.

⁵⁶ Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. P. 117.

⁵⁷ Gale M. *Didactic Epic*. P. 101.

этом этапе уже появляется жанр, то есть его осознание, и поэты перелагают прозаические трактаты различного содержания в стихи. Наконец, в римский период авторы часто используют либо переводят эллинистические поэмы, которые в свою очередь могут быть переложением прозаических произведений⁵⁸.

«Георгики» как дидактическая поэма в современной науке

Некоторые исследователи полагают, что «Георгики» Вергилия нельзя считать дидактической поэмой в полном смысле этого слова. Дело в том, что ее дидактическая цель – научить читателя сельскому хозяйству – очевидно не является главной целью поэмы.

На этом основании Л. П. Вилкинсон отказывается считать «Георгики» дидактической поэмой: по его мнению, она лишь «маскируется» под этот жанр⁵⁹. Также и Р. Финнеган называет дидактическое намерение автора «Георгик» «фикцией» и, вероятно, вслед за Сенекой (Sen. Ad Lucilium 86.15) утверждает, что главная цель Вергилия – не учить читателя, а развлекать его⁶⁰. К этой точке зрения присоединяется Р. Томас, который полагает, что поэма «Георгики» лишь кажется дидактической, но не является таковой. Дело в том, что поэмы Гесиода и Лукреция не являются основными образцами Вергилия, а аудитория поэмы – это точно не земледельцы, поскольку «Георгики» нельзя воспринимать как практическое руководство⁶¹. Р. Майнорс, по всей видимости, также полагал, что жанр дидактического эпоса в «Георгиках» – лишь маска⁶². Т. Ф. Теперик также пишет, что принадлежность «Георгик» Вергилия к жанру дидактического эпоса можно подвергнуть сомнению, поскольку сельскохозяйственные наставления в

⁵⁸ Sider D. Didactic poetry: The Hellenistic invention of a pre-existing genre. P. 24.

⁵⁹ Wilkinson L. P. The Georgics of Virgil: a Critical Survey. Cambridge, 1969. P. 3: This no more a didactic poem than Ovid's *Ars Amatoria*: it simply masquerades as such.

⁶⁰ Finnegan R. Plagues in Classical Literature // *Classics Ireland*. 1999. 6. P. 35.

⁶¹ Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 3-4.

⁶² Virgil. *Georgics*. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. Oxford, 1990. P. VI.

поэме адресованы явно не Мecenату, а лирические отступления у Вергилия имеют большое значение и практически «живут своей жизнью»⁶³.

Но в таком случае и тот факт, что «Труды и дни» Гесиода – дидактическая поэма, можно поставить под сомнение. Ведь Гесиод, как и Вергилий в «Георгиках» учит не только и даже не столько тому, когда и как нужно возделывать землю и вести хозяйство⁶⁴. «Труды и дни», как и «Георгики», вряд ли возможно было использовать в качестве практического руководства. Также в поэме Гесиода, как и во многих других дидактических поэмах, очевиден и важен моральный подтекст.

Вероятно, практическая польза изложенных наставлений – далеко не главный критерий, по которому поэму можно назвать дидактической. Более того, возможно, что наставления дидактических поэм часто и не предполагались для применения, хотя их практическая значимость, как правило, подчеркивается авторами⁶⁵.

Многие исследователи, к которым мы присоединяемся, считают, что «Георгики» Вергилия – безусловно дидактическая поэма⁶⁶. Например, М. Гейл отмечает, что праеceptor Вергилия раздает советы с такой же убежденностью, как в других дидактических поэмах – Гесиода, Арата и Лукреция⁶⁷.

⁶³ Теперик Т. Ф. Пастушеские мотивы в поэтике «Георгик» Вергилия. С. 25-26.

⁶⁴ Также и приписываемые Гесиоду дидактические поэмы, как правило, представляют собой некоторую сумму традиционного знания, которое далеко не всегда имеют практическую ценность. См. Ercolani A. *Fragments of Wisdom, Wisdom in Fragments // Poetry in Fragments: Studies on the Hesiodic Corpus and its Afterlife*. Ed. by C. Tsagalis. Berlin, Boston, 2017. P. 29-30.

⁶⁵ В то же время, по мнению А. Эрколани, гекзаметрические дидактические поэмы, которые приписывались Гесиоду, могли быть предназначены в том числе и для заучивания материала наизусть. См. там же, p. 29.

⁶⁶ Фон Альбрехт М. *История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на дальнейшие эпохи*. Том II. С. 735.

⁶⁷ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 273.

А. Далцелл обращает внимание на то, что «Георгики» в античности и в дальнейшем считались именно дидактической поэмой, а сельскохозяйственные наставления Вергилия даже часто воспринимались всерьез. Так, Плиний Старший в «Естественной истории» постоянно подвергает «Георгики» Вергилия критике. Но именно этот факт, как ни парадоксально, позволяет предположить, что Плиний воспринимал «Георгики» как авторитетный текст по сельскому хозяйству, в противном случае он не заслуживал бы внимания и критики⁶⁸. Также и Колумелла считает важным исправлять ошибки Вергилия. Более того, и в эпоху Ренессанса «Георгики» часто публиковались вместе с прозаическими трактатами схожей тематики: это произведения Катона, Варрона и Колумеллы⁶⁹.

⁶⁸ Doody A. Virgil the Farmer? Critiques of the *Georgics* in Columella and Pliny. P. 197.

⁶⁹ Dalzell A. The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid . P. 111.

Глава I. ВЕРГИЛИЙ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ «ГЕОРГИК» К ТРАДИЦИИ ДИДАКТИЧЕСКОГО ЭПОСА

Данная глава посвящена тому, продолжателем какой литературной традиции считает себя сам Вергилий в «Георгиках».

Как уже говорилось выше, жанр в античности часто воспринимался (в первую очередь самими авторами) как определенная литературная традиция⁷⁰. Поэтому, несмотря на теоретические проблемы различного рода, о которых говорилось во введении, важно, что традиция дидактической поэзии в античности существовала и осознавалась авторами поэм и, скорее всего, также читателями.

Как отмечает М. Гейл, авторы дидактических поэм явно относят свои произведения к определенной литературной традиции, к тому же отличной от той традиции, основоположником которой был Гомер⁷¹. Более того, в дидактическом эпосе подобного рода отсылки могут быть выражены более явно, чем в некоторых других жанрах, поскольку размышления о поэзии, о творчестве (т.н. «поэтическое самосознание») – одна из характерных черт дидактических поэм⁷².

Из авторских размышлений о поэме и творческом пути часто можно составить представление о том, последователем какой традиции автор себя считает. Также авторы часто ссылаются на основателя традиции (и это часто одна фигура, в случае дидактического эпоса – Гесиод). Кроме того, название произведения также во многих случаях является жанрообразующим признаком (пусть и не самым важным).

Кроме того, цитирование предшественников или аллюзии другого рода могут быть показателем того, что автор считает свое произведение

⁷⁰ Harrison S. J. Generic Enrichment in Vergil and Horace. P. 12: genre in antiquity is a matter of authorial positioning and readerly conditioning with regard to a coherent tradition (категория жанра в античности во многом определяется тем, что автор и читатели относят [произведение] к последовательной традиции).

⁷¹ Gale M. Didactic Epic. P. 101-102.

⁷² Volk K. The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius. P. 39.

принадлежащим к той или иной традиции. Конечно, не стоит воспринимать таким образом любую литературную отсылку: например, аллюзия на «Медею» Еврипида в «Георгиках»⁷³ очевидно не означает, что Вергилий считал свою поэму трагедией. В то же время многие аллюзии можно считать своего рода сигналами о принадлежности к традиции: например, это повторяющиеся аллюзии на какое-либо произведение⁷⁴, отсылки, расположенные в ключевых местах (например, в заголовке, в начале поэмы либо одной из книг)⁷⁵, аллюзии на произведения предшественников в тех частях поэмы, где автор осмысляет творчество, либо цитаты и отсылки, свидетельствующие о некоторой полемике с другими авторами.

В этой главе мы сосредоточимся на наиболее ярких местах поэмы, где Вергилий говорит о литературной традиции, продолжателем которой он является, не анализируя всю сложную систему аллюзий в «Георгиках». Мы рассмотрим, каким образом автор «Георгик» упоминает поэмы Гесиода, Никандра, Арата и Лукреция, поскольку мы полагаем, что именно этих авторов Вергилий в «Георгиках» считает своими основными литературными предшественниками⁷⁶.

§1. «Поэтическое самосознание» в дидактических поэмах

1.1. «Poetic self-consciousness» К. Фолк

Для античной поэзии вообще, но в особенности дидактических поэм, как греческих, так и римских, характерны размышления автора о своем творческом пути и о поэзии. К. Фолк считает это явление одним из четырех отличительных

⁷³ Georg. I. 254-256 – Eur. Med. 1-5. Thomas R. F. Virgil's Georgics and the Art of Reference // Harvard Studies in Classical Philology. 1986. 90. P. 182.

⁷⁴ Fowler A. Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes. P. 90.

⁷⁵ Там же. P. 92, 98.

⁷⁶ Поскольку в центре нашего внимания «Георгики» Вергилия и жанр дидактического эпоса, здесь мы рассматриваем только дидактические поэмы и не обращаемся к прозаическим трактатам.

признаков дидактического эпоса и называет его «поэтическим самосознанием» (poetic self-consciousness)⁷⁷.

В то же время в героическом эпосе мы практически не находим размышлений поэта о творчестве. Одним из исключений можно назвать знаменитое обращение Гомера к Музам во второй песни «Илиады» (II. II. 484-493), но и здесь поэт уповает на помощь и всеведение Муз, умаляя собственную роль. Как мы полагаем, такое отличие героических поэм от дидактических связано с тем, что в дидактическом эпосе фигура автора играет более значительную роль. Поскольку в дидактической поэме обязательно подразумевается фигура ученика, то и автор (учитель) выходит на первый план.

Уже в поэмах основоположника традиции дидактического эпоса Гесиода есть два места, где проявляется так называемое «поэтическое самосознание». Во-первых, это знаменитый рассказ о встрече с Музами в «Теогонии» (Theog. 22-34), где поэт достаточно подробно рассказывает о том, что искусству слагать песни был обучен ими. В то же время это место напоминает воззвание к Музам в «Илиаде»: здесь идет речь также в большей степени о влиянии и могуществе Муз, чем о роли самого поэта.

Но в «Трудах и днях» Гесиод упоминает, что плывал на остров Эвбея на поэтическое состязание в честь Амфидаманта, которое выиграл, за что получил в награду треножник (Op. 650-659). Этот эпизод послужил основой для позднейшего «Состязания Гомера и Гесиода». Примечательно, что, рассказывая об этом состязании, Гесиод говорит именно о себе, о своем творчестве, даже хвастается победой. Как отмечает У. Минтон, в «Трудах и днях» Гесиода личное начало поэта проявляется ярче, чем в «Теогонии»⁷⁸, что мы и наблюдаем здесь.

Мы полагаем, что в том числе эти места в поэмах Гесиода положили начало тому, что некоторые из его последователей в дальнейшем включают в поэмы размышления о творчестве. В то же время авторы эпохи эллинизма, например,

⁷⁷ Volk K. The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius. P. 39.

⁷⁸ Minton W. W. Invocation and Catalogue in Hesiod and Homer // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1962. P. 199.

Арат или Никандр, о творчестве не пишут. Вероятно, это связано с тем, что эти поэмы представляют собой практически каталоги и ближе именно к «Теогонии» Гесиода, а не к «Трудам и дням».

Но для поэм рассматриваемых нами римских авторов – Лукреция и Вергилия – это явление весьма характерно. Вероятно, так происходит в том числе потому, что «О природе вещей» Лукреция и «Георгики» Вергилия композиционно и тематически ближе к «Трудам и дням», чем к «Теогонии» Гесиода. Как и в «Трудах и днях», в этих поэмах речь идет скорее о жизни и устройстве мира в целом, чем о какой-то конкретной области. Вероятно, это также связано с тем, что для римской литературы как продолжения эллинистической, характерна склонность к рефлексии⁷⁹.

Лукреций дважды оправдывает выбор поэтической формы для изложения научно-философской концепции тем, что таким образом он делает содержание более легко воспринимаемым для читателя, подобно тому, как горькое лекарство подслащают медом для детей (Lucr. I. 943-944, IV. 418)⁸⁰. Кроме того, автор поэмы жалуется и на трудности перевода: нелегко ясно изложить греческую философию в латинских стихах (в том числе из-за необходимости перевода терминов и понятий). В то же время поэт добавляет, что надеется преодолеть эти трудности, побуждаемый доблестью читателя (*tua virtus*) и надеждой на приятную дружбу (*sperata voluptas suavis amicitiae*) (Lucr. I.136-145).

⁷⁹ Склонность к рефлексии в широком смысле свойственна римской литературе вообще, а не только дидактическому эпосу. Ср., например, *recusatio* в начале шестой эклоги Вергилия, или в первой элегии второй книги Проперция (см. Wimmel, W. *Kallimachos in Rom // Hermes: Zeitschrift für klassische Philologie*. 1960. 16. S. 133; Cameron A. *Callimachus and His Critics*. Princeton, 1995. P. 454). В римской сатире мы также встречаем размышления о творчестве (см. Шумилин М. В. Римская сатира и идея «метризации» текста в античной литературной теории. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2011. XV. С. 594-601).

⁸⁰ Несмотря на то, что сам Эпикур выступал против поэзии и практически никогда не цитировал поэтов. См. De Lacy P. H. *Lucretius and the History of Epicureanism // Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1948. 79. P. 22.

Также и Вергилий в «Георгиках» размышляет о своем творческом пути: о нынешнем труде, о будущей героической поэме и об эклогах.

По отношению к «Георгикам» в поэме трижды⁸¹ употребляется слово *labor* – труд. Поэт относится к своему труду так же, как и земледелец должен относиться к своему: он надеется, что при благосклонности покровителя и богов его труд не пропадет⁸².

Кроме того, в эллинистической и в дальнейшем в римской литературе часто встречаются *recusatio*⁸³, отказ поэта от продолжения той или иной традиции, что также позволяет определить, к какой традиции (не) относит свое произведение сам поэт.

Например, в знаменитом *recusatio* во вступлении к третьей книге «Георгик» Вергилий говорит о будущей героической поэме, сравнивая ее с храмом, который он воздвигнет в честь Октавиана (*Georg.* III. 2-48)⁸⁴. По мнению Ст. Харрисона, о героическом эпосе также идет речь и в *laudes Italiae* во второй книге (этот эпизод исследователь предлагает также считать *recusatio*)⁸⁵.

В концовке же «Георгик» Вергилий повторяет начало первой эклоги (*Georg.* IV 566 = *Ecl.* I. 1), тем самым словно завершая первый этап творчества, чтобы в дальнейшем перейти к созданию героической поэмы. Также поэт называет себя здесь по имени (*Illo Vergilium me tempore dulcis alebat | Parthenope*, IV. 563-564), что подчеркивает, что фигура автора здесь играет значительную роль.

⁸¹ II. 39-41, IV. 6-7, IV. 116-117.

⁸² Шаршукова О. В. *Labor* в «Георгиках» Вергилия. С. 127.

⁸³ Вероятно, в основу *recusationes* в августовской поэзии легли строки Вергилия в начале VI эклоги (*Ecl.* VI. 2-5). См. Wimmel, W. *Kallimachos in Rom*. S. 133.

⁸⁴ В то же время вступление напоминает и эпиникий в традиции Пиндара и Каллимаха; см. Balot R. K. *Pindar, Virgil, and the proem to Georgic 3 // Phoenix*. 1998. 52. P. 83-94. О том, как Вергилий в VI Эклоге отказывается от написания энкомия, см. Cameron A. *Callimachus and His Critics*. P. 454.

⁸⁵ Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 146-148.

1.2. Название произведения

Первое, на что обращает внимание читатель – это название произведения, и оно также может быть одним из жанровых признаков. Хотя в случае античных текстов заголовков и не всегда давался самим автором произведения⁸⁶, все же во многих случаях название говорит о принадлежности к определенной традиции, что, видимо, распознавалось читателями⁸⁷.

Чаще всего название дидактической поэмы в определенной степени отражает ее тему (что подчеркивает, что это поэма о чем-то, но не о ком-то; героические же поэмы часто названы по имени главного героя). Так, в поэме Гесиода «Труды и дни» рассказывается о трудах (работах, которые необходимо выполнить) и днях (сроках, когда необходимо выполнить эти работы). В поэме Никандра *Ἐπιχαί* («Противоядия») рассказывается о противоядиях против укусов ядовитых животных, поэма Оппиана *Ἀλιευτικά* («Рыболовство») посвящена рыбной ловле, приписываемая ему же *Ἰξευτικά* («Птицеловство») – ловле птиц, в поэме псевдо-Оппиана *Κυνηγέτικα* («Псовая охота») речь идет о псовой охоте. «Явления» Арата посвящены астрономии и погодным приметам, то есть небесным и погодным явлениям, а тема «Георгик» Вергилия – земледелие и сельское хозяйство.

В то же время философские дидактические поэмы, претендующие на полное объяснение устройства мироздания (соответственно, их главная тема – вселенная, природа), как правило, называются «О природе...»: «О природе» Эмпедокла, «О природе вещей» Лукреция.

⁸⁶ Часто авторами заголовков становились писцы и комментаторы. В то же время не всегда бывает возможно установить, кто именно дал название дошедшим до нас произведениям, и по умолчанию подразумевается, что это все же сам автор (Fowler A. *Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. P. 92).

⁸⁷ Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 23.

Из названия «Георгики» очевидно, что это поэма о сельском хозяйстве и поэма дидактическая⁸⁸. В то же время этот заголовок несколько «обманывает» читателя: ведь речь в поэме идет не только о сельском хозяйстве (в то время как, например, поэмы Никандра и Оппиана полностью посвящены именно противоядиям и рыбной ловле соответственно). Можно предположить, что Вергилий не стал давать поэме более общее название («О природе...»), поскольку «Георгики» – все же не философская поэма в полном смысле этого слова (в ней не излагается никакой последовательной философской концепции).

Также название поэмы Вергилия – это и отсылка к одноименной сохранившейся во фрагментах поэме Никандра, о чем Сервий не упоминает (вероятно, потому что для Сервия Вергилий в «Георгиках» в первую очередь следует за Гесиодом, а не сочетает различные черты гесиодовской и эллинистической поэтики).

1.3. Ссылки на *auctores*

Также для дидактического эпоса, как и античной литературы вообще, характерны отсылки к *auctores*, основателям традиции⁸⁹.

Некоторые авторы дидактических поэм ссылаются на Гесиода, который, несомненно, воспринимался как основатель дидактической традиции.

Например, Никандр (хотя так называемое «поэтическое самосознание» в его поэмах практически не проявляется) в начале *Θηριακά* (10-12) пишет, что пауки, рептилии и гадюки произошли от крови титанов, «если Аскрейский Гесиод говорит правду».

⁸⁸ Сервий также обращает внимание на название поэмы: он пишет, что Вергилий не захотел перевести название поэмы Гесиода, хотя сделал так с заголовком «Буколик» и назвал «Энеиду» по имени главного героя, имитируя «Одиссею» (Serv. praefat. in Verg. Georg. Thilo).

⁸⁹ Об *aemulatio* и о значении основателя для литературной традиции в античности см., например, Rosenmeyer T. G. *Ancient Literary Genres: A Mirage?* P. 435.

Вергилий в «Георгиках» периодически цитирует своих предшественников, в том числе Гесиода, но только его упоминает прямо: поэт называет свою поэму «аскрейской песнью» (II. 176).

1.4. Аллюзии на произведения предшественников

Также и менее очевидные аллюзии (т.е. не прямые упоминания) на произведения предшественников или цитаты из их произведений могут указывать на то, продолжателем какой литературной традиции считает себя поэт⁹⁰.

Например, хотя Гесиод и не упоминается прямо в «Явлениях» Арата, Каллимах об этой поэме пишет: Ἠσιόδου τὸ τ' ἄεσμα καὶ ὁ τρόπος («песня и манера – Гесиода», Epigr. XVII (29) Pfeiffer). Исследователи также отмечают, что и самое начало⁹¹ поэмы Арата написано, скорее всего, в подражание Гесиоду: Арат начинает с гимна Зевсу, а не с предмета поэмы⁹². Кроме того, в начале «Явлений» трижды повторяется Διός – Διός – Διός (Phaen. 1,2,4), как в начале «Трудов и дней» – Δία – διά – Διός (Op. 2,3,4).

Лукреций также начинает «О природе вещей» с гимна Венере, несмотря на то что согласно эпикурейской философии боги не принимают участия в делах людей. Можно предположить, что он поступает так, следуя традиции Арата и

⁹⁰ Ст. Харрисон объединяет ссылки на auctores и аллюзии на другие произведения под названием *metagenetic signals* («метажанровые сигналы»), поскольку концентрируется не на «основном жанре», а, наоборот, на включении элементов одного жанра в произведение другого жанра (что В. Кролл назвал *Die Kreuzung der Gattungen*). См. Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 27-33.

⁹¹ А. Фаулер обращает внимание на части произведения, где можно с большей вероятностью обнаружить «жанроопределяющие» аллюзии. Это в том числе начало произведения – *exordium* и *captatio benevolentiae* (Fowler A. *Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. P. 88, 102).

В дидактических поэмах, как правило, поэт либо кратко описывает в начале тему поэмы (как Никандр или Вергилий), либо начинает поэму с гимна божеству (Гесиод, Арат, Лукреций).

⁹² Porter H. N. *Porter H. N. Hesiod and Aratus // Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1946. 77. P. 158-159.

Гесиода; Э. Асмис полагает, что Венера у Лукреция заменяет стоическую (аратовскую) фигуру Зевса⁹³.

§2. «Георгики» Вергилия и поэмы Гесиода

Еще в шестой эклоге Вергилий называет Гесиода. Так, Силен поет, как Музы дали Галлу «тростинки» аскрейского старца, и очевидно, что здесь имеется в виду начало «Теогонии», где Музы научили Гесиода петь:

hos tibi dant calamos, en accipe, Musae,
Ascraeo quos ante seni, quibus ante solebat
cantando rigidas deducere montibus ornos.

Музы дают тебе (прими же!) эти тростинки, которые [дали] прежде аскрейскому старцу, с помощью которых он пением сводил с гор твердые ясени (Ecl. VI. 69-71).

В то же время в «Буколиках» Гесиод упоминается не как основатель традиции дидактического эпоса, а как поэт-пастух.

В предисловии же к комментарию к «Георгикам» Сервий сразу пишет именно о принадлежности поэмы к гесиодовской традиции: *Virgilius in operibus suis diversos secutus est poetas... Hesiodum in his libris — «Вергилий в своих произведениях следует за разными поэтами... В этой поэме — за Гесиодом» (Serv. praefat. in Verg. Georg. Thilo).*

Название поэмы Вергилия – «Георгики» – не отсылает читателя к «Трудам и дням» Гесиода. Как уже говорилось выше, Вергилий назвал свою поэму так же, как называлась сохранившаяся лишь во фрагментах поэма Никандра. В то же время в первом стихе первой книги «Георгик», видимо, действительно содержится аллюзия на название «Трудов и дней» Гесиода:

quid faciat laetas segetes, quo sidere terram⁹⁴...

⁹³ Asmis E. Lucretius' Venus and Stoic Zeus // Hermes. 1982. 110. P. 458.

⁹⁴ Здесь и далее текст «Георгик» Вергилия цитируется по: P. Vergilius Maro. Bucolica et Georgica. Ed. G. B. Conte. Berlin, 2013.

[Я начну воспевать], что сделает посе́вы радостными, и при каком созвездии [нужно пахать землю] (Georg. I. 1).

Как отмечает Сервий, первый стих «Георгик» можно считать перифразой: под *quid faciat* (что сделает) подразумеваются «труды», а *quo sidere* (под какой звездой) – «дни». Современные комментаторы⁹⁵ не заостряют внимание на этом, сосредотачиваясь на том, что Вергилий в первых четырех стихах поэмы называет темы всех четырех книг: земледелие (I.1), забота о деревьях (I.2 – здесь названы виноградные лозы), скотоводство (I. 3) и пчеловодство (I. 4). В то же время мы склонны согласиться с Сервием в том, что Вергилий здесь в том числе ссылается на Гесиода⁹⁶. В начале произведения ссылка на традицию, к которой оно относится, вполне ожидаема (ср., например, начало VI эклоги Вергилия⁹⁷). Таким образом, в начале поэмы Вергилий отсылает читателя к эллинистической традиции дидактического эпоса с помощью названия и к гесиодовской – менее явно, посредством перифразы.

Во второй же книге поэмы Вергилий, наоборот, прямо упоминает Гесиода как своего предшественника и, видимо, косвенно ссылается на Никандра.

salve, magna parens frugum, Saturnia tellus,
magna virum: tibi res antiquae laudis et artem
ingredior sanctos ausus recludere fontis,
Ascraeumque cano Romana per oppida carmen.

⁹⁵ P. Vergilii Maronis Georgica. Herausgegeben von W. Richter. München, 1957; P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica. With introduction and notes by T. E. Page. London, 1963; Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas.

⁹⁶ Несмотря на то, что для некоторых средневековых исследований «Георгик» были характерны стремление к поиску символических или аллегорических интерпретаций, игры слов etc., что можно рассматривать критически (Wilkinson L. P. The Georgics of Virgil: a Critical Survey. P. 274), это относится к авторам все же значительно более поздним, чем Сервий.

⁹⁷ Prima Syracosio dignata est ludere versu
nostra neque erubuit silvas habitare Thalea.

Наша Талия первой осмелилась играть сиракузским стихом [отсылка к эклогам Феокрита] и не постыдилась обитать в лесах (Ecl. VI. 1-2).

*Здравствуй, великая мать плодов, Сатурнова земля, великая мать мужей:
для тебя я приступаю к делам и искусству древней славы, осмелившись
приоткрыть священные источники, и пою аскрейскую песнь по римским городам*
(Georg. II. 173-176).

Эти строки завершают часть второй книги, посвященную *laudes Italiae*, «похвалам Италии». Как отмечает Ст. Харрисон, здесь речь идет не только об Италии, но в том числе и о самой поэме, о «Георгиках»⁹⁸. Структура этого эпизода в некоторой степени параллельна композиции поэмы в целом: Вергилий начинает с восхваления полей, о которых подробно рассказывается в первой книге «Георгик», а затем переходит к коням и стадам, чему посвящена третья книга. В конце же эпизода военные победы Октавиана противопоставляются творческой деятельности Вергилия (II. 170-176), как и в конце самой поэмы (IV. 556-565)⁹⁹.

Упоминание вечной весны (II. 149-154) предвосхищает *laus veris*, похвалу весне позже в этой книге (II. 319-345)¹⁰⁰. Также *oppida*, римские города в ст. 176, где речь идет о «Георгиках», скорее всего, те самые *oppida*, которыми поэт восхищается среди других красот Италии в с. 156¹⁰¹. Это также связывает *laudes Italiae* и концовку этого эпизода, размышления о поэме, где упоминается *Ascraeum carmen*. Исходя из этого, можно предположить, что *haec loca* (140) или *hic* (II. 149), по-видимому, значит не только «здесь, в Италии», но и «здесь, в поэме». Также

⁹⁸ Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 144.

⁹⁹ Там же. P. 148.

¹⁰⁰ Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 184.

¹⁰¹ Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 146-147.

Вергилий здесь, по-видимому, отказывается от написания героической поэмы, т.е. эту часть поэмы можно считать и *recusatio*¹⁰².

И в конце *laudes Italiae* Вергилий заявляет, что его поэма – это аскрейская, т.е. гесиодовская, песнь, которую он поет в римских городах, на римский манер, продолжая греческую традицию в Риме. Р. Томас обращает внимание на композицию ст. 176, где словосочетание *Ascraeumque... carmen* заключает в кольцо *Romana per oppida*, с помощью чего подчеркивается этот перенос традиции на римскую почву¹⁰³. Под «римской почвой» подразумевается, вероятно, как литературный, так и политический контекст.

Гесиод как *auctor*, основатель традиции, к которой Вергилий относит «Георгики», назван по месту рождения, как, например, и Феокрит в шестой эклоге. Более того, эпитет «аскрейский» – это отсылка не только к самому Гесиоду и его поэмам, но и к собственному творчеству (*Ascraeo... seni*, *Ecl. VI. 70*) и, вероятно, к эллинистической традиции, в частности, к дидактическим поэмам Никандра. Дело в том, что первый раз эпитет «аскрейский» применительно к Гесиоду мы находим в поэме Никандра *Ἐπικὰ: ἄσκραϊός... Ἡσίοδος* (*Theo. 11-12*)¹⁰⁴.

Таким образом, Вергилий во второй книге поэмы относит «Георгики» к литературной традиции, начатой Гесиодом и затем продолженной Никандром.

¹⁰² Например, Вергилий пишет, что львов здесь нет (*Il. 151*). Учитывая, что львы ассоциировались с героическим эпосом (например, часто являлись *comparandum* в гомеровских сравнениях), можно предположить, что эту фразу можно воспринимать не только буквально (львов в Италии нет), но и в переносном смысле (эта поэма не героическая) (Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 144-145). Также, по мнению Ст. Харрисона, здесь Вергилий имеет в виду и поэмы Никандра, упоминая отсутствие аконита и ядовитых змей (*Il. 152-155*), тем самым отказываясь писать поэму в этом стиле.

¹⁰³ Thomas R. F. *Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II*. P. 190.

¹⁰⁴ Р. Томас предполагает, что Гесиода мог называть аскрейским также и Каллимах. См. *Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II*. Ed. by R. F. Thomas. P. 190.

Также «аскрейский старик» упоминается в шестой эклоге (*Ecl. VI. 70*), где Музы дали Галлу «тростинки от аскрейского старца».

Более того, в этом сложном сочетании гесиодовского и эллинистического (название поэмы в честь поэмы Никандра и первый ее стих – перифраза Гесиода; упоминание Гесиода с эпитетом, впервые употребленным Никандром) можно увидеть и намерение автора стать продолжателем обеих этих традиций, сочетать в произведении гесиодовские и эллинистические элементы.

§3. «Георгики» Вергилия и поэмы Никандра

Никандр не считался основоположником дидактической традиции и потому Вергилием не упоминается прямо, в отличие от Гесиода. В то же время его поэмы имели значение для Вергилия при написании «Георгик» и косвенно они упоминаются несколько раз.

О том, что Вергилий в «Георгиках» опирается на поэмы Никандра, Сервий не упоминает, но мы находим подобное предположение у Квинтилиана: *Nicandrum frustra secuti Macer atque Vergilius?* (Разве напрасно последовали за Никандром Макр и Вергилий? *Quint. Inst. Orat. X. 1. 56*). Действительно, как уже говорилось выше, название поэмы Вергилия «Георгики» отражает название сохранившейся лишь во фрагментах одноименной поэмы Никандра.

Более того, в концовке «Георгик» также можно увидеть аллюзию на поэмы Никандра, по крайней мере – на две сохранившиеся их них. В конце четвертой книги Вергилий подводит некий итог этапу творчества и «подписывает» поэму:

*illo Vergilium me tempore dulcis alebat
Parthenope studiis florentem ignobilis oti,
carmina qui lusi pastorum audaxque iuventa,
Tityre, te patulae cecini sub tegmine fagi.*

В то время меня, Вергилия, который процветал в занятиях бесславного досуга, играл песни пастухов и был юн и отважен, питала сладостная Парthenопея, и я воспел под сенью раскидистого бука тебя, Титир (Georg. IV. 563-566).

Последний стих «Георгик» практически повторяет первый стих первой эклоги (*Tityre, tu patulae recubans sub tegmine fagi* – *Ecl. I. 1*), и тем самым Вергилий подчеркивает, что первый этап его творчества завершен. Также важно

отметить, что здесь он называет себя по имени (*Vergilium me*), и это единственное упоминание имени Вергилия во всех трех его произведениях.

Подобного рода σφραγίς, «печатку», мы находим и в конце обеих сохранившихся поэм Никандра, *Θηριακά* и *Ἀλεξιφάρμακα*:

Καί κεν Ὀμηρείοιο καὶ εἰσέτι Νικάνδροιο
μνήστιν ἔχοις, τὸν ἔθρεψε Κλάρου νιφόεσσα πολίχνη.

И, может быть, ты будешь вспоминать о гомеровом Никандре, которого вскормил заснеженный городок Кларос (Theor. 957-958).

Аналогично заканчивается и поэма *Ἀλεξιφάρμακα*:

Καί κ' ἔνθ' ὕμνοπόλοιο καὶ εἰσέτι Νικάνδροιο
μνήστιν ἔχοις, θεσμὸν δὲ Διὸς ξενίοιο φυλάσσοις.

И, может быть, тогда ты будешь помнить о слагателе песен Никандре, и будешь охранять порядок гостеприимного Зевса (Alexipharm. 630-631).

Никандр в конце обеих сохранившихся поэм называет себя по имени и выражает надежду на то, что читатель будет его помнить. Исходя из этого, можно предположить, что и «Георгики» Никандра, поэма, дошедшая до нас лишь во фрагментах, имела аналогичную концовку. Если это так, то концовка «Георгик» Никандра могла повлиять на Вергилия, и в конце его поэмы – аллюзия на Никандра. Вергилий, как и Никандр, в конце «Георгик» размышляет о своем творчестве и «подписывает» поэму.

Кроме того, во второй книге «Георгик», в *laudes Italiae*, Ст. Харрисон видит аллюзию на Никандра и даже *recusatio*, аллегорический отказ Вергилия писать такую же, как сохранившиеся поэмы Никандра, «техническую» поэму¹⁰⁵:

at rabidae tigres absunt et saeva leonum
semina, nec miseros fallunt aconita legentis,
nec rapit immensos orbis per humum, neque tanto
squameus in spiram tractu se colligit anguis.

¹⁰⁵ Harrison S. J. Generic Enrichment in Vergil and Horace. P. 144-145.

Но здесь нет яростных тигров и свирепого семени львов, и аконит не обманывает несчастных собирателей, и чешуйчатая змея не ползет огромными кольцами по земле и не сворачивается в спираль по пути (Georg. II. 151-154).

Действительно, по стилю, композиции и содержанию «Георгики» Вергилия ближе к «Трудам и дням» Гесиода или к «О природе вещей» Лукреция (поэмам, где предпринимается попытка охватить устройство мироздания в целом), чем к поэмам Никандра или «Явлениям» Арата. В то же время отдельное упоминание поэм Никандра в recusatio (если вслед за Ст. Харрисоном считать эти строки таковыми) говорит о том, что Вергилий придавал достаточно большое значение этим текстам.

Также в четвертой книге поэмы, перед отступлением о корикийском старике¹⁰⁶, Вергилий говорит, что, если бы у него было время, он бы написал еще одну книгу о садах (что впоследствии и сделал Колумелла):

atque equidem, extremo ni iam sub fine laborum
vela traham et terris festinem advertere proram,
forsitan et, pinguis hortos quae cura colendi
ornaret, canerem, biferique rosaria Paesti,
quoque modo potis gauderent intiba rivis
et virides apio ripae, tortusque per herbam
cresceret in ventrem cucumis....

И правда, если бы я не сворачивал уже паруса под самый конец трудов и не торопился бы повернуть нос корабля к земле, может быть, я бы воспел, какая забота украсит пышные сады и розарии Пестума, которые цветут два раза в

¹⁰⁶ Ст. Харрисон даже выдвигает смелое предположение, что под корикийским стариком подразумевается сам Никандр (Harrison S. Vergil's Corycius Senex and Nicander's Georgica: Georgics 4.116-148. // Latin Epic and Didactic Poetry. Ed. by M. Gale. Swansea, 2004. P. 114).

год, и как радуется выпитой воде цикорий и зеленые из-за петрушки берега, и наливается в траве извилистый огурец¹⁰⁷ (Georg. IV. 116-122).

Вергилий здесь перечисляет темы, характерные для поэмы о садоводстве и огородничестве. Сохранившиеся фрагменты «Георгик» Никандра дают основания полагать, что тематика этой поэмы была именно такой. В частности, такого мнения придерживался У. фон Виламовиц-Мёллендорф, к нему присоединяется и Ст. Харрисон. В то же время В. Кролл полагал, что наше представление о содержании «Георгик» Никандра может быть искажено. Дело в том, что Афиной в «Пире мудрецов», где и содержатся фрагменты поэмы, концентрируется на описании традиций симпосиев, в частности, на кухне (и действительно, многие из фрагментов поэмы Никандра представляют собой кулинарные рецепты)¹⁰⁸.

Все же до конца неясно, насколько сильным было влияние поэм Никандра, особенно несохранившихся «Георгик», на Вергилия, как раз потому, что «Георгики» Никандра сохранились лишь фрагментарно. Дж. Фаррелл полагает, что таких аллюзий на «Георгики» Никандра, какие можно было бы подтвердить с точностью, в поэме Вергилия нет¹⁰⁹. В то же время некоторые аллюзии Вергилия на другие его поэмы, в частности, на *Ἐπικά*, мы можем проследить с той или иной степенью достоверности, так как располагаем текстом этой поэмы

¹⁰⁷ Некоторые исследователи полагают, что описание огурца у Вергилия напоминает описание змеи. По мнению Р. Армстронг, в Georg. IV. 122 может быть аллюзия на Никандра, который написал поэму и про змей, и про сады (Armstrong R. Virgil's Cucumber: "Georgics" 4.121-122 // The Classical Quaterly. 2008. 58. P. 367). Как считает Р. Кован, Колумелла также видел у Вергилия схожесть огурца и змеи, что отражено в X книге (X. 378-80, 389-92) (Cowan R. Virgil's Cucumber Again: Columella 10. 378-392 // The Classical Quaterly. 2009. 59. P. 286).

¹⁰⁸ Т. зр. Виламовица и Кролла цитируются по: Harrison S. Vergil's Corycius Senex and Nicander's Georgica: Georgics 4.116-148.

¹⁰⁹ Farrell J. Vergil's Georgics and the Traditions of Ancient Epic. The Art of Allusion in Literary History. Oxford, 1991. P. 209.

Никандра¹¹⁰. Также очевидно, что поэмы Никандра имели значение для Вергилия. Хотя он и не называет Никандра прямо, и не пишет, что считает их своим образцом, все же он дал своей поэме название в честь поэмы Никандра, что нельзя не принимать во внимание. Для Вергилия его поэмы – часть дидактической традиции, продолжателем которой он, Вергилий, является.

§4. «Георгики» Вергилия и «Явления» Арата

Вергилий в «Георгиках» не упоминает прямо поэму Арата «Явления» или его самого (впрочем, так же происходит и с поэмами Никандра и Лукреция; прямо упомянут лишь основатель традиции Гесиод)¹¹¹. В то же время очевидно, что поэма Арата оказала значительное влияние на «Георгики» Вергилия¹¹².

Видно, что уже в «Эклогах» Вергилий обращается к поэме Арата¹¹³. Например, в четвертой эклоге описано возвращение Золотого века и Девы (iam

¹¹⁰ Например, Georg. II. 215 (о змее) – Ther. 411-437 (negant scilicet Solinus et Nicander, qui de his rebus scripserunt (Serv. in Georg. II. 215 Thilo; Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 196); Georg. III. 414-415 (описание снадобья для отпугивания змей) - Ther. 51-54 (Virgil. Georgics. Vol. 2: Books III-IV. Ed. by R. F. Thomas. Cambridge, 1988. P. 119). В комментарии к III. 215, где рассказывается, как Пан соблазнил Луну белым руном, Сервий пишет, что автор этой версии мифа, должно быть, Никандр (Serv. in Georg. III. 215 Thilo). Вероятно, аллюзий на Никандра у Вергилия больше, но не все мы можем установить из-за того, что текст «Георгик» Никандра утерян: см. Harrison S. Vergil's Corycius Senex and Nicander's Georgica: Georgics 4.116-148. P. 110.

¹¹¹ Хотя Дж. Катц полагает, что в начале «Георгик» содержится отсылка к началу «Явлений» Арата (Georg. 1-2 terram | vertere – Phaen. 1-2 ἐὼμεν/ἄρρητον). По его мнению, поскольку синоним словосочетания terram vertere – arare, здесь Вергилий подразумевает по созвучию начало поэмы Арата (ἄρρητον), а по смыслу – его имя (arare – Aratus). (Katz J. Vergil Translates Aratus: Phaenomena 1-2 and Georgics 1-2 // Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici. 2008. №60. P. 112). Мы все же считаем, что эта гипотеза не является обоснованной.

¹¹² См., например, Porter H. N. Hesiod and Aratus.

¹¹³ См. также Hofmann H. Ein Aratapyrus bei Vergil // Hermes. 1985. 113. P. 468-480.

redit et virgo, redeunt Saturnia regna, Ecl. IV. 6), что, видимо, является отсылкой к Арату (παρθένον, Phaen. I. 97).

Также Вергилий, видимо, вспоминает Арата также в третьей эклоге. Там говорится, что астроном (вероятно, Эвдокс Книдский¹¹⁴) «описал, ... какой календарь у жнеца и согбенного пахаря» (descripsit... tempora quae messor, quae curvus arator haberet, Ecl. III. 41-42), т.е. описывал небо, как Арат, и в то же время был полезен для земледельца, как Гесиод и впоследствии сам Вергилий. Важно отметить, что астронома Вергилий не называет по имени: вместо этого Меналк говорит «quis fuit alter» (40), словно не может вспомнить имя. Можно предположить, что так сделано для того, чтобы читатель мог подумать, что имеется в виду сам Арат (например, К. Спрингер полагает, что именно о нем здесь и идет речь¹¹⁵). В свою очередь можно провести параллель между этими стихами и началом «Георгик»: ...quo sidere terram | vertere (I. 1-2). Также именно здесь, в третьей эклоге, Вергилий впервые упоминает о сельском хозяйстве.

Кроме того, Дамет начинает песнь с Юпитера: пусть начало будет с Юпитера, Музы, все полно Юпитером (Ab Iove principium musae: Iovis omnia plena, Ecl. III. 60), что является аллюзией к началу поэмы Арата (ἐκ Διὸς ἀρχόμεσθα, τὸν οὐδέποτε ἄνδρες ἔωμεν | ἄρρητον· μεστὰὶ δέ Διὸς πᾶσαι μὲν ἀγυαί..., Phaen. 1-2). Хотя третья эклога наиболее близка к Феокриту, Вергилий здесь заменяет начало состязания на аратовское.

Если вернуться к «Георгикам», то, например, миф о веках у Вергилия ближе к версии Арата, чем Гесиода. Так, в «Георгиках» века два – золотой и нынешний (железный), у Арата – золотой, серебряный и медный, тогда как у Гесиода – пять. Ст. Харрисон также предполагает, что перечисление драгоценных металлов, которые есть в Италии (золото, серебро и медь, II. 165-166) – это также отсылка к мифу о веках, и скорее к аратовскому (Phaen. 114-136), нежели к гесиодовскому¹¹⁶.

¹¹⁴ Vergil. Eclogues. Ed. by R. Coleman. Cambridge, 1977. P. 114.

¹¹⁵ Springer C. Aratus and the Cups of Menalcas: A Note on Eclogue 3.42 // The Classical Journal. 1984. 79. P. 132.

¹¹⁶ Harrison S. J. Generic Enrichment in Vergil and Horace. P. 148.

Кроме того, уход от людей Справедливости, чьи последние следы остались в деревне (*extrema per illos | Iustitia excedens vestigia fecit*, II. 473-474), – очевидная аллюзия на «Явления» Арата¹¹⁷, где персонифицированная Справедливость – центральная фигура мифа о веках. Этот образ в «Георгиках» ближе к Δίκη Арата, чем к Αἰδώς καὶ Νέμεσις (Совести и Стыду) Гесиода.

Также Юпитер у Вергилия завершил Золотой век, потому что не хотел, чтобы человечество оцепенело в бездействии (*nes torpere gravi passus sua regna veterno*, *Georg. I.* 122-124). Если он хотел принести этим пользу людям¹¹⁸, то он больше напоминает аратовского благосклонного Зевса, отца (у Вергилия – *pater*, I. 121), чем своенравное верховное божество у Гесиода¹¹⁹. Более того, идея, что Золотой век негативно влиял на людей, по всей вероятности, стоическая¹²⁰ и, вполне возможно, заимствована Вергилием из поэмы Арата.

Также в некоторых так называемые «технических» частях «Георгик», где излагается практическая информация, Вергилий обращается к поэме Арата. Например, описание погодных примет у Вергилия (I. 351-463) основано на «Признаках погоды» Арата¹²¹, хотя Вергилий со свойственной ему избирательностью¹²² заимствует у Арата не все, а также меняет порядок

¹¹⁷ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 38.

¹¹⁸ Многие ученые полагают, что окончание Золотого века в «Георгиках» стоит интерпретировать положительно. См., например, Campbell J. S. *The Ambiguity of Progress: "Georgics" I*, 118-159 // *Latomus*. 1982. 41. P. 569; Jenkyns R. *Labor improbus* // *The Classical Quarterly*. 1993. 43. P. 243; Perkell C. *The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Virgil* // *Vergilius*. 2002. 48. P. 21-22.

¹¹⁹ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 62; Wilkinson L. P. *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. P. 139.

¹²⁰ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 162.

¹²¹ Wilkinson L. P. *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. P. 234-235.

¹²² См. Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. P. 106.

изложения. Кроме того, под влиянием поэмы Арата Вергилием создано, например, описание климатических поясов (I. 231-256)¹²³.

«Явления» Арата – достаточно важный для Вергилия текст, откуда он заимствует не только информацию и какие-то технические подробности, но и, например, версию мифа о веках и образ Справедливости. В то же время важно отметить, что Арата и его поэму Вергилий прямо не упоминает. Арат – не основатель традиции, как Гесиод, а лишь ее последователь, как и сам Вергилий.

§5. «Георгики» Вергилия и «О природе вещей» Лукреция

Еще один очень важный для интерпретации «Георгик» текст – это, конечно, поэма Лукреция «О природе вещей».

Взгляды ученых на то, насколько сильным было влияние, оказанное Лукрецием на «Георгики» Вергилия, различаются. Так, У. Селлар полагал, что поэма Лукреция оказала на Вергилия влияние, которое можно даже назвать беспрецедентным, хотя и не отрицал, что Вергилий не всегда соглашается с Лукрецием¹²⁴. По мнению же Б. Фаррингтона, Вергилий в «Георгиках», хотя и выражает уважение к Лукрецию, но принципиально отходит от его идей. Ученый даже называет поэму «ответом на пораженчество Лукреция»¹²⁵. В свою очередь Р. Томас, который не считает «О природе вещей» одним из важнейших для «Георгик» текстов, высказывает предположение, что наибольшее влияние на Вергилия оказала лукрецианская лексика, выбор выражений, а не тематика или проблематика «О природе вещей», т.е. в большей степени форма, чем содержание¹²⁶. М. Гейл, суммируя приведенные выше точки зрения, пишет, что, хотя очень важно учитывать поэму Лукреция при интерпретации «Георгик»

¹²³ Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 107-111.

¹²⁴ Sellar W.Y. *The Roman Poets of the Augustan Age: Virgil*. Oxford, 1877. P. 199.

¹²⁵ Farrington B. *Vergil and Lucretius // Acta Classica, "Roman Life and Letters": Studies Presented to T.J. Haarhoff, Professor of Classics at the University of the Witwatersrand 1922-1957*. 1958. 1. P. 47-48.

¹²⁶ Thomas R. F. *Virgil's Georgics and the Art of Reference*. P. 175.

Вергилия, все же «Георгики» нельзя назвать ни полностью лукрецианской поэмой, ни простой реакцией против Лукреция¹²⁷.

Все же обратимся к тому, что Вергилий сам пишет о связи своей поэмы с Лукрецием. Самое очевидное упоминание проблематики «О природе вещей» в «Георгиках», – это, пожалуй, II.490:

felix qui potuit rerum cognoscere causas
atque metus omnis et inexorabile fatum
subiecit pedibus strepitumque Acherontis avari;
fortunatus et ille deos qui novit agrestis,
Panaque Silvanumque senem nymphasque sorores...

Счастлив тот, кто сумел узнать причины вещей и поверг к своим ногам все страхи, неумолимую судьбу и шум жадного Ахеронта. Счастлив и тот, кто познал сельских богов, Пана, старика Сильвана и сестер-нимф (II. 490-494).

«Тот, кто сумел узнать причины вещей» – скорее всего, сам Лукреций¹²⁸ либо собирательный образ эпикурейца, философа или поэта¹²⁹. В любом случае исследователи отмечают здесь многочисленные аллюзии на поэму Лукреция «О природе вещей». Так, *rerum cognoscere causas* – отсылка сразу и к названию поэмы Лукреция, и к ее тексту, где Лукреций говорит своему «ученику» о необходимости познания природы вещей. Например, у Лукреция мы находим *naturam... cognoscere rerum* (Lucr. III. 1072)¹³⁰ или (что лексически ближе к варианту Вергилия) *nes poterant quibus id fieret cognoscere causis* (Lucr. V. 1185)¹³¹. *Subiecit pedibus* в ст. 492 отсылает читателя к описанию Религии у Лукреция,

¹²⁷ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 3.

¹²⁸ В то же время Р. Томас полагает, что не стоит считать этот стих отсылкой конкретно к Лукрецию, поскольку в таком случае не учитывается структура отрывка (видимо, имеется в виду противопоставление «сельского» идеала эпикурейскому). См. *Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II*. Ed. by R. F. Thomas. P. 253.

¹²⁹ *P. Vergili Maronis Opera. With a commentary by J. Conington*. London, 1881. P. 259.

¹³⁰ *Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II*. Ed. by R. F. Thomas. P. 253.

¹³¹ *P. Vergili Maronis Opera. With a commentary by J. Conington*. P. 259.

которая была повержена к ногам (*religio pedibus subiecta*, Lucr. I. 78)¹³². Ахеронт в «Георгиках» упоминается, видимо, также под влиянием Лукреция: тот упоминает «страх Ахеронта», например, в III.37¹³³, когда говорит о том, что от страха смерти необходимо избавиться (что являлось одним из основных устремлений эпикурейцев; см. Эпикур, Главные мысли X, XI, XXXIX).

Р. Томас отмечает, что если понимать *qui* [*potuit rerum cognoscere causas*] как относящееся к конкретному человеку (Лукрецию или, возможно, к самому Эпикуру), *ille* [*deos qui novit agrestis*] тоже должно быть употреблено конкретно¹³⁴ (возможно, даже о самом Вергилии). По мнению же Дж. Конингтона, *ille* здесь (как и *qui*) собирательно – обо всех, кто живет в деревне или любит сельскую жизнь¹³⁵. Мы склоняемся к последней версии, тем более, что такое понимание логично продолжает «похвалу сельской жизни»¹³⁶ (II.458-474), где деревенский простой и незамысловатый образ жизни противопоставляется развращенному городскому и сельская жизнь идеализируется¹³⁷. В таком случае можно предположить, что *felix qui potuit rerum cognoscere causas* – это не сам Лукреций, а, возможно, его ученик, тот, кто живет так, как предписывает поэма «О природе вещей».

Вергилий, хотя и выражает уважение¹³⁸ к Лукрецию (как к жанровому предшественнику и даже наставнику), все же четко отказывается от отрицания религии, одной из основных идей «О природе вещей»¹³⁹. Эпикурец, сумевший

¹³² P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica. With introduction and notes by T. E. Page. P. 284.

¹³³ P. Vergilii Maronis Georgica. Herausgegeben von W. Richter. S. 256.

¹³⁴ Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 253.

¹³⁵ P. Vergili Maronis Opera. With a commentary by J. Conington. P. 259.

¹³⁶ Сервий: *laus vitae rusticae* (Serv. in Georg. II. 458 Thilo).

¹³⁷ См. Perkell C. The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Virgil. P. 25; Шаршукова О. В. *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (II. 460).

¹³⁸ Как предполагает Т. Пейдж, прилагательное *felix* сильнее, чем *fortunatus* (P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica. With introduction and notes by T. E. Page. P. 284).

¹³⁹ P. Vergilii Maronis Georgica. Herausgegeben von W. Richter. S. 256.

познать причины вещей и победивший страх перед судьбой и перед смертью (и религию, т.к. *subiecit pedibus* – очевидная аллюзия на *religio pedibus subiecta*, Lucr. I. 78), противопоставляется тому, кто «знает сельских богов»¹⁴⁰. В то же время, как отмечает В. Рихтер, религия здесь – это тоже знание (*deos qui novit agrestis*, II. 493), т.е. Вергилий противопоставляет не столько религию знанию, сколько одно знание другому¹⁴¹.

Таким образом, Вергилий считает и Лукреция своим предшественником в написании дидактической поэмы, поэмы о знании. Р. Томас отмечает, что Вергилий часто использует лукрецианскую лексику, когда пишет именно о познании¹⁴². Например, *ni refugis tenuisque piget cognoscere curas* (I. 177; как и в II. 490, использован глагол *cognoscere*, и автор в стиле Лукреция пытается удержать внимание читателя, которому поэма может легко наскучить; ср., например, Lucr. I. 50-54 (*certis poteris cognoscere signis* (IV. 253))). Но в то же время здесь Вергилий заявляет, что не вполне согласен со знанием, которое Лукреций проповедует, с его философскими идеалами.

Помимо этого места, в «Георгиках» много других аллюзий на Лукреция, которые можно проследить не только в выборе лексики, что упоминалось выше, но и в структурных особенностях отдельных книг и произведения в целом. Так, М. Гейл даже предполагает, что в каждом вступлении к книге «Георгик» и в каждой концовке можно увидеть отражение одной из центральных тем поэмы Лукреция¹⁴³. Одна из наиболее «лукрецианских» книг поэмы Вергилия – третья, и описания амок и чумы там – одна из наиболее последовательных имитаций Лукреция¹⁴⁴.

Поэма Лукреция «О природе вещей» действительно оказала значительное влияние на Вергилия в «Георгиках», что может быть связано с тем, что Вергилий в

¹⁴⁰ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 11.

¹⁴¹ P. *Vergilii Maronis Georgica*. Herausgegeben von W. Richter. S. 256.

¹⁴² Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 253.

¹⁴³ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 18.

¹⁴⁴ Там же. P. 49.

молодости увлекался эпикурейской философией, а также с тем, что Лукреций – наиболее влиятельный римский жанровый предшественник Вергилия¹⁴⁵. И все же «О природе вещей» – не единственный образец «Георгик» Вергилия.

Выводы к главе I

Начиная с Гесиода, для многих дидактических поэм характерны размышления автора о творческом пути. Мы полагаем, что это связано с тем, что авторское начало в дидактическом эпосе, как правило, выражено сильнее, чем, например, в героических поэмах (ведь автор здесь – это и «учитель»).

Заголовок произведения – это также жанровый признак (возможно, не самый важный, но один из первых, с которым сталкивается читатель или исследователь). В случае дидактических поэм в названии практически отражается тема произведения, предмет «обучения».

Также практически для любой античной литературной традиции, и в том числе для дидактического эпоса, характерны ссылки на основоположников этой традиции. Общеизвестно, что основатель жанра дидактического эпоса – Гесиод, и именно он прямо упоминается многими последователями.

Кроме того, очевидно, что аллюзии на произведения предшественников в некоторых случаях (хотя, конечно, не всегда) также являются жанрообразующим признаком и помогают понять, продолжателем какой традиции видит себя автор.

«Георгики» – поэма, осознанно написанная в традиции дидактического эпоса, о чем Вергилий сам многократно заявляет тем или иным способом. В то же время никого из своих предшественников – Гесиода, Никандра, Арата или Лукреция – он не считает единственным.

¹⁴⁵ Конечно, существовали дидактические поэмы Энния, перевод поэмы Эмпедкола Саллюстием, переводы поэм Никандра Эмилием Макром, перевод Арата Цицероном, и т.д. (Gale M. Didactic Epic. P. 104-105), но нельзя сказать, что влияние, оказанное ими на «Георгики», было столь же существенно, как лукрецианское.

У Вергилия в «Георгиках» действительно нет единого образца или «модели», текста, на который он бы опирался полностью¹⁴⁶. Название (и, видимо, концовка) поэмы взяты у Никандра, тематика поэмы напоминает Гесиода и частично Арата, идея (попытка объяснить природу вещей) – Лукреция (хотя, конечно, это общее место для большинства дидактических поэм), некоторые «дидактические» выражения также напоминают о поэме Лукреция.

При этом важно отметить, что напрямую Вергилий называет только Гесиода как основателя дидактической традиции, как и некоторые другие авторы дидактических поэм. Все остальные тексты, хотя и важные для Вергилия, упоминаются косвенно.

Вергилий пишет *τέχνη*, смесь различных дидактических жанров¹⁴⁷: «поет аскрейскую песнь на римский манер», отказывается от написания поэмы, подобной поэмам Никандра, но все же воздает им должное, отвергает основное знание, предлагаемое Лукрецием, но перерабатывает в своей поэме целые эпизоды «О природе вещей».

¹⁴⁶ Thomas R. F. *Virgil's Georgics and the Art of Reference*. P. 173.

¹⁴⁷ Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. P. 115.

Глава II. НЕКОТОРЫЕ ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЭМ

Данная глава посвящена некоторым особенностям, которые в той или иной степени характерны для большинства дидактических поэм. Это гекзаметр, размер, которым написаны практически все дидактические поэмы; тематика дидактического эпоса; некоторые стилистические и риторические характеристики принадлежащих к этой традиции произведений; фигуры учителя и ученика; свойственный дидактическим поэмам способ повествования. Некоторые из них (в особенности *persona discipuli et persona doctoris*) уже в античности воспринимались как неотъемлемая составляющая жанра. Здесь же речь идет об аристотелевском конфликте между поэтической формой и дидактическим содержанием.

§1. Метр как жанрообразующий признак

В античности, в особенности в архаической Греции, стихотворный размер был достаточно важным жанровым признаком¹⁴⁸. Поэмы одной традиции, как правило, объединял один размер, диалект и стиль, хотя теоретическое выделение жанров и их систематизация и произошли позже¹⁴⁹.

В представлении древних стихотворный размер часто был тесно связан с определенным содержанием. Например, Гораций в «Науке поэзии» пишет о героических поэмах следующее:

*Res gestae regumque ducumque et tristia bella
quo scribi possent numero, monstravit Homerus.*

Гомер показал, каким стихом¹⁵⁰ [гекзаметром] могут быть описаны деяния царей и вождей и скорбные сражения (Hor. Ars Poet. 73-74).

¹⁴⁸ Harrison S. J. Generic Enrichment in Vergil and Horace. P. 22; Fowler A. Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes. P. 61.

¹⁴⁹ Cameron A. Genre and Style in Callimachus // Transactions of the American Philological Association. 1992. 122. P. 305.

¹⁵⁰ Numerus в значении «ритм» – см. OLD 13.

По мнению М. Гейл, метрический фактор мог способствовать тому, что в античности практически не отделяли дидактический эпос от героического. Дело в том, что классификация произведений осуществлялась иногда по форме, в частности – метрической, а не по содержанию, а героические и дидактические поэмы объединены одним стихотворным размером – гекзаметром¹⁵¹. Впрочем, в представлении древних форма литературного произведения, как правило, тесно связана с его содержанием.

В то же время, вероятно, не стоит переоценивать метрический фактор как жанровый признак: стихотворный размер важен, но невозможно определить жанр произведения, опираясь лишь на него. Сервий в комментарии упоминает метрику лишь в предисловии к «Буколикам» (*Serv. praefat. in Verg. Buc. Thilo*), и не пишет о гекзаметре в введении к «Георгикам».

П. Тухи полагает, что гекзаметр удобен не только для повествования, но также и для разворачивания аргументации, чем можно объяснить то, что этот размер закрепился за дидактическими поэмами¹⁵². Также очевидно, что на метрическую форму жанра повлияли гекзаметрические поэмы его основателя Гесиода. В частности, есть наблюдения, что «Явления» Арата метрически ближе к Гесиоду, чем к гомеровским поэмам¹⁵³.

Впрочем, гекзаметром написаны далеко не только различного рода эпические поэмы, но также и буколики, оракулы, различные гимны (как гомеровские, так и орфические), некоторые надписи и эпиграммы.

Все античные дидактические поэмы, кроме «Науки любви» и «Лекарства от любви» Овидия, написаны гекзаметром, размером, характерным для эпоса вообще¹⁵⁴. В то же время гекзаметр сам по себе не свидетельствует о принадлежности поэмы к жанру дидактического эпоса.

¹⁵¹ Gale M. *Didactic Epic*. P. 101.

¹⁵² Toohey P. *Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry*. P. 3.

¹⁵³ Porter H. N. *Hesiod and Aratus*. P. 158-170.

¹⁵⁴ Gale M. *Didactic Epic*. P. 101.

§2. Тематика дидактических поэм

Дидактические поэмы в античности, как правило, имели «научное», философское или практически значимое содержание. Тематика дидактических поэм различается. Как отмечает М. Гейл, в дидактическом эпосе речь может идти, например, об охоте, земледелии, астрономии или эпикурейской физике¹⁵⁵. Некоторые поэмы посвящены земледелию, как «Труды и дни» основателя традиции Гесиода или «Георгики» Вергилия. Гесиоду также приписывались поэмы, тематика которых тем или иным образом перекликалась с тематикой «Трудов и дней» или «Теогонии»¹⁵⁶: например, «Меламподия» (по-видимому, генеалогическая поэма о знаменитых провидцах), «Заветы Хирона», где излагаются поучения Хирона для Ахилла, астрономическая поэма etc. Также сохранились поэмы об астрономии, как «Явления» Арата, и о географии, как «Описание Ойкумены» Дионисия Периегета, и даже о гастрономии, как, например, «Nedyphagetica» Энния¹⁵⁷. К этому можно добавить и философские поэмы, где излагается та или иная философская и научная концепция, например, «О природе» Эмпедокла и «О природе вещей» Лукреция.

Мы полагаем, что Вергилий в первой книге в перечислении artes – ремесел, которые появились после того, как Юпитер положил конец Золотому веку – фактически перечисляет многие из тем, которым посвящены различные дидактические поэмы. Так, среди artes в «Георгиках» мы находим земледелие (134), мореплавание и наблюдение за звездами (136-138), охоту (139-140), рыболовство (141-142). Также в первой книге говорится о том, что Юпитер дал змеям яд (129), возможно, с отсылкой к поэмам Никандра. И впоследствии некоторые дидактические поэмы получают название, содержащее слово ars: например, Ars Poetica Горация или Ars Amatoria Овидия.

¹⁵⁵ Там же. P. 101.

¹⁵⁶ Ercolani A. Fragments of Wisdom, Wisdom in Fragments. P. 29.

¹⁵⁷ Список тем дидактических поэм см. Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 2.

Также у Гесиода повествование о «трудах» и «днях», – о том, что нужно сделать и когда – перемежается другими темами: в частности, в поэме мы находим поучение о мореплавании, примеры правильного поведения, описание зимы¹⁵⁸. Эта тематика встречается в дидактических поэмах и в дальнейшем. Например, Арат и вслед за ним Вергилий перечисляют полезные для мореплавателей приметы. Вергилий в первой книге «Георгик», как и Гесиод, пишет о зиме.

Темы большинства дидактических поэм действительно так или иначе перекликаются с тематикой «Трудов и дней» Гесиода. Тема поэмы Арата – звездное небо – напоминает о «днях» у Гесиода, где тот говорит, когда и при каких созвездиях нужно выполнять те или иные виды работ. Никандр в *Ἐπιράκῃ* говорит, что излагаемая им информация будет полезна и для пахаря, и для лесоруба (Ther. 4-6), то есть имеет сельскохозяйственное значение, что возвращает нас к «Трудам и дням» Гесиода. Более того, Никандр был автором и несохранившейся поэмы о сельском хозяйстве *Γεωργικά*.

Вероятно, выбор сельскохозяйственной тематики «Георгик» Вергилия обусловлен не только следованием традиции «Трудов и дней» Гесиода и «Георгик» Никандра, но и актуальным политическим контекстом, тем, что Вергилий сочувствовал аграрной политике Августа и необходимости восстановления сельского хозяйства после завершения гражданских войн¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 2.

¹⁵⁹ О «политической причине» обращения Вергилия к дидактической поэме о сельском хозяйстве пишет М. Л. Гаспаров (Гаспаров М. Л. Вергилий, или Поэт будущего. С. 405). См. также Эррен М. «Георгики» Вергилия и политика Августа. Лекция, читанная в Московском Университете 3 октября 1996 г. Перевод с нем. яз. А. И. Любжина, А. И. Солопова. С. 9-10; P. Vergilius Maro. *Georgica*. Band 2: Kommentar. M. Erren. Heidelberg, 2003. S. 514.

В то же время ряда поэм, тематика которых перекликается с «Трудами и днями», выделяется поэма Гесиода «Теогония»¹⁶⁰. Эта поэма посвящена генеалогии богов, и здесь не приводятся сведения, которые могут иметь какое-либо практическое применение. Но история божественного рода – это в том числе и описание истории вселенной, некоторого рода объяснение ее устройства.

Также в «Трудах и днях» Гесиода предпринимается попытка объяснить устройство мира в целом. В особенности это заметно в первой половине поэмы, где автор показывает всемогущество и своенравие Зевса и объясняет необходимость трудиться. В дальнейшем многие авторы дидактических поэм следуют по этому пути за «Трудами и днями» (и, вероятно, также за «Теогонией»). Арат начинает поэму с прославления стоического благосклонного Зевса, а в «Георгиках» Вергилия одно из главных понятий – труд, labor. Лукреций, как и другие авторы дидактических поэм, ставит себе задачу объяснить природу вещей, подобно тому, как Гесиод дает Персу наставления в различных сферах жизни, также объясняя и устройство мира в целом.

Можно отметить, что в дидактических поэмах, как правило, речь идет о чем-либо практически значимом: например, о земледелии, рыболовстве, охоте. Даже в

¹⁶⁰ Некоторые исследователи полагают, что это произведение не относится к жанру дидактического эпоса (например, Heath M. Hesiod's Didactic Poetry // *The Classical Quarterly*. 1985. 35. P. 253-258; впрочем, по мнению этого исследователя, «Труды и дни» Гесиода также нельзя с уверенностью назвать дидактической поэмой). А М. Вест называет такой тип литературы «теогонической» (theogonic literature) (Hesiod. *Theogony*. Ed. M. L. West. Oxford, 1966. P. 1).

В то же время мы полагаем, что авторами дидактических поэм «Теогония» воспринималась как часть традиции дидактического эпоса. Например, структура «Теогонии» очевидно повлияла на композицию некоторых дидактических поэм (например, это «Явления» Арата или поэмы Никандра). Также, начиная с «Теогонии» Гесиода, авторы дидактических поэм уделяют значительное внимание этиологии, происхождению чего-либо (происхождение богов у Гесиода, созвездий и их названий – у Арата, происхождение бугонии (миф об Аристее) – у Вергилия). Об интересе к этиологии в дидактическом эпосе см. Toohy P. *Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry*. P. 225.

поэмах Арата и Никандра, несмотря на некоторую сухость первого и сложность восприятия последнего, говорится, что изложенное будет полезно для моряка (у Арата), земледельца и лесоруба (у Никандра). Также в дидактическом эпосе часто присутствует моральный подтекст (в меньшей степени – у эллинистических авторов) и попытка объяснить устройство вселенной вообще (чему полностью посвящены философские поэмы).

§3. Соотношение стихотворной формы и практического или научного содержания в дидактических поэмах

Еще в античности появилась идея, что не всякое содержание подходит для изложения в стихотворной форме. Поскольку в дидактических поэмах излагается некое знание, что в большинстве случаев подразумевает либо практически значимое, либо философское содержание, они могли подвергаться критике.

Так, Аристотель в «Поэтике» отказывается считать Эмпедокла поэтом, поскольку тот изложил в стихах философскую концепцию, что не подобает поэту, а от поэзии у Эмпедокла – лишь стихотворный размер¹⁶¹.

Πλὴν οἱ ἄνθρωποι γε συνάπτοντες τῷ μέτρῳ τὸ ποιεῖν ἐλεγειοποιούς τοὺς δὲ ἐποποιούς ὀνομάζουσιν, οὐχ ὡς κατὰ τὴν μίμησιν ποιητὰς ἀλλὰ κοινῇ κατὰ τὸ μέτρον προσαγορεύοντες· καὶ γὰρ ἂν ἰατρικὸν ἢ φυσικὸν τι διὰ τῶν μέτρων ἐκφέρωσιν, οὕτω καλεῖν εἰώθασιν· οὐδὲν δὲ κοινόν ἐστιν Ὀμήρῳ καὶ Ἐμπεδοκλεῖ πλὴν τὸ μέτρον, διὸ τὸν μὲν ποιητὴν δίκαιον καλεῖν, τὸν δὲ φυσιολόγον μᾶλλον ἢ ποιητὴν. *Разве что*

¹⁶¹ Из этого не следует, что Аристотель умалял заслуги Эмпедокла. Так, Эмпедокл периодически упоминается или цитируется в «Поэтике»: например, 1457 b, 1461a.

В «Риторике» же Аристотель упрекает в том числе Эмпедокла за темноту стиля. τρίτον μὴ ἀμφιβόλοις. Τοῦτο δ' ἂν μὴ τὰναντία προαιρῆται, ὅπερ ποιοῦσιν ὅταν μηδὲν μὲν ἔχωσι λέγειν, προσποιῶνται δὲ τι λέγειν· οἱ γὰρ τοιοῦτοι ἐν ποιήσει λέγουσιν ταῦτα, οἷον Ἐμπεδοκλῆς (Arist. Rhet. 14-7a): «в третьих, [нужно говорить] не двусмысленными выражениями. Это [нужно], если только [автором] не решено заранее противоположное, что делают, когда нечего сказать, но притворяются, что говорят нечто [важное]; такие ведь говорят это в поэзии, как Эмпедокл». Из этого следует, что, по мнению Аристотеля, недостатки поэзии творчество Эмпедокла все же разделяет.

люди, связывающие поэзию с метрикой, говорят об элегиках и об этических поэтах, называя [их] поэтами не из-за подражания, а из-за размера. И, если публикуется врачебный или физический [трактат] в стихах, его обычно называют так [поэзией]. Но ничего общего нет у Гомера и Эмпедокла, кроме метрики, из-за чего справедливо называть первого поэтом, а второго – скорее исследователем природы, чем поэтом (Arist. Poet. 1447 b).

Поэзия для Аристотеля – подражание (μίμησις) или даже ложь (Arist. Poet. 1460a). Поэтому дидактический эпос – не поэзия, ведь автор дидактического произведения претендует на то, что говорит правду. В то же время к критике Аристотелем дидактических поэм стоит относиться с осторожностью, поскольку эпос, и в особенности дидактический эпос, не был в центре его внимания. Философ не ставил перед собой задачи дать определение дидактическому эпосу; ему нужно было дать определение поэзии вообще¹⁶².

Плутарх также пишет о вышеупомянутом противоречии. Так, он упоминает поэмы Эмпедокла, Парменида и Никандра, а вместе с ними и элегии Феогнида, в следующем контексте: они пользуются поэтическим размером и высоким стилем, как средством, чтобы избежать прозы (De audiendis poetis II. 16c)¹⁶³. Цицерон же хвалит поэмы Никандра за то, что они написаны изящно (буквально «по-городскому»), несмотря на «сельский» материал, который в них излагается (Cic. De orat. I.69).

С одной стороны, как полагают некоторые исследователи, энциклопедическое знание в античности само по себе воспринималось как эстетический объект, что частично разрешает описанную выше проблему¹⁶⁴. Так, по мнению П. Весперини, для авторов римских дидактических поэм было важным создать произведение искусства, эквивалентное «Явлениям» Арата (что может

¹⁶² Volk K. The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius. P. 29.

¹⁶³ Ср. Шумилин М. В. Римская сатира и идея «метризации» текста в античной литературной теории, с. 594: «римские сатирики мыслят свою деятельность как «просто метризацию» реальности».

¹⁶⁴ Vesperini P. La poésie didactique dans l'Antiquité: une invention des Modernes. P. 34.

быть верно в случае поэмы Цицерона *Aratea*, но в то же время нельзя согласиться с тем, что именно поэма Арата была основным литературным образцом Лукреция или же Вергилия). Арат же, в свою очередь, поднялся до высоты материала своей поэмы (*sufficit tamen operi, cui se parem credidit, Quint. X. 1.55*). Как полагает французский исследователь, главной задачей римских и эллинистических поэтов было пролить свет (*illustrare*) на какое-либо знание: доктрину Эпикура, земледельческие советы, астрономические или астрологические сведения. При этом знание не нужно было «приукрашивать» поэтической формой, поскольку оно эстетично *per se*.

Также П. Весперини предполагает, что дидактические поэмы могли рассматриваться как некая демонстрация поэтического мастерства, доказательство того, что поэт может осветить любую тему¹⁶⁵. Последний тезис ученого, возможно, верен в отношении некоторых эллинистических поэм, например, поэм Никандра или «Явлений» Арата, но вряд ли применим, скажем, к «Трудам и дням» Гесиода или к «Георгикам» Вергилия.

Действительно, хотя размышления о творчестве иногда встречаются в дидактических поэмах, о противоречии между поэтической формой и дидактическим содержанием авторы поэм не пишут (или же пишут, но не совсем то, что имел в виду Аристотель). Проблема соотношения формы и содержания в дидактических поэмах остается в основном в рамках аристотелевской критики.

О том, что предмет их повествования слишком низменен или слишком сложен для стихотворной формы, ни Гесиод, ни авторы греческих философских поэм, ни Арат или Никандр не упоминают.

В то же время в римском дидактическом эпосе – у Лукреция и Вергилия – уже появляется некоторого рода рефлексия о соотношении формы и содержания.

Так, Лукреций периодически оправдывается перед читателем за то, что облакает в стихи доктрину Эпикура (например, *Lucr. I. 136-139; 933-934; IV. 18-25*). Поэт сравнивает стихи со сладким медом Муз, которым он подслащает «горькое лекарство» (излагаемую эпикурейскую философию), чтобы задержать

¹⁶⁵ Там же. P. 33-35.

внимание нетерпеливого и непривычного читателя на должное время, так же, как детям добавляют в лекарство мед.

В то же время эти оправдания Лукреция, по всей видимости, связаны не только и не столько с литературной критикой. Дело в том, что сам Эпикур был против поэзии вообще и философских поэм в частности, и практически никогда не цитировал поэтов¹⁶⁶. В то же время сам Лукреций опирался уже не только на письма самого Эпикура, но и на произведения его многочисленных последователей, которые относились к стихотворной форме изложения более снисходительно¹⁶⁷. Очевидно, что Лукреций не только не разделяет это убеждение Эпикура, но, наоборот, считает, что поэзия помогает читателю легче воспринять учение.

Вергилий же в «Георгиках» пишет, что понимает, как сложно «придать честь мелким предметам» – *angustis hunc addere rebus honorem* (Georg. III. 290). Сервий (как и многие современные исследователи¹⁶⁸) полагает, что *angustus* здесь употреблено в значении, близком к *humilis* (низменный). Действительно, *angustae res* здесь можно понять как «недостойные внимания мелочи». В таком случае можно было бы сделать вывод, что Вергилий здесь имеет в виду именно некоторое несоответствие низменного содержания высокой (стихотворной) форме.

В то же время есть основания полагать, что под *angustae res* здесь подразумеваются мелкие (небольшие по размеру) предметы, детали. И тогда в этом авторском заявлении можно увидеть скорее не аристотелевские идеи о том, что подобает поэзии, а что нет, а следы каллимаховской поэтики¹⁶⁹.

Впоследствии Плиний Старший в «Естественной истории» иногда критикует «Георгики» за низменность предмета, не подобающую поэзии (NH

¹⁶⁶ De Lacy P. H. *Lucretius and the History of Epicureanism*. P. 22.

¹⁶⁷ Там же. P. 13.

¹⁶⁸ См., например, *Virgil. Georgics. Vol. 2: Books III-IV*. Ed. by R. F. Thomas. P. 97; Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. P. 117; Nelson S.A. *God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil*. Oxford, 1998. P. 92.

¹⁶⁹ См. Шаршукова О. В. *Angustae res* в «Георгиках» Вергилия. С. 1266-1278.

29.28). Впрочем, Плиний критикует Вергилия и за то, что тот излагает слишком много подробностей, что неуместно для поэзии, и за то, что некоторые детали, которые самому Плинию кажутся значимыми, опускает¹⁷⁰. *Humilitas* же, низменность, по мнению Плиния, свойственна сельскому хозяйству вообще (NH 14.7).

Таким образом, если рассматривать поэзию как миметическое искусство, в дидактических поэмах содержание, которое может быть низким, практичным, научным, философским и т.д., находится в некотором противоречии с поэтической формой. Это несоответствие осознавалось еще в античности, но в основном критиками-последователями Аристотеля, а не авторами поэм. В современной науке также предпринимаются попытки объяснить это противоречие (и то, что сами поэты об этом практически не пишут), например, восприятием в античности знания как ценного *per se*.

§4. Всеведение Муз в эпосе

Большинство эпических поэтов, и в частности авторов дидактических поэм, обращается к Музам и ссылается на их всеведение, что, как мы полагаем, также может некоторым образом прояснить противоречие между формой и содержанием дидактических поэм, о котором шла речь выше.

Следы того, что Муза в эпосе является неким источником знаний и ее можно спросить обо всем, мы видим уже у Гомера¹⁷¹. Прежде всего это знаменитое обращение к Музам во второй песни «Илиады» (II. II. 484-493), где поэт просит

¹⁷⁰ Doody A. Virgil the Farmer? Critiques of the *Georgics* in Columella and Pliny. 193-194.

¹⁷¹ Подробное перечисление и анализ обращений к Музам у Гомера см.: Гринцер Н. П., Гринцер П. А. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000. С. 30-35.

их поведать ему список кораблей, поскольку ему самому эти сведения якобы недоступны, и называет их всеведущими (ἴστέ τε πάντα)¹⁷²:

ἔσπετε νῦν μοι Μοῦσαι Ὀλύμπια δώματ' ἔχουσαι·
ὕμεῖς γὰρ θεαὶ ἐστε πάρεστε τε ἴστέ τε πάντα,
ἡμεῖς δὲ κλέος οἶον ἀκούομεν οὐδέ τι ἴδμεν·
οἳ τινες ἠγεμόνες Δαναῶν καὶ κοίρανοι ἦσαν·

Расскажите мне, сейчас, Музы, жительницы Олимпа (вы ведь богини, вы везде и знаете все, а до нас только доносятся слухи, и мы не знаем ничего), кто были вожди и повелители данайцев (П. П. 484-487).

Как отмечает Н. П. Гринцер, Гомер обращается к Музам в случаях, когда нужно перечислить множество каких-либо фактов или событий, чтобы они помогли ему вспомнить материал и упорядочить его. Таким образом, знание Муз – это и знание предмета, который необходимо изложить, и того, как его нужно изложить, т. е. знание поэтического искусства¹⁷³.

В поэмах Гесиода Музы также играют важную роль. Так, «Теогонию» поэт начинает с воспевания Муз, которые в свою очередь поют о богах: μουσῶων Ἐλικωνιάδων ἀρχώμεθ' ἀεΐδειν (Hes. Theog. 1). Ниже следует знаменитый рассказ о том, что именно Музы обучили Гесиода песни: Ἡσίοδον καλὴν ἐδίδαξαν ἀοιδίην (Theog. 22). Кроме того, поэт уповает на всеведение Муз, которые знают настоящее, будущее и прошлое (τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα – Theog. 38) и обо всем этом могут поведать. Также Музы в «Теогонии» могут рассказывать как ложь, подобную истине (что по Аристотелю является сутью поэзии), так и правду, если захотят:

ἴδμεν ψεύδεα πολλὰ λέγειν ἐτύμοισιν ὁμοῖα,

¹⁷² Музы знают всё: сколько кораблей было под Троей и кто на них был, когда и как нужно пахать и сеять, сколько на небе звезд etc. Об этом пишет, например, Манилий в «Астрономике»: omne genus rerum doctae cecinere sorores (П. 49). Всеведение Муз объединяет все виды эпоса: и героический, и дидактический.

¹⁷³ Гринцер Н. П., Гринцер П. А. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. С. 30-32.

ἴδμεν δ', εὖτ' ἐθέλωμεν, ἀληθέα γηρύσασθαι (Hes. Theog. 27-28)¹⁷⁴.

Поэма Гесиода «Труды и дни» также начинается с обращения к Музам:

μοῦσαι Πιερίηθεν ἀοιδῆσιν κλείουσαι

δεῦτε, Δί' ἐννέπετε, σφέτερον πατέρ' ὑμνείουσαι.

Пиерийские Музы, прославляющие песнями, расскажите же о Зевсе, воспевая своего отца (Hes. Op. 1-2).

К Музам обращается и Арат в «Явлениях»: после похвалы Зевсу поэт просит Муз помочь ему довести до конца песнь о звездах (Phaen. 16-18). Вероятно, здесь Музы – это источник знаний о том, как нужно говорить, а не те, кого поэт просит поведать нужные ему сведения.

Авторы же философских поэм не уповают на всеведение Муз, но все же просят их помочь изложить материал в поэтической форме.

Например, в поэме Эмпедокла «О природе», сохранившейся во фрагментах, есть два обращения к Музам. В первом из них (fr. 4 D-K) поэт-философ умоляет Музу поспособствовать ему в изложении того, что смертным нужно услышать (имеется в виду, конечно, философская концепция). В другом же фрагменте (fr. 5 D-K) Эмпедокл, обращаясь к читателю, говорит ему, чтобы он верил неопровержимым доводам, как велят «убедительные доказательства нашей Музы»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Как полагает Н. П. Гринцер, в «Теогонии» Гесиода Музы – скорее не источник знания как такового, как у Гомера, а источник поэтического знания, умения говорить. Ведь подчеркивается, что Музы знают, как рассказывать ложь и истину. (Гринцер Н. П., Гринцер П. А. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. С. 35-37). К тому же, Музы здесь – те, кто научил Гесиода петь. В то же время характерно, что, как это часто бывает и у Гомера, обращение к Музам расположено перед перечислением большого количества фактов. Кроме того, в «Теогонии» о Музах сказано, что они «говорят о настоящем, будущем и прошлом», т. е. имеют сведения обо всем. Вероятно, это дает основания предположить, что Музы здесь – и источник сведений о предмете изложения тоже.

¹⁷⁵ Пер. А. В. Лебедева: Фрагменты ранних греческих философов. Часть I: от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. А. В. Лебедев. М., 1989. С. 343.

У Лукреция в поэме «О природе вещей» обращения к Музе встречаются трижды и, как мы полагаем, значительно отличаются от подобных обращений в нефилософских дидактических поэмах. В первой книге поэт говорит, что его пронзила любовь к Музам и любовь Муз (Lucr. I. 925) и что он, вдохновленный Музами, идет по той дороге, куда раньше не ступала ничья нога¹⁷⁶. Дело в том, что Лукреций, во-первых, несет людям великие знания, стремясь освободить их от гнета религии и суеверий, а во-вторых, излагает это учение ясно, соединив его с изяществом Муз (I. 931-934). Те же стихи повторяются и в начале четвертой книги «О природе вещей» (IV. 6-9). В начале же шестой книги Лукреций обращается к Каллиопе с просьбой, чтобы она помогла ему закончить поэму и стяжать венок (VI. 48-51).

Муза в «О природе вещей» помогает облечь учение в стихотворную форму, и поэзия не только не мешает Лукрецию, но, наоборот, помогает сделать наставления более ясными и легче воспринимаемыми.

В «Георгиках» Вергилия упоминания Муз или обращения к ним встречаются трижды, хотя и не в начале поэмы. В начале третьей книги (*Aonio rediens deducam vertice Musas* – вернувшись с Аонийской вершины, я приведу Муз, Georg. III.11) речь идет прежде всего не о «Георгиках», а о будущей героической поэме. В то же время и здесь Вергилий упоминает гору Геликон, ссылаясь скорее на Гесиода, чем на Гомера. Муза здесь – источник поэтического вдохновения или даже метафорически сама будущая поэма, поэзия.

В четвертой же книге к Музам обращен вопрос о том, кто изобрел бугонию (*Quis deus hanc, Musae, quis nobis extudit artem?* Georg. IV. 315), после чего следует эпиллий об Аристея. Получается, что Муза помогает поэту вспомнить Аристее и его искусство, подобно гомеровской Музе, которую можно спросить обо всем.

В конце второй книги обращение Вергилия к Музам более развернуто:

*Me vero primum dulces ante omnia Musae,
quarum sacra fero ingenti percussus amore,
accipiant caelique vias et sidera monstrent...*

¹⁷⁶ Типичный каллимаховский топос (Callim. Aet. Fr. 1. 25-28).

А меня в первую очередь пусть прелестные Музы, чьи святыни я несу, пораженный огромной любовью, примут и покажут небесные пути и созвездия (Georg. II. 475-477).

Также поэт спрашивает у Муз о солнечных затмениях, лунном цикле, землетрясениях, приливах и отливах, коротких зимних днях и т.д. В первую очередь перечисляются темы поэмы Арата, а затем – явления, которые затрагивает Лукреций в «О природе вещей». Далее Вергилий подобно Гомеру пишет, что без Муз не мог бы приступить к описанию различных сфер природы (*ne possim naturae accedere partes*, II. 483), вероятно, намекая одновременно на поэму Лукреция.

Можно отметить, что большинство авторов дидактических поэм обращаются за помощью к Музе или к Музам, и, если в философских поэмах они дают поэтическое вдохновение, помогают изложить предмет в стихах, то в основной дидактической традиции Музы всеведущи, поэты обращаются к ним скорее как к источнику знаний (хотя так бывает и не всегда). Подобные обращения дидактических поэтов к Музам в некоторой степени поясняют соотношение между стихотворной формой и дидактическим содержанием. Дело в том, что именно Муза позволяет автору излагать сведения и наставления, а значит, выбор поэтической формы становится логичным.

§5. Стилистические особенности дидактических поэм

Как отмечает, например, А. Фаулер, стилистические особенности произведения также важны для определения его жанра¹⁷⁷.

В античности в первую очередь обращали внимание на стилистические особенности речей ораторов¹⁷⁸ и лишь затем – поэтических произведений, из-за чего мы мало знаем о том, как воспринимались эти особенности поэм, в частности дидактических. К тому же, в античности не существовало понятия «стиль»:

¹⁷⁷ Fowler A. *Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. P. 70.

¹⁷⁸ Античные теории языка и стиля. Под ред. О. М. Фрейденберг. Л., 1936. С. 148: «Стиль речи рассматривается как один из способов убеждения».

вместо этого рассматривались такие понятия, как, например, συνθέσις ὀνομάτων, λέξις, character (последнее включает в себя тематику произведения, характер конфликта и персонажей).

Все же античные теоретики иногда рассматривают и поэтические произведения с этой точки зрения. Так, например, Деметрий характеризует стиль Сапфо как «изящный» или «цветистый» (Dem. De elocut. 148)¹⁷⁹. Псевдо-Лонгин в трактате «О возвышенном» также несколько раз обращает внимание на поэзию (например, 27.1, 40.2).

Характеристику стиля поэм Гесиода мы находим в трактате «О соединении слов» Дионисия Галикарнасского, где автор пишет: «... гладкое сочетание хочет, чтобы все слова сплошь были благозвучны, гладки, мягки и нежны; слоги шероховатые и неприятные ему противны, и всего, что смело и рискованно, оно остерегается»¹⁸⁰. Из эпических поэтов, по мнению Дионисия Галикарнасского, в этом стиле выделяется именно Гесиод (чем он отличается от Гомера и других авторов героических поэм).

Эллинистическим дидактическим поэмам присущи некоторые особенности стиля, отличные от гесиодовской и философской традиции. Поэма Арата «Явления» отличается некоторой сухостью стиля. Например, П. Тухи отмечает, что в «Явлениях» практически не используются метафоры или сравнения и мало эпитетов¹⁸¹. Никандр же в своих поэмах выбирает редкую лексику, которая, с одной стороны, затрудняет понимание текста, а с другой – является важной стилистической характеристикой его поэм. Помимо редкой лексики, исследователи отмечают в числе стилистических особенностей поэм Никандра и подробное описание физиологических эффектов ядов¹⁸².

¹⁷⁹ Пер. С. В. Меликовой-Толстой. (Античные теории языка и стиля. С. 280).

¹⁸⁰ Пер. М. Л. Гаспарова (Античные риторика. Пер. М. Л. Гаспарова. Комм. А. А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 209).

¹⁸¹ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 56.

¹⁸² Там же. P. 62.

Лукреций в «О природе вещей» сетует на трудности, которые возникают при изложении греческих философских идей и понятий латинскими стихами (например, Lucr. I.136-139). Подобные терминологические проблемы усложняют аргументацию, а для стиля Лукреция характерны некоторые особенности перевода. Так, он часто использует в качестве философских терминов уже имеющиеся в латинском языке слова, обладающие более широким значением. Например, εἶδωλον он переводит как *simulacrum*¹⁸³.

В то же время многие исследователи отмечают, что язык Лукреция (как основного римского предшественника Вергилия) повлиял на «Георгики» в особенности сильно. Р. Томас даже полагает, что для Вергилия важнее лукрецианский язык, выбор выражений, а не содержание «О природе вещей»¹⁸⁴. Впрочем, мы склонны с этим не вполне согласиться; очевидно, что Вергилий обращается также и к содержанию, и к композиции поэмы Лукреция.

Также для дидактического эпоса, в том числе и римского, характерны некоторые слова или выражения (часто это выражения, служащие для привлечения внимания читателя), которые отмечают принадлежность произведения именно к этой традиции¹⁸⁵. В качестве примера можно упомянуть знаменитое лукрецианское *nonne vides* («неужели ты не видишь»); это выражение употребляется в «О природе вещей» пятнадцать раз, а также трижды встречается и в «Георгиках».

Если говорить о «Георгиках», Сервий в предисловии к «Буколикам» описывает характер (*character*, что сложно понять как «стиль» в современном значении) поэмы словом *medius*, «средний»:

¹⁸³ О терминах в поэме Лукреция см. Sedley D. N. *Lucretius and the Transformation of Greek Wisdom*. Cambridge, 2004. P. 35-42; Тимофеев И. С. Становление латинской атомистической терминологии философии эпикуреизма (на материале поэмы Лукреция): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2022.

¹⁸⁴ Thomas R. F. *Virgil's Georgics and the Art of Reference*. P. 175.

¹⁸⁵ Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 24.

tres enim sunt characteres, humilis, medius, grandiloquus: quos omnes in hoc invenimus poeta. Nam in Aeneide grandiloquum habet, in georgicis medium, in bucolicis humilem pro qualitate negotiorum et personarum. – *Ведь есть три характера: низкий, средний и торжественный. Все эти характеры мы находим в творчестве этого поэта: характер «Энеиды» – торжественный, «Георгик» – средний, «Буколик» – низкий из-за свойств отношений и персонажей* (Serv. praefat. in Verg. Buc. Thilo).

«Георгики» противопоставляются «Буколикам», общий характер которых назван низким, *humilis* (поскольку персонажи произведения – рабы, неспособные на великие деяния), и «Энеиде», которая, конечно, отличается возвышенностью (*grandiloquus*) стиля. «Георгики» же нельзя отнести ни к той, ни к другой категории, потому их характеристика – *medius*. Здесь идет речь прежде всего о содержании произведения и о его героях, а не о лексических и синтаксических его особенностях; содержание неразрывно связано с формой.

Более того, эта поэма – в буквальном смысле середина творческого пути Вергилия. Впоследствии на основании восхождения Вергилия по лестнице жанров — от пасторали через дидактический эпос к эпосу героическому — по видимому, под влиянием комментария Доната, появилась концепция *Rota Vergiliana*, «Вергилиевских колес»¹⁸⁶. Согласно этой концепции, три произведения Вергилия можно схематически изобразить в виде трех кругов, которые символизируют иерархию жанров. Героическим поэмам присущ высокий стиль; «Георгики», или дидактический эпос, отличаются средним стилем, а буколики — низким. В то же время здесь имеется в виду *genus dicendi*, и это понятие включает в себя жанр и стиль одновременно, далеко не только выбор выражений – *λέξις*.

В то же время Сервий упоминает и слог в «Георгиках» Вергилия (*sermo*). Так, он полагает, что эпилоги в конце книг были добавлены Вергилием «для украшения своего труда»; тем самым отмечается чередование «практических» и «возвышенных» частей в поэме (Serv. praefat. in Verg. Georg. Thilo). Кроме того, Сервий в комментарии к третьей книге поэмы о намерении Вергилия придать

¹⁸⁶ Wilkinson L. P. The Georgics of Virgil: a Critical Survey. P. 274.

honorem angustis rebus пишет следующее: humilem materiam alto sermone decorare (украсить высокой речью низменный материал, Serv. in Georg. III. 290 Thilo). Из этого можно сделать вывод, что, согласно античной комментаторской традиции, «Георгики» — поэма о низменном, но отличающаяся возвышенностью стиля. (Возможно, в этом и заключается *medius character*).

Сам автор в «Георгиках» в третьей книге характеризует стиль своей поэмы как возвышенный:

nes sum animi dubius verbis ea vincere magnum
quam sit et angustis hunc addere rebus honorem.

И я не сомневаюсь в том, как трудно преодолеть это словами и придать мелким¹⁸⁷ предметам эту честь (Georg. III. 289-290).

Действительно, Вергилий описывает самые маленькие (в буквальном смысле) и незначительные существа и детали возвышенным языком. Например, сражение пчел (IV. 77-85) описывается подобно битвам в «Энеиде», а муравейник назван *tecta penetralia* (I.379) (*penetrale* в «Энеиде» – это царский дворец либо святилище¹⁸⁸).

Стиль дидактических поэм очевидно отличается от того, что наблюдается в героическом эпосе, и это отмечают еще в античности. Возможно, это связано с тематикой дидактического эпоса, с тем, что в дидактических поэмах не воспитаются герои и великие деяния. Впоследствии такой стиль, как в «Георгиках» Вергилия, назовут «средним».

В то же время дидактическим поэмам присущи и другие стилистические особенности, такие как проблема употребления или даже создания терминов, использование некоторых специфических дидактических выражений, чтобы привлечь внимание читателя, и др.

¹⁸⁷ Шаршукова О. В. *Angustae res* в «Георгиках» Вергилия. С. 1275.

¹⁸⁸ Шаршукова О. В. *Angustae res* в «Георгиках» Вергилия. С. 1271.

§6. Риторические особенности дидактических поэм

Также на принадлежность к традиции может указывать и деление на части внутри книги: наличие *invocatio*, *principium*, эпилога и тому подобных элементов композиции¹⁸⁹.

П. Тухи отмечает в «Трудах и днях» Гесиода, основоположника традиции дидактического эпоса, чередование различных по тону и способу убеждения частей¹⁹⁰. В начале поэмы мы видим повествование и разворачивающиеся аргументации при помощи мифа или символа, например, миф о веках (Op. 42-201) или о двух Эридах (Op. 11-26), а также – сжато изложенную притчу, как о ястребе или соловье (αἴνος – Op. 202-212). Повествование в дальнейшем перемежается гномическими изречениями (например, οἴκοι βέλτερον εἶναι, ἐπεὶ βλαβερόν τὸ θύρηφιν – Op. 365), открытыми призывами к адресату не лениться и соблюдать наставления и, конечно, сухим и практичным изложением советов (например, Op. 335-764).

Эллинистические дидактические поэмы, в частности, «Явления» Арата и поэмы Никандра так же, как и «Труды и дни» Гесиода, состоят из одной книги. Вначале следует *invocatio*, как обращение к Зевсу и к Музам у Арата (Ar. Phaen. 1-18), или обращение к адресату, как у Никандра (Thea. 1-7; Alex. 1-5). Затем поэт приступает к изложению материала, периодически подкрепляя те или иные положения мифами, чаще всего – этиологическими. Арат завершает поэму обращением к читателю: теперь ты всегда будешь готов к переменам погоды (Ar. Phaen. 1153-1154). Никандр же в конце обеих сохранившихся поэм пишет о себе, надеется, что память о нем останется (Thea. 957-958; Alex. 630-631).

Подобным образом устроены и книги поэмы Лукреция «О природе вещей». Первая книга начинается с молитвы к Венере¹⁹¹ (I. 1-43), затем следует *praefatio* –

¹⁸⁹ Fowler A. *Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. P. 61.

¹⁹⁰ Toohey P. *Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry*. P. 17.

¹⁹¹ Это обращение вступает в противоречие с постулируемой Лукрецием идеей, что боги не принимают участия в делах людей (и, вероятно, здесь Лукреций обращается к поэме Арата и спорит с ним). См., Asmis E. *Lucretius' Venus and Stoic Zeus*. P. 458.

первое обращение к адресату и упоминание о семенах вещей (I. 50-61), а затем – обращение к Эпикуру. Более того, несмотря на то, что Лукреций настроен против религии и иррационального, он так же, как и Гесиод и другие дидактические поэты, использует для аргументации миф, в частности, пересказывает миф об Ифигении в Авлиде (I. 80-101) для иллюстрации вреда религии. Также в качестве аргумента поэт использует и рассказ об исторических событиях, например, знаменитое повествование об афинской чуме, завершающее поэму.

На риторическое оформление отдельных книг «Георгик» обращает внимание Сервий во вступлении (*praesepta rhetorum his libris adhibentur, Serv. praefat. in Verg. Georg. Thilo*). Например, в первой книге он выделяет *praefatio* (I. 1-4, где кратко излагается тематика и структура поэмы), *invocatio* (I. 5-6, обращение к сельским божествам), *expositio* (I. 43-44, где Вергилий, завершив вступление, от восхваления Октавиана переходит к изложению практических наставлений). Как и Гесиод, Вергилий варьирует тональность повествования, чередуя части поэмы, иногда называемые «недидактическими»¹⁹², где речь идет о поэзии, обращения к Октавиану, мифологические вставки и изложение наставлений.

Для большинства дидактических поэм характерно чередование собственно дидактических частей и аргументов, разного рода иллюстраций, вставных эпизодов. Начинается же дидактическая поэма, как правило, с *invocatio*, что характерно для эпоса вообще, и (или) с обращения к адресату, ученику, что является важной особенностью именно дидактического эпоса.

¹⁹² См. Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. P. 108.

§7. Мифологические эпизоды в дидактических поэмах

Как правило, дидактические поэмы имеют серьезный характер¹⁹³, и наставления перемежаются вставными эпизодами, которые облегчают восприятие информации и иллюстрируют поучения. Часто эти вставные эпизоды мифологического характера. По мнению П. Тухи, подобные вставные мифологические эпизоды могут отражать происхождение дидактического эпоса. Дело в том, что дидактический эпос, как и героический, произошел из устной поэзии, а в устной литературе генерализация, как правило, осуществляется через миф¹⁹⁴.

Довольно часто мифы в дидактическом эпосе используются для аргументации того или иного тезиса. Наиболее отчетливо это проявляется в «О природе вещей» Лукреция. Поэт приводит миф о принесении в жертву Ифигении в Авлиде (I. 80-101), чтобы подтвердить вредоносность религии: *tantum religio potuit suadere malorum* (религия могла так сильно побуждать к злодеяниям, I. 101).

Некоторые мифы, которые встречаются в дидактических поэмах, по-видимому, близки к басням¹⁹⁵; их задача – аргументация и поучение. Первую басню – притчу, αἵνος, – в греческой литературе мы находим в «Трудах и днях» Гесиода. Это знаменитая басня о соловье и ястребе, обращенная к жестоким и несправедливым правителям (Op. 202-212). Здесь можно отметить отличительные черты басни, которые выделяет М. Л. Гаспаров: персонажами являются звери, действие происходит вне определенного времени и пространства, а в конце ястреб

¹⁹³ Дидактические поэмы серьезны чаще всего, но не всегда. Например, поэмы Овидия «Наука любви», «Лекарство от любви» или «Притирания для лица» вряд ли можно назвать серьезными. Также фрагменты приписываемой Овидию поэмы о рыбной ловле, *Haliutica*, также, как и *Hedyphatheia* Архестрата и *Hedyphagetica* Энния, по-видимому, представляли собой пародии. См. Toohy P. *Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry*. P. 3.

¹⁹⁴ Там же. P. 3.

¹⁹⁵ В поэме Оппиана *Ἀλιευτικά* рыбы довольно часто символизируют людей и являются примерами плохого или хорошего поведения, что также напоминает о басне. См. Kneebone E. *The poetics of knowledge in Oppian's Haliutica* // *Ramus*. 2008. 37. P. 34-35.

произносит сентенцию¹⁹⁶. Также эта притча очевидно носит назидательный характер¹⁹⁷. Νῦν δ' αἶνον βασιλεῦσιν ἐρέω φρονέουσι καὶ αὐτοῖς – сейчас я расскажу притчу царям, хотя они и сами разумны (Op. 202) – так она вводится, а сразу после нее следует призыв к Персу слушать справедливость и избегать дерзости.

Миф о Пандоре в «Трудах и днях» Гесиода (Op. 47-105) также близок к басне, хотя, по-видимому, не вполне является ею. Хотя действующие лица этого мифа – не звери, также описывается происходящее в неопределенное время, а место событий вовсе не указывается. Завершается миф о Пандоре неким подобием сентенции:

οὕτως οὐτι πῆ ἔστι Διὸς νόον ἐξαλέασθαι.

Итак, никак нельзя избежать воли Зевса (Op. 105).

С другой стороны, если притча о соловье и ястребе поучает, то миф о Пандоре у Гесиода скорее просто объясняет положение вещей – почему в жизни людей появились беды.

У Никандра мы находим миф о том, как Зевс дал людям вечную молодость, но те отдали ее ослу, а от него дар получила змея, из-за чего она и линяет, то есть остается вечно молодой (Theg. 344-354). Последний миф очень близок к басне: главными персонажами являются животные (осел и змея), также здесь осуждается глупость людей, которые доверили дар Зевса ослу, из-за чего страдают.

Во многих дидактических поэмах в том или ином виде присутствует миф о веках или о Золотом веке. В «Трудах и днях» Гесиода миф о веках (Op. 106-201)

¹⁹⁶ Басни Эзопа. Перевод, статья и комментарии М. Л. Гаспарова. М., 1968. С. 242.

¹⁹⁷ В то же время не столь ясно, в чем именно заключается мораль этой басни. Можно трактовать ее следующим образом: соловей – это Гесиод (ἁοιδός), а ястреб – несправедливый царь, и в таком случае мораль – сила не является основанием для проявления жестокости. Впрочем, возможна и другая трактовка: соловей – это несправедливый царь, который говорит лживые слова, а ястреб – всевидящий Зевс. Тогда мораль схожа с заключением Гесиода к мифу о Пандоре (Op. 105): воли и наказания Зевса невозможно избежать.

объясняет причины бед, постигающих людей: это наказание, посланное богами¹⁹⁸. У Арата миф о веках (Phaen. 96-136) формально носит этиологическую функцию – объясняет происхождение созвездия Девы. В «Георгиках» Вергилия описание Золотого века включено в рассказ о его окончании (Georg. I. 121-149), в результате чего в жизни людей появился labor, труд, один из главных мотивов поэмы.

Часто мифы в дидактических поэмах имеют этиологический характер, поясняя происхождение того или иного явления, о котором рассказывает поэт. Таковы мифы, объясняющие происхождение созвездий в «Явлениях» Арата. Иногда подобного рода вставки можно найти и в поэмах Никандра: например, в рассказ о рогатой гадюке поэт вставляет миф о том, как на нее наступила Елена (Thea. 309-319). Некоторые исследователи полагают, что интерес к этиологии в дидактическом эпосе берет начало от «Теогонии» Гесиода, где рассказывается о происхождении богов¹⁹⁹.

В «Георгиках» Вергилия, в отличие от большинства предшествующих дидактических поэм²⁰⁰, появляются мифы о культурных героях, о тех, кто научил человечество чему-либо²⁰¹. В том числе из-за этого повествование у Вергилия уходит от подобного басенному, что мы наблюдаем в некоторых предшествующих дидактических поэмах. Так, Вергилий пишет о том, как Церера научила людей пахать (Georg. I. 147). В начале первой книги поэмы воспевается Триптолем, показавший людям изогнутый плуг (*unicūque puer monstrator aratri*, I. 19-20). Диониса Вергилий считает учителем виноделия (I. 7-9, II. 4-6).

¹⁹⁸ Или же просто иллюстрирует деградацию человечества. Дело в том что причины гибели поколений людей (кроме медного) в «Трудах и днях» не указываются. Это не позволяет с уверенностью утверждать, что беды, которые Гесиод предрекает людям Железного века, – именно посланное богами наказание (в отличие от мифа о Пандоре, которую Зевс послал людям в качестве наказания за поступок Прометея).

¹⁹⁹ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 225.

²⁰⁰ В то же время мы находим упоминание Хирона как того, кто первым обратил внимание на лечебные свойства растения, в *Θηριακά* Никандра (500-502).

²⁰¹ Подобным образом в начале трактата Ксенофонта «О псовой охоте» перечисляются герои, которые учились у Хирона и занимались охотой (Xen. Cyn. 1.2).

Миф об Орфее и Аристе в четвертой книге «Георгик» Вергилия, с одной стороны, подобно мифам в «Явлениях» Арата, носит этиологический характер: это миф о *πρώτος εὐρητής*, объясняющий происхождение бугонии, и вводится он следующим образом: поэт просит Муз поведать, кто первым применил это искусство (Georg. IV. 315-317). С другой стороны, история Орфея и Аристея завершает и обобщает главные темы поэмы: труд, благосклонность богов, надежды на то, что труд не пропадет, и именно к концовке четвертой книги исследователи часто обращаются для поиска ответов на те или иные вопросы поэмы²⁰².

Мифологические эпизоды в дидактических поэмах, как правило, подкрепляют аргументацию поэта. Иногда миф содержит поучение и близок к басне, как, например, миф о Пандоре у Гесиода. Многие мифы объясняют то или иное явление. Такую роль играют рассказы о происхождении созвездий у Арата, а в «Георгиках» Вергилия миф о Золотом веке объясняет появление труда в жизни человека. В некоторых случаях миф служит примером, как это происходит в поэме Лукреция.

§8. *Persona discipuli* и *persona doctoris*

Там же, где «Георгики» названы *libri didascalici*, Сервий пишет:

²⁰² Например, Дж. Кэмпбелл предлагает обратиться к мифу об Орфее и Аристе для объяснения *labor improbus* в первой книге поэмы (Campbell J. S. *Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics* // *L'Antiquité Classique*. 1996. 65. P. 236). М. Гейл полагает, что Вергилий ассоциирует себя с певцом-Орфеем, что важно для интерпретации поэмы в целом (Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 51). По мнению Дж. Гриффина, который придерживается скорее «пессимистического» взгляда на «Георгики», возрождение пчел, которым завершается поэма, не перевешивает страданий Орфея и Эвридики (Griffin J. *The Fourth 'Georgic', Virgil, and Rome* // *Greece&Rome*, vol. 26. 1979. P. 73). Также Р. Томас полагает, что окончание поэмы вызывает беспокойство (*troubling*) из-за того, что в четвертой книге изложена печальная история Орфея и Эвридики (Thomas R. F. *The "Sacrifice" at the End of the Georgics* // *Classical Philology*. 1991. 86. P. 217).

Unde necesse est, ut ad aliquem scribantur. Nam praeceptum et doctoris et discipuli personam requirit. Unde ad Maecenatem dixit vel scribit, sicut Hesiodus ad Persen, Lucretius ad Mettium vel Memmium vel Remmium – *Поэтому [потому что поэма дидактическая] необходимо, чтобы она была обращена к кому-то. Ведь наставление требует присутствия фигур и учителя, и ученика. Поэтому Вергилий обращается к Меценату, как Гесиод — к Персу, Лукреций — к Меттию или Меммию или Реммию* (Serv. praefat. in Verg. Georg. Thilo).

К. Фолк отмечает, что это замечание Сервия — самое проицательное из наблюдений о дидактическом эпосе, что дошли до нас из античности²⁰³. Действительно, наличие фигуры ученика и фигуры учителя, сервиевских *persona discipuli* и *persona doctoris* – одна из характерных особенностей дидактических поэм. Ст. Харрисон отмечает, что в дидактическом эпосе постоянно присутствует адресат, либо названный по имени, либо просто «читатель», к которому автор обращается во втором лице²⁰⁴. В этом, по мнению исследователей²⁰⁵, состоит одно из главных отличий дидактического эпоса от героического.

В некоторых поэмах адресат назван по имени. Например, Гесиод в «Трудах и днях» обращается к Персу, Лукреций в «О природе вещей» – к Меммию, Никандр в *Ἐπὶ τῆς ἀρετῆς* – к Гермесианакту, в *Ἀλεξίφάρμακα* – к Протагору.

Имя адресата отсутствует в «Явлениях» Арата, где поэт ограничивается лишь обращением к читателю во втором лице. У Арата регулярно встречаются неопределенные (без указания имени) обращения во втором лице, например, *σκέπτεο* («посмотри»). П. Тухи обращает внимание на то, что подобных форм больше во второй части поэмы, посвященной погодным приметам. Там поэт с помощью таких обращений, видимо, выделяет начало новой мысли²⁰⁶.

²⁰³ Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 37.

²⁰⁴ Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 25.

²⁰⁵ Например, см. Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. P. 33; Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. P. 33, 37-38; Gale M. *Didactic Epic*. P. 102.

²⁰⁶ Toohy P. *Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry*. P. 55.

Никандр же, формально упоминая имя адресата в начале поэмы, в дальнейшем, как и Арат, ограничивается регулярным употреблением глагольных форм второго лица (например, Ther. 21-22)²⁰⁷.

Вергилий в «Георгиках» называет в качестве адресата Мецената (I. 2), поэма обращена к нему в рамках традиции литературного покровительства²⁰⁸. В то же время наставления явно адресованы не ему. Например, трудно представить, что Меценат будет удобрять землю навозом (Georg. I. 80)²⁰⁹.

Также в начале, в середине и в конце поэмы мы видим торжественные обращения к Октавиану. Хотя он также, как и Меценат, не может считаться адресатом сельскохозяйственных наставлений, можно предположить, что нравственный урок поэмы адресован в том числе и ему²¹⁰.

Помимо факта наличия выраженного адресата в дидактической поэме также важен и голос автора. П. Тухи отмечает, что характерной особенностью дидактических поэм является то, что голос автора один (в отличие от, например, «многоголосой» симпозиастической литературы)²¹¹.

Кроме того, имеет значение и отношение автора к адресату. Например, отношение учителя к ученику – один из главных вопросов, которые А. Далцелл предлагает задавать при анализе дидактических поэм²¹².

В некоторых поэмах, например, в «Трудах и днях» Гесиода или в философских поэмах, поэт наставляет ученика крайне настойчиво. Например, Гесиод называет Перса неразумным (νήλιε, Op. I. 286) и многократно призывает его трудиться и быть справедливым.

²⁰⁷ Там же. P. 63-64.

²⁰⁸ См. Эррен М. «Георгики» Вергилия и политика Августа. Лекция, читанная в Московском Университете 3 октября 1996 г. Перевод с нем. яз. А. И. Любжина, А. И. Солопова. С.13: «Меценат – инициатор и распорядитель собрания, на котором исполняется эпос».

²⁰⁹ Dalzell A. The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid. P. 108.

²¹⁰ Lee M. O. Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics. P. 126. См. также гл. IV.

²¹¹ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 2.

²¹² Dalzell A. The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid. P. 33.

Лукреций же периодически говорит читателю напрямь слух и (или) внимание, чтобы должным образом воспринять те или иные положения излагаемого им учения (I. 50, II. 840, II. 1023, III. 181, IV. 23, IV. 812, IV. 912, VI. 920). Также Лукреций относится к своему адресату практически как к ребенку, сравнивая свою поэму с медом, которым для детей подслащают горькое лекарство (I. 936-950; IV. 11-22). С другой стороны, Лукреций отмечает, что доблесть адресата (*tua virtus*) побуждает его преодолевать возникающие при написании поэмы трудности (I. 140-145).

В поэмах Арата и Никандра адресат, напротив, присутствует словно формально. В том числе из-за этого Б. Эффе считает «Явления» Арата «скрыто обучающей» поэмой, поскольку истинное намерение Арата, как полагает немецкий исследователь – научить читателя, но вовсе не астрономии, а стоической идеологии. Впрочем, «учитель» в поэмах философских, цель которых – проповедование некоторой концепции и идеологии, как правило, наоборот, более настойчив, как, например, в «О природе вещей» Лукреция. А поэмы Никандра, по мнению Эффе, – вовсе формальны (цель обучения отсутствует)²¹³.

В «Георгиках» Вергилия поэт, с одной стороны, иногда довольно настойчиво напоминает читателю, что необходимо соблюдать изложенные наставления. Например, в первой книге на манер Гесиода сообщается: «если не будешь бороться с сорняками, отпугивать птиц, обрезать листву и призывать дождь, будешь утолять голод, потрясая дуб в лесу» (*Georg. I. 155-159*).

С другой стороны, учитель в «Георгиках» не поучает ученика столь настойчиво, как в «О природе вещей» или в «Трудах и днях». Хоть два адресата – Меценат и Октавиан – и называются по имени, все же, как говорилось выше, очевидно, что сельскохозяйственные наставления обращены не к ним. В дидактических частях поэмы, где речь идет о сельском хозяйстве, Вергилий обращается к неким земледельцам или же просто использует обращение во втором лице. Столь многократных призывов к читателю сосредоточиться и

²¹³ Kenney E. J. The Typology of Didactic. Review on: *Dichtung und Lehre. Untersuchungen zur Typologie des antiken Lehrgedichts* by B. Effe. P. 71-73.

воспринимать и применять его наставления, как у Лукреция или Гесиода, в «Георгиках» нет. Эта особенность приводит к тому, что исследователи отмечают некоторую отстраненность Вергилия от читателя и от темы своей поэмы. Например, А. Далцелл полагает, что у Вергилия нет необходимости уточнять адресата, так как он в «Георгиках» не преследует практической цели – научить ведению хозяйства²¹⁴.

Кроме того, в некоторых дидактических поэмах, помимо адресата наставления, встречается некое поучение, адресованное правителю либо обращение к нему и восхваление. Так, Гесиод рассказывает царям басню (αἶνος – притчу, поучительную историю) о соловье и ястребе (Op. 202-212). Хотя ее мораль до конца не ясна, она очевидно адресована царям: νῦν δ' αἶνον βασιλεῦσιν ἐρέω φρονέουσι καὶ αὐτοῖς (а сейчас я расскажу притчу царям, хотя они и сами разумны, Op. 202).

У Вергилия же обращение к Октавиану мы встречаем уже в конце пролога поэмы (Georg. I. 2542). Очевидно, что Октавиан – не адресат сельскохозяйственных наставлений, тем не менее поэма формально обращена и к нему. Также Вергилий прославляет Октавиана в знаменитом вступлении к третьей книге, а завершается поэма некоторым противопоставлением Октавиана-правителя и завоевателя и Вергилия-поэта. Ст. Харрисон даже называет «Георгики» в целом энкомием Цезарю²¹⁵.

Мы полагаем, что обращения к Октавиану в «Георгиках» не являются сугубо формальными²¹⁶. Вероятно, что Вергилий в «Георгиках» не только восхваляет Октавиана, но также и поучает его. Еще Гесиод очевидно рассказывает царям именно поучительную историю. Вергилий же, с одной стороны, восхваляет Октавиана, с другой стороны – называет его адресатом дидактической поэмы, и можно предположить, что моральное поучение также адресовано ему. Например,

²¹⁴ Dalzell A. The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid. P. 109.

²¹⁵ Harrison S. J. Generic Enrichment in Vergil and Horace. P. 144.

²¹⁶ «Perfunctory»: Dalzell A. The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid. P. 108.

провести параллель между Аристеем, который восстановил пчелиный рой, и Октавианом, кто должен восстановить мир среди людей²¹⁷ (т.е. поэт учит правителя вести себя так же). В концовке же поэмы, где Вергилий подводит итог этапу творческого пути, он также в рамках поэтической традиции противопоставляет себя Октавиану, и, по мнению некоторых исследователей, даже превосходит его²¹⁸.

Таким образом, в дидактической поэме всегда подразумевается адресат, и в большинстве случаев, хотя и не всегда, он назван по имени. Также авторы дидактических поэм не ограничиваются формальным упоминанием адресата в начале, но периодически обращаются к нему на протяжении произведения. Кроме того, при анализе дидактического эпоса важно и учитывать отношение автора к читателю (учителя к ученику), которое варьируется от настойчивых призывов трудиться у Гесиода и внимать учению у Лукреция до отстраненности и сухости Арата. В этом отношении проявляется также и *persona doctoris*, фигура учителя. Помимо этого, в дидактической поэме может также содержаться обращение к правителю, его поучение или восхваление.

§9. Способ повествования в дидактическом эпосе

Как отмечает Ст. Харрисон, одним из важных жанрообразующих признаков (в особенности применительно к античным текстам) является способ повествования²¹⁹.

В античности часто классифицировали произведения в соответствии с тем, как устроен нарратив (Pl. Resp. III. 392c - 394c; Arist. Poet. 1448 a-b). Так, Платон пишет, что в трагедии и комедии повествование ведется от лица персонажей, в дифирамбах – от лица автора, а в эпосе речь персонажей и автора сочетается. Аристотель же много внимания уделял драме, и его классификация литературы опиралась на то, какое место в произведении занимает речь персонажей, а не

²¹⁷ Lee M. O. *Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics*. Albany, 1996. P. 126.

²¹⁸ Griffin J. *The Fourth 'Georgic', Virgil, and Rome*. P. 71.

²¹⁹ Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 25.

автора. В трагедии и комедии в основном говорят герои; в диалоге — только они, а в эпических или лирических произведениях, наоборот, реплики персонажей появляются лишь эпизодически, тогда как большая часть повествования ведется от лица автора.

В дидактическом эпосе, как и в эпосе героическом, повествование в основном ведется не от лица персонажей. В то же время в некоторых дидактических поэмах есть вставные эпизоды с завершенным сюжетом, где мы наблюдаем реплики персонажей и даже диалоги и монологи. В качестве примера можно привести сюжет об Орфее и Аристе в «Георгиках» Вергилия, где Аристей (IV. 320-332), Кирена (387-414) и Протей (453-527) произносят обширные монологи, имеющие ключевое значение для сюжета эпиллия. История Орфея рассказывается Протеем, а слово *furor*, которое обозначает основная причина неудачи Орфея, вложено в уста Эвридики (IV. 494). В то же время в некоторых поэмах, например, у Арата²²⁰, Никандра или Дионисия Перизгета, подобного рода вставные эпизоды практически отсутствуют.

В то же время роль автора в героических и дидактических поэмах, по-видимому, различается: в героических поэмах автор словно уходит на второй план, а в дидактическом эпосе — наоборот.

В героических поэмах фигура автора ярко проявляется лишь в диалоге с Музами. Например, у Гомера во II песне «Илиады» говорится, что певец слышит только молву и ничего не знает ($\eta\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \delta\acute{\epsilon}\ \kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\varsigma\ \omicron\iota\omicron\nu\ \acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\omicron\mu\epsilon\nu\ \omicron\upsilon\delta\acute{\epsilon}\ \tau\iota\ \acute{\iota}\delta\mu\epsilon\nu$, II. II 486), в то время как именно Музы — источник знания. Далее поэт говорит о себе (в первом лице — $\epsilon\gamma\acute{\omega}$), что он не смог бы перечислить корабли ахейцев без помощи Муз, даже если бы у него было десять языков, десять ртов, неслабеющий голос и медное сердце (II. II. 488-492). В повествовании же фигура автора отходит на задний план. Нарратив в героическом эпосе ведется, как правило, отстраненно, словно извне, по умолчанию от лица автора, но в то же время именно эта

²²⁰ Все же в «Явлениях» Арата есть место, когда важная реплика вложена в уста персонажа.

Речь идет о том, что Справедливость говорит людям Серебряного века, что они породят детей хуже себя (Ar. Phaen. 123-124), то есть предсказывает дальнейшую деградацию человечества.

личность практически никак не проявляется. Мы практически не находим в героических поэмах мест, где автор говорит от первого лица.

В дидактическом же эпосе большое значение имеет не только фигура ученика (*persona discipuli*), но и фигура учителя (*persona doctoris*), и учитель часто отождествляется с автором поэмы. Учитель раздает наставления, повествование ведется явно от его лица.

Основоположник традиции дидактического эпоса Гесиод часто говорит от первого лица. Это можно увидеть, во-первых, в многочисленных обращениях к адресату в «Трудах и днях» (например, Ор. 10). Во-вторых, фигура автора у Гесиода появляется не только в наставлениях: так, миф о веках или притча о ястребе и соловье также рассказаны от первого лица, от лица учителя (Ор. 106, 202). Также поэт периодически ссылается на личный опыт: в «Теогонии» рассказывает о встрече с Музами (Theog. 22-34), а в «Трудах и днях» хвастается победой в поэтическом состязании (Ор. 651-659). Более того, в «Теогонии» Гесиода поэт называет себя по имени: αἶ νύ ποθ' Ἠσίοδον καλὴν ἐδίδαξαν ἀοιδῆν (*которые [Музы] научили Гесиода красивой песне*, Theog. 22).

Хотя в дидактических поэмах эллинистического периода «учитель», как правило, далеко не так настойчив, как в «Трудах и днях» и впоследствии в «О природе вещей», и для повествования характерна большая отстраненность, здесь мы тоже находим проявления авторского самосознания. Например, хотя на протяжении поэм сведения излагаются им достаточно отстраненно, и Θηριακά, и Ἀλεξίφαρμακα заканчиваются почти одинаково: поэт надеется, что читатель будет помнить о нем, а также называет себя по имени, «подписывая» поэму (Theog. 957-958, Alex. 630-631).

Лукреций в «О природе вещей» также часто говорит о себе в первом лице. Помимо наставлений адресату, это проявляется и в тех частях поэмы, где поэт рассуждает о поэзии, об особенностях своего произведения. Так, в начале поэмы Лукреций заявляет, что попытается описать природу вещей и просит Венеру помочь ему в этом деле (*voluisti excellere*, I. 25). В первой книге поэт оправдывает выбранную им поэтическую форму изложения и употребляет ряд глаголов первого лица (*doceo*, I.931; *pergo*, 931; *rango*, 932). Лукреций также говорит о себе,

что идет по стопам Эпикура (*cuius ego ingressus vestigia*, V. 55), а также первым излагает греческое философское учение на латинском языке (*nunc ego sum in patrias qui possim reddere voces*, V. 336-337).

В «Георгиках» Вергилий в рамках традиции иногда ссылается на личный опыт и говорит о себе в первом лице. Например, рассказ о корикийском старике в четвертой книге вводится следующим образом: *memini me... Corycium vidisse senem* – «я помню, что видел корикийского старика» (*Georg. IV. 125-127*).

Поэт в «Георгиках» также говорит о себе в первом лице («я буду воспевать») в начале книг, заявляя тему книги (или, как в первой книге, тематику всей поэмы): *hinc canere incipiam* (I. 5), *nunc te, Vacche, canam* (II 2), *Protinus aërii mellis caelestia dona/ exsequar* (IV 1-2).

В знаменитом вступлении к третьей книге «Георгик» Вергилий, говоря о будущей героической поэме, пишет:

primus ego in patriam mecum, modo uita supersit,

Aonio rediens deducam uertice Musas;

primus Idumaeas referam tibi, Mantua, palmas...

Я первый, если только достанет жизни, возвращаясь с Аонийской вершины, приведу с собой на родину Муз; первый принесу тебе, Мантуя, идумейские пальмовые ветви (*Georg. III. 10-12*).

Если Лукреций – первый, кто изложил греческую философию в латинских стихах, Вергилий надеется стать первым, кто напишет героическую поэму, и говорит об этом похожим языком.

Изложенные выше наблюдения позволяют сделать вывод, что в дидактическом эпосе фигура автора проявляется более отчетливо, чем в героическом. Наставления ученику раздаются от лица автора, и чем настойчивей «учитель», тем больше проявляется авторское самосознание. Кроме того, иногда *praeserta* подкрепляются личным опытом автора. Также некоторые авторы дидактических поэм рассуждают о поэзии, о своем творчестве, о себе как о поэтах, надеются, что их запомнят. В мифологических же вставных эпизодах дидактических поэм повествование, как правило, более обезличено и ближе к тому, что мы наблюдаем в героическом эпосе.

Выводы к главе II

Некоторые из особенностей формы дидактических поэм характерны для эпоса вообще. Например, все эпические поэмы написаны гекзаметром. Хотя этот стихотворный размер, по мнению древних, подходит для воспевания великих деяний и для повествования, по всей видимости, он удобен и для развернутой аргументации. Кроме того, очевидно, что гекзаметрические дидактические поэмы продолжают гесиодовскую традицию.

Как и героические поэмы (и многие другие античные литературные произведения), дидактические часто начинаются с *invocatio*: обращения к Музам, Зевсу или Юпитеру или божествам. В то же время в начале дидактической поэмы можно встретить и обращение к адресату, «ученику», что является характерным жанровым признаком. Например, Вергилий начинает «Георгики» с возвания к сельским божествам и затем переходит к восхвалению Октавиана.

В то же время в дидактических поэмах излагается некое знание, часто практически значимые сведения или философская концепция, а не воспеваются войны и подвиги, как в героическом эпосе. С этим связаны многие отличительные особенности дидактической традиции.

Из-за специфической тематики дидактических поэм в античности, начиная с Аристотеля, появлялись соображения о том, что поэтическая форма не подходит для дидактического содержания. И все же эта проблема остается практически исключительно в рамках критики: несмотря на достаточно ярко выраженное в дидактических поэмах «поэтическое самосознание», авторы поэм либо не затрагивают этот вопрос вовсе, либо понимают его не так, как Аристотель. Вергилий в «Георгиках», хотя и пишет, что «придать честь небольшим (*angustis*) предметам трудно» (III. 290), все же скорее всего имеет в виду здесь именно мелочи, детали, а не низменность содержания поэмы. Можно предположить, что это связано в том числе с тем, что любое знание в античности считалось эстетичным само по себе.

В то же время в дидактическом эпосе, как и в героическом, авторы обращаются к Музам. Муза в эпосе – это источник поэтического вдохновения;

также, что не менее важно, она помогает поэту упорядочить и должным образом изложить большое количество сведений. Также Музы в том числе в дидактических поэмах иногда воспринимаются как источник знаний, что тоже поясняет выбор поэтической формы для дидактического жанра. У Вергилия Музы – и источник поэтического вдохновения во вступлении к третьей книге, и источник знаний (в начале эпиллия об Аристее или в конце второй книги).

Одним из важнейших жанровых признаков дидактических поэм, что было отмечено еще в античности, является обязательное наличие фигур ученика и учителя, что Сервий называет *persona discipuli* и *persona doctoris*. В дидактической поэме наставления практически всегда кому-то адресованы. Отношение учителя к ученику может варьироваться от настойчивого и навязчивого поучения (как в «Трудах и днях» Гесиода или в «О природе вещей» Лукреция) до некоторой отстраненности, когда автор ограничивается обращениями во втором лице и не называет адресата по имени (подобную картину мы наблюдаем в «Явлениях» Арата). В «Георгиках» Вергилия по имени названы двое: это Октавиан и Мecenат. Хотя нельзя считать практические сельскохозяйственные наставления обращенными к ним, можно предположить, что, восхваляя Октавиана, Вергилий в то же время его и поучает (ведь адресованное правителю поучение мы встречаем уже у Гесиода, и также поучение иногда бывает свойственно и панегирику).

Способ повествования в дидактическом эпосе также отличается от характерной для героических поэм отстраненности. Повествование ведется от лица учителя, от первого лица. Авторы также иногда ссылаются на «личный опыт». Например, Вергилий якобы сам видел корикийского старика. Как правило, чем настойчивее «учитель» по отношению к «ученику», тем ярче выражено авторское самосознание и тем более лично окрашенным становится повествование. Вергилий не столь настойчив в наставлениях, как Лукреций и другие авторы философских поэм, но и не столь отстранен, как Арат или Никандр.

Кроме того, еще древние отмечали отличие стиля дидактического эпоса от стиля героических поэм (что тесно связано с различным содержанием). Можно встретить характеристики стиля следующего характера: стиль поэм Гесиода назван «гладким», характер «Георгик» Вергилия – средним (причем в первом

случае имеется в виду «соединение слов», что достаточно близко к современным представлениям о стиле, а во втором – общий характер поэмы, то есть единство формы и содержания). Если говорить о выборе выражений, в дидактическом эпосе, в том числе в «Георгиках» Вергилия, мы часто находим смесь терминов, часто необходимых для изложения сведений или наставлений, и торжественной лексики. Так, Вергилий в «Георгиках» пишет, что его задача – «придать честь мелким деталям» (III. 290) и характеризует стиль своей поэмы как торжественный.

Другие риторические особенности поэм также связаны с их дидактической задачей: так, наставления перемежаются вставными эпизодами, служащими для аргументации и иллюстрации изложенных положений. Часто это вставные эпизоды мифологического характера. Некоторые из них, начиная с притчи о соловье и ястребе в «Трудах и днях» Гесиода, близки к басне. Также для дидактического эпоса характерны этиологические мифы: например, так используют миф Арат и Никандр (вероятно, не только из эллинистического интереса к этиологии, но также вслед за «Теогонией» Гесиода). Вергилий от басенного повествования отходит, но мифы, объясняющие происхождение чего-либо, в «Георгиках» есть. Один из наиболее очевидных примеров – это миф об Аристее, который является развернутым этиологическим мифом.

Глава III. КОМПОЗИЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЭМ И «ГЕОРГИК» ВЕРГИЛИЯ

В данной главе рассматриваются композиционные особенности дидактических поэм и «Георгик» Вергилия. Мы полагаем, что единство композиции – важная особенность дидактического эпоса, которая заменяет единство сюжета.

Мы сочли целесообразным анализировать композицию «Георгик» не вслед за автором, а рассматривать отдельные композиционные приемы или линии. Поэтому сначала мы обращаемся к общим принципам построения, характерным для дидактических поэм, затем рассматриваем на отдельных примерах такие композиционные приемы, как каталог и *exempla*, после чего переходим к некоторым чертам сходства между композицией «Георгик» и произведений предшественников (в основном это «Труды и дни» Гесиода, «О природе вещей» Лукреция и трактат «О сельском хозяйстве» Варрона). В завершение же главы мы обращаемся к важным для понимания «Георгик» линиям: это эволюция взаимоотношений природы и земледельца и вопрос о том, напрасен ли труд крестьянина, который раскрывается в системе отступлений в «Георгиках».

§1. Объем дидактических поэм

Некоторые исследователи, например, Ст. Харрисон и А. Фаулер, отмечают объем произведения как необходимый критерий, который нужно учитывать при определении жанра²²¹. Еще в античности существовало представление о связи объема произведения и его содержания. Так, Каллимах отмечает, что героическая

²²¹ Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. P. 24; Fowler A. *Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. P. 62.

поэма – «непрерывная песня в многих тысячах стихов» (ᾄεσμα διηλεκῆς... ἐν πολλαῖς... χιλιάσιν – Aet. Fr. 1. 3-4)²²².

А. Фаулер делит произведения по этому критерию на три типа: малые жанры, произведения среднего объема и, наконец, большого. Малый жанр предполагает прочтение за один прием. Произведения среднего объема прочитать за один день возможно, но лучше разделить чтение на несколько приемов. Большое же произведение рассчитано на то, что его нужно читать несколько дней²²³.

Если следовать этой классификации, дидактические поэмы, в отличие от героических, как правило, обладают средним объемом.

П. Тухи полагает, что изначально дидактический эпос представлял собой одну книгу, и сравнивает объем различных дидактических поэм. Например, поэма Гесиода «Труды и дни» состоит из 828 ст., поэма Парменида – предположительно около 500 ст., Эмпедокла – предположительно около 2000 ст., «Явления» Арата – 1154 ст., Θηριακά Никандра – 959 ст., Ἀλεξιφάρμακα – 630 ст., «Лекарство от любви» Овидия – 814 ст.²²⁴.

Некоторые дидактические поэмы выбиваются из этого ряда. В частности, это поэма Лукреция «О природе вещей», состоящая из шести книг, и «Георгики» Вергилия в четырех книгах. П. Тухи предполагает, что разделение дидактического материала на несколько книг может быть инновацией Лукреция²²⁵. В то же время Афинея многократно упоминает вторую книгу «Георгик» Никандра, произведения, в честь которого Вергилий назвал свою поэму.

²²² Возможно, к тому, что здесь речь идет о героическом эпосе, следует относиться с осторожностью. Так, некоторые исследователи полагают, что Каллимах имеет в виду не героический эпос, а элегию большого объема. См. Cameron A. Genre and Style in Callimachus. P. 308. Впрочем, здесь в любом случае очевидно представление о связи объема произведения и его жанра.

²²³ Fowler A. Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes. P. 62.

²²⁴ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 3. На это обращает внимание и Ст. Харрисон: Harrison S. J. Generic Enrichment in Vergil and Horace. P. 24.

²²⁵ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 4.

Все же и «О природе вещей», и «Георгики» – произведения среднего объема. И по этому критерию они ближе к другим дидактическим поэмам, чем к героическим, которые, как правило, длиннее и часто делились на двадцать четыре книги, как поэмы Гомера, или на двенадцать, как «Энеида» Вергилия.

Таким образом, для дидактических поэмов характерен средний объем. Многие из них состоят из одной книги, хотя есть и исключения.

§2. Единство изложения в дидактических поэмах

В дидактическом эпосе общий для всего произведения сюжет, как правило, отсутствует²²⁶, хотя дидактические поэмы безусловно разделяют между собой некоторые мотивы.

В то же время для дидактических поэмов свойственны отступления (вставные эпизоды) разного объема на мифологическую или, реже, историческую тему, обладающие завершенным сюжетом. Таковы, например, мифы о веках и о Пандоре и притча о соловье и ястребе в «Трудах и днях», этиологические мифы у Арата (в частности, миф о веках и Справедливости) и Никандра, миф об Ифигении в Авлиде и рассказ об афинской чуме в «О природе вещей» Лукреция, миф об Орфее и Аристе в «Георгиках» Вергилия.

Для героического эпоса характерно наличие сюжета и его единство, что является одним из главных критериев, по которым мы определяем, что перед нами героическая поэма. Дидактическим же поэмам присущи единство темы, предмета, а также единство композиции, определенный порядок, в котором излагаются знания и наставления²²⁷. Важно отметить, что упомянутые выше вставные эпизоды также не приводятся беспорядочно, а, напротив, иллюстрируют те или иные положения автора или идею поэмы вообще.

²²⁶ Fowler A. *Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. P. 73.

²²⁷ Didactic poetry usually attempts systematic instruction on some concrete topic («В дидактическом эпосе обычно предпринимается попытка дать систематические наставления по определенному предмету», Toohey P. *Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry*. P. 2).

Например, миф о веках в «Трудах и днях» Гесиода иллюстрирует всемогущество Зевса, а миф о Пандоре у Гесиода объясняет, как в жизни человека появились беды и труд. Мифы у Арата в большинстве случаев рассказывают о происхождении созвездий, а миф о веках и Справедливости объясняет, почему современная жизнь полна трудностей. Лукреций использует миф об Ифигении в Авлиде для демонстрации вреда, который приносит религия, и завершает поэму описанием чумы в Афинах, которое показывает ужасный конец, ожидающий тех, кто не живет по заветам Эпикура.

В то же время единство композиции в дидактическом эпосе прослеживается не только на уровне вставных эпизодов, но и во всем произведении в целом. И Музы, к которым часто обращаются авторы дидактических поэм, уповая на их всеведение, также словно помогают поэту именно упорядочить и должным образом изложить множественные сведения²²⁸.

Исследователи отмечают, что поэмы Гесиода отличаются четкой организацией материала и кольцевой композицией²²⁹. В то же время «Теогония» Гесиода значительно отличается от «Трудов и дней»²³⁰, в том числе и композицией. Эта поэма в целом представляет собой расширенный каталог, перечисление богов и мифов об их происхождении²³¹. Конечно, божества перечисляются не случайным образом, а в хронологическом порядке²³².

²²⁸ «Музы в «Теогонии» – носители поэтического «строя», «порядка», который они передают поэту» (Гринцер Н. П., Гринцер П. А. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. С. 37).

²²⁹ См. Kumaniecki K. The Structure of Hesiod's "Works and Days" // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1963. №10. P. 79-96.

²³⁰ М. Вест даже выделяет отдельный жанр, к которому относится «Теогония»: это «теологическая литература» (theogonic literature), т.е. произведения, посвященные происхождению мира и богов. См. Hesiod. Theogony. Ed. M. L. West. P. 1.

²³¹ Также и приписываемая Гесиод поэма «Каталог женщин». См. Osborne R. Ordering women in Hesiod's Catalogue // The Hesiodic Catalogue of women. Constructions and reconstructions. Ed. by R. Hunter. Cambridge, 2005. P. 9.

²³² Hesiod. Theogony. Ed. M. L. West. P. 18.

Вероятно, Арат и Никандр следуют за композицией именно «Теогонии». И «Явления», и сохранившиеся поэмы Никандра – это поэмы-каталоги. Арат упорядочивает описания созвездий по географическому принципу, двигаясь по карте звездного неба²³³, а во второй части поэмы излагает погодные приметы. Никандр в *Θηριακά* перечисляет змей (157-714) и затем других ядовитых животных (715-956). Впрочем, в делении поэмы на две части Никандр, вероятно, последовал за Аратом, а тот – за «Трудами и днями» Гесиода²³⁴.

Впрочем, композиция «Георгик» Вергилия имеет больше общего все же со структурой «Трудов и дней», чем «Теогонии». Поэму «Труды и дни» можно разделить на две части, в первой из которых (1-380 ст.) вводятся необходимые для восприятия дальнейших практических наставлений понятия: здесь идет речь о всесии Зевса, Справедливости и объясняются трудности жизни. В свою очередь первая часть поэмы отличается кольцевой композицией: Гесиод начинает с рассказа о двух Эридах, из которых Перс выбирает несправедливую (т. е. с темы справедливости), затем переходит к объяснению появления бед и труда в жизни человека (миф о Пандоре и миф о пяти веках), а завершает эту часть снова призывами быть справедливыми (например, 225-247 ст. – противопоставление справедливого государства несправедливому, 274-292 – призыв к Персу быть справедливым). После этого поэт переходит уже к «трусдам», практическим наставлениям (381-764), рассказывая, как нужно вести хозяйство. Этот перечень наставлений продолжает и конкретизирует призывы к праведной жизни: здесь уже рассказывается, как именно нужно жить и вести хозяйство и каким образом преодолевать трудности, о которых говорилось в первой части поэмы. Завершается же поэма перечнем благоприятных и неблагоприятных дней, который поясняет, когда именно нужно выполнять те или иные наставления.

²³³ Ludwig W. Die Phainomena Arats als Hellenistische Dichtung // Hermes. 1963. 91. P. 429-430.

²³⁴ Overduin F. Nicander of Colophon's Theriaca: a literary commentary. Leiden, Boston, 2014. P. 49-50.

Лукреций же разделяет философский материал на шесть книг и при этом соблюдает последовательность изложения²³⁵. В «О природе вещей» дидактический материал строго организован логически, и основное содержание каждой книги кратко суммируется в ее начале. Основная идея первой книги – ничего не возникает из ничего (I. 146-214), во второй книге речь идет об атомах, их движении и сочетаниях (II. 62-66), в третьей объясняется сущность animus и anima (духа и души) и приводится аргументация против страха смерти (III. 31-93), в четвертой излагается теория simulacra (призраков или образов, IV. 26-53), в пятой книге говорится о неизбежности гибели мира и о том, что боги не вмешиваются в дела людей (V. 55-90), в шестой объясняются различные природные явления с целью уничтожения суеверий (VI. 43-95). Кроме того, поэма состоит из двух частей: в первой половине (I-III кн.) излагаются теоретические основы существования, а во второй (IV-VI кн.) объясняются различные природные явления.

Вергилий, в отличие от поэтов-предшественников, кратко говорит о композиции поэмы в самом начале, перед традиционным обращением к божествам, возможно, тем самым подчеркивая, что порядок изложения имеет для него особое значение:

quid faciat laetas segetes, quo sidere terram
vertere, Maecenas, ulmisque adiungere vites
conveniat, quae cura boum, qui cultus habendo
sit pecori, apibus quanta experientia parcis,
hinc canere incipiam.

Что сделает посевы счастливыми, под какой звездой подобает пахать землю и привязывать к вязам лозы, Меценат, какова забота о быках и как

²³⁵ Лукреций следует за «Трудами и днями» Гесиода в большей степени, чем за «Теогонией», поскольку, как и Гесиод в «Трудах и днях», предпринимает попытку описать устройство мира вообще. В то же время основной его предшественник из числа поэтов – Парменид, чья поэма «О природе» сохранилась во фрагментах. Не сохранившаяся полностью поэма Парменида, видимо, также имела двухчастную структуру. См. Tor S. Parmenides' Epistemology and the Two Parts of his Poem // Phronesis. 2015. 60. P. 3.

*разводить скот, сколь велик опыт заботы о маленьких пчелах*²³⁶, я начну воспевать здесь (I. 1-5).

На композицию «Георгик» Вергилия, которая является рациональной (*ratione non caret*), обращает внимание еще Сервий. Он пишет, что Вергилий, хотя «сократил» Гомера и Феокрита в «Энеиде» и в «Эклогах», «разделил одну книгу Гесиода на четыре» (*unum Hesiodi librum divisit in quattuor*, Serv. praefat. in Verg. Georg. Thilo). Грамматик приводит два объяснения этому: стилистическое и практическое. Во-первых, он полагает, что намерением Вергилия было «показать нам возможности своего таланта с помощью сокращения широких тем и расширения очень узких» (*ut potentiam nobis sui indicaret ingenii coartando lata et angustiora dilatando*²³⁷). Во-вторых, подобное разделение материала, с точки зрения комментаторской традиции, оправдано еще и тем, что это характерно для сельскохозяйственной традиции, поскольку подобное деление было и у Варрона²³⁸. Таким образом, Сервий связывает «Георгики» не только с поэтической традицией, но и с традицией прозаических сочинений о сельском хозяйстве.

Дидактическая поэма в четырех книгах действительно нетипична для традиции. Мы находим упоминания о том, что поэма Никандра «Георгики» состояла из двух книг, что, возможно повлияло и на «Георгики» Вергилия.

²³⁶ Видимо, уже здесь Вергилий намечает противопоставление мелкого (*aribus parcis*) и великого (*quanta experientia*), что является одним из важных мотивов поэмы.

²³⁷ Здесь Сервий обращает внимание на важную особенность поэмы Вергилия, где речь часто идет о предметах мелких или незначительных, но они часто сопоставляются с великими или же противопоставляются им. Комментатор использует то же прилагательное (*angustiora*), что и Вергилий, который в III.290 пишет о своей поэме, что «трудно придать эту честь мелким (*angustis*) предметам» (*angustis hunc addere rebus honorem*).

²³⁸ В начале трактата Варрона, после общих обсуждений предмета (например, стоит ли включать скотоводство в науку о земле – ведь это не земледелие, хотя связано с ним), приводятся следующие составляющие этой науки: знание типов почв, необходимые инструменты, работы, которые нужно выполнить («труды»), и подходящее время для выполнения этих работ («дни») (R.R. I. 5). Видов земли (по расположению) у Варрона три: равнинная, холмистая и горная местность (R.R. I. 6).

Единственная же из сохранившихся дидактических поэм предшественников Вергилия, состоящая из нескольких книг, – «О природе вещей» Лукреция.

«Георгики», подобно поэме Лукреция²³⁹, можно разделить на части, состоящие из двух книг: первая-вторая книги и третья-четвертая, где вторая половина повторяет первую, но на новом уровне²⁴⁰. Как и в «О природе вещей», у каждой пары книг есть вступление (в первой книге – общее вступление к поэме (1-42); в третьей – отступление о будущей героической поэме (1-48))²⁴¹. Более того, каждая книга в свою очередь обладает отдельным вступлением, что, как предполагает М. Гейл, является инновацией Лукреция, который в свою очередь заимствовал это из прозаической традиции²⁴². Также исследователи отмечают многочисленные композиционные параллели между нечетными книгами (первой и третьей) и четными (второй и четвертой); иногда структура книг совпадает вплоть до номера стиха²⁴³.

Таким образом, хотя единство сюжета не характерно для дидактического эпоса, единство композиции – важное свойство дидактических поэм. Вергилий в начале «Георгик» даже дает «развернутое оглавление» поэмы, чем отличается от своих предшественников.

По принципу построения можно разделить дидактические поэмы на две группы. Это поэмы, построенные по принципу каталога (например, «Теогония» Гесиода, «Явления» Арата или поэмы Никандра) и поэмы, представляющие собой изложение наставлений по тематическому принципу с примерами и отступлениями («Труды и дни» Гесиода, «О природе вещей» Лукреция и «Георгики» Вергилия).

²³⁹ В случае «О природе вещей» это три части, состоящие из двух книг. См. Sedley D. N. Lucretius and the Transformation of Greek Wisdom. P. 144-145.

²⁴⁰ Drew D. L. The Structure of Vergil's Georgics // The American Journal of Philology. 1929. 50, №3. P. 245.

²⁴¹ Wilkinson L. P. The Georgics of Virgil: a Critical Survey. P. 74.

²⁴² Gale M. Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition. P. 19.

²⁴³ Drew D. L. The Structure of Vergil's Georgics. P. 245.

§3. Каталог как композиционный прием в «Георгиках» Вергилия

Один из важнейших композиционных приемов в «Георгиках» – каталог²⁴⁴. Очевидно, что это важная особенность эпоса (ведь музы – источник знания, а обращение к ним часто предшествует перечислению тех или иных фактов), и в частности – именно дидактического эпоса²⁴⁵.

Поэма Гесиода «Теогония», «Явления» Арата и сохранившиеся поэмы Никандра представляют собой именно каталоги, перечисления (соответственно богов, созвездий и примет, змей и ядов). В то же время такие поэмы, как «Труды и дни» Гесиода и в римской традиции «О природе вещей» Лукреция, выделяются из этого ряда.

У. Минтон формулирует это отличие следующим образом: в «Трудах и днях» «сильнее личное начало поэта», чем в «Теогонии»²⁴⁶. В этой поэме Гесиода перечисление работ и времени их выполнения предваряется разного рода мифологическими отступлениями, цель которых – показать всемогущество Зевса и убедить адресата в необходимости трудиться, т.е. всю первую половину поэмы каталогом назвать, очевидно, нельзя. В то же время в «Трудах и днях» Гесиода также важны элементы эпического каталога; особенно это заметно во второй части поэмы, которая посвящена собственно «трусам» и затем «дням»²⁴⁷.

Поэму Вергилия также нельзя назвать поэмой-каталогом. В этом отношении поэт следует за «Трусами и днями» Гесиода и Лукрецием, а не за «Теогонией», Аратом и Никандром.

²⁴⁴ Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 172.

²⁴⁵ Как отмечает У. Минтон, в гомеровских поэмах (за исключением знаменитого каталога кораблей во II песни «Илиады» (и к этому можно добавить еще «смотри со стены» в III)) каталог играет меньшую роль, чем в поэмах Гесиода. См. Minton W. W. *Invocation and Catalogue in Hesiod and Homer*. P. 188-189; см. также Гринцер Н. П., Гринцер П. А. *Становление литературной теории в Древней Греции и Индии*. С. 30-32.

²⁴⁶ Minton W. W. *Invocation and Catalogue in Hesiod and Homer*. P. 199.

²⁴⁷ Там же. P. 200.

Все же каталоги играют достаточно важную роль в композиции «Георгик». Так, первая книга поэмы завершается перечислением погодных примет (351-463), где Вергилий использует «Явления» Арата²⁴⁸.

Atque haec ut certis possemus discere signis,
aestusque pluviasque et agentis frigora ventos,
ipse pater statuit quid menstrua luna moneret,
quo signo caderent Austri, quid saepe videntes
agricolae propius stabulis armenta tenerent.

И, чтобы мы могли по точным признакам узнать, будет ли зной и дожди и ветры, приносящий холод, сам отец установил, о чем предупреждает ежемесячная луна, при каком знаменнии обрушится южный ветер и при виде чего земледельцы держат свои стада поближе к стойлам (Georg. I. 351-355).

Для Вергилия в «Георгиках» особое значение имеют signa, знаки²⁴⁹. Например, описанию болезни в конце третьей книги также предшествует перечисление «знаков», симптомов болезней овец: Morborum quoque te causas et signa docebo (III. 440). Также и болезнь пчел можно распознать по определенным признакам (quod iam non dubiis poteris cognoscere signis, IV. 253). Хотя окружающий мир может быть враждебным по отношению к человеку, все же Юпитер (подобно благосклонному Зевсу у Арата) сделал так, чтобы человек мог распознать грядущую опасность и, возможно, ее избежать. Поэтому особенно важно знать различного рода приметы, и, соответственно, их перечисление – одна из важнейших составляющих дидактической поэмы.

Каталоги важны и во второй книге поэмы: в первую очередь это перечисление сортов винограда (89-108) и каталог почв (179-264).

Количество сортов винограда, упоминаемых античным авторами, было огромным, Вергилий же ограничивается лишь пятнадцатью, смешивая греческие и итальянские сорта²⁵⁰. Подобное чувство меры, избирательность и представление

²⁴⁸ Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 127.

²⁴⁹ Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 128.

²⁵⁰ Virgil. Georgics. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. P. 112-113.

о должном объеме произведения (*extremo ni iam sub fine laborum | vela traham*, IV. 116-117) свойственны для Вергилия (впрочем, не только; даже авторы прозаических трактатов отличаются избирательностью при работе с материалом²⁵¹). Очевидно, что этот каталог имеет скорее не практическую цель (информировать читателя обо всех возможных сортах винограда и их свойствах), а поэтическую – подчеркнуть разнообразие, *variatio*.

Перечисление типов почв у Вергилия основано на второй книге Феофраста и первой книге трактата Варрона. В то же время Вергилий, конечно, адаптирует материал и порядок изложения под свои цели, например, уделяя внимание земле, подходящей для пасеки (II. 213-216). И, хотя для систематизатора Варрона представления о том, что на какой почве лучше растет, – «основное исходное положение науки о земледелии»²⁵², и потому трактат практически начинается с изложения этой информации, Вергилий не идет вслед за ним, обращаясь к этому материалу лишь во второй книге поэмы. С точки зрения поэтической Вергилий здесь развивает идею изобилия, разнообразия, но в то же время снова подчеркивает, что (в отличие от состояния Золотого века²⁵³) у всего есть свои ограничения (*neq; vero terrae ferre omnes omnia possunt*, II. 109)²⁵⁴.

²⁵¹ Spurr M.S. *Agriculture and the Georgics* // *Greece & Rome*. 1986. XXXIII, №2. P. 167.

²⁵² Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. *О сельском хозяйстве*. Под ред. и с введ. ст. проф. М. И. Бурского. М. – Л., 1937. С. 29.

²⁵³ В Золотом веке, наоборот, любая земля рождала все: *omnis feret omnia tellus* (*Ecl.* IV. 39); *ipsaque tellus | omnia liberius nullo poscente ferebat* (*Georg.* I. 127-128). См. *Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II*. Ed. by R. F. Thomas. P. 175.

²⁵⁴ Представление об ограничениях, естественных границах, вероятно, лукрецианское. См. Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 88; Asmis E. *Lucretius' New World Order: Making a Pact with Nature* // *The Classical Quarterly*. 2008. 58, №1. P. 141-157.

§4. Exempla в «Георгиках» Вергилия

В дидактическом эпосе наставления часто иллюстрируются примерами. Так, в «Трудах и днях» Гесиода поясняется, что нужно держать собственных волов и готовить телегу заранее, поскольку сосед может не одолжить волов, а изготовление телеги занимает долгое время (Op. 454-457). Также Гесиод предупреждает читателя о том, что будет, если не следовать его советам. Например, если не будешь работать летом, зимой будешь голодать (Op. 496-501). Лукреций также подкрепляет примерами теоретические положения. Например, если бы из ничего могло бы происходить ничто, из всего могло бы родиться все: из моря – люди, из суши – рыбы и т.д. (серия *ádvúata* продолжается, Lucr. I. 159-162).

Как и предшественники, Вергилий на протяжении всей поэмы иллюстрирует наставления примерами²⁵⁵. Так, варроновская идея, что у каждой местности свой «характер» (I. 50-53), подкрепляется перечислением разных товаров, которые привозят в Италию из разных стран (I. 54-59)²⁵⁶. Также необходимость отделять быков от коров иллюстрируется описанием сражения быков (III.219-241), подобным эпическому сражению (сравнение с этой сценой Вергилий впоследствии использует в сцене последнего боя Турна и Энея (Aen. XII. 715-727)²⁵⁷).

²⁵⁵ Но в таких поэмах, как «Теогония» Гесиода, «Явления» Арата или поэмы Никандра, нет собственно наставлений. Это поэмы-каталоги: там перечисляются некоторые факты, но не говорится, что нужно поступать так или иначе. В то же время и там положения подкрепляются иллюстрациями (например, мифы о происхождении созвездий у Арата).

²⁵⁶ Ross D. O. *Virgil's Elements: Physics and Poetry in the Georgics*. Princeton, 1987. P. 43.

²⁵⁷ Virgil. *Georgics*. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. P. 217.

Иногда Вергилий приводит примеры якобы из личного опыта: так, он «видел» (*vidi*, I. 193), как обрабатывают семена²⁵⁸. Подобного рода ссылка на то, что автор видел сам, также характерны для дидактической традиции, причем не только поэтической, о чем шла речь выше, но и для прозаической. Например, Гесиод регулярно приводит примеры из личного опыта²⁵⁹, а Варрон после перечисления трудов предшественников заявляет, что источников у него три (личный опыт, прочитанное и услышанное от опытных), и ставит именно личный опыт на первое место (*quae ipse in meis fundis animadverti*, R.R. I. 1. 11).

§5. План изложения Варрона и порядок наставлений в «Георгиках»

Вергилия

Практические наставления в «Георгиках» Вергилия распределены по книгам следующим образом: в первой книге речь идет о пахоте, во второй – о деревьях и виноградных лозах, третья книга посвящена скотоводству, а четвертая – пчеловодству²⁶⁰.

Подобный порядок изложения в целом напоминает скорее не композицию «Трудов и дней» основоположника дидактической традиции Гесиода, где автор

²⁵⁸ Из подобных подтверждающих сказанное примеров развиваются и более развернутые отступления, также характерные для дидактического эпоса. Например, схожим образом вводится отступление о корикийском старике: *memini me... Corycium vidisse senem* («я помню, что я видел корикийского старика», *Georg. IV. 125-127*).

²⁵⁹ Kumaniecki K. *The Structure of Hesiod's "Works and Days"*. P. 86.

²⁶⁰ Схожий порядок изложения, вероятно, вслед за Вергилием, выбирает и Колумелла в *De re rustica*: в I-IV книгах он пишет о видах почв, виноградных лозах, плодовых деревьях и оливе (что соответствует содержанию II книги «Георгик»), в V-VI – о крупном и мелком скоте (*Georg. III*), в VIII – о пчелах и в IX – о садах (*Georg. IV*); девятая книга трактата Колумеллы написана гекзаметром в честь Вергилия, который в четвертой книге «Георгик» отказывается от того, чтобы писать о садах подробно.

следует за календарем земледельца, а структуру трактата²⁶¹ «О сельском хозяйстве» Варрона²⁶².

Варрон сначала обращается к земледелию (в первой книге сначала рассматриваются типы почвы и деревья, т.е. Первая книга трактата Варрона соответствует первой и второй книгам «Георгик» Вергилия, только Вергилий меняет порядок изложения), затем – к скотоводству и завершает трактат рассказом о приусадебном хозяйстве (Вергилий же вместо этого в четвертой книге поэмы уделяет много внимания пчелам и кратко останавливается на садах). Варрон объясняет подобное распределение материала «естественным делением [науки о хозяйстве]» (*de his rebus dicam sequens naturales divisiones, R.R. I.1*). Во второй книге автор поясняет такое деление: земледельческий образ жизни – это высшая ступень развития человечества, а пастушеская жизнь, наоборот, предшествовала этому этапу (*R.R. II.1.3-5*).

Возможно, Вергилий, выстраивая композицию подобным образом, на протяжении поэмы переходит от наиболее масштабного и основополагающего

²⁶¹ Еще в эпоху эллинизма дидактические поэмы часто считались переложением прозаических трактатов в стихи (например, Арат, ранее не интересовавшийся астрономией, якобы переложил в стихи Эвдокса Книдского по приказу правителя). См. Sider D. Didactic poetry: The Hellenistic invention of a pre-existing genre. P. 23-24. У Вергилия мы видим, что произведения прозаической традиции могут быть не только сугубо источником информации для дидактической поэмы.

²⁶² Хотя трактат Варрона – далеко не единственный прозаический источник Вергилия в сельскохозяйственной области, именно его композиция особенно важна для «Георгик». Дело в том, что Варрон выделяется на фоне сельскохозяйственной традиции именно стремлением к систематизации материала. См. Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. Под ред. и с введ. ст. проф. М. И. Бурского. С. 27.

В то же время вероятно, что такое выстраивание материала по восходящей заимствовано у Феофраста. См. Эррен М. «Георгики» Вергилия и политика Августа. Лекция, читанная в Московском Университете 3 октября 1996 г. Перевод с нем. яз. А. И. Любжина, А. И. Солопова. С. 14.

(пахота) к предметам, которые менее велики в буквальном смысле и на первый взгляд менее значительны (например, пчелы).

В самом начале поэмы Вергилий отступает от гесиодовской и эпической традиции и вместо привычного обращения к Музам (или же к Зевсу или Юпитеру) начинает поэму с обращения к сельским божествам (Georg. I. 5-23), которое основано на аналогичном обращении у Варрона²⁶³. Варрон пишет, что не будет обращаться к городским богам, чьи позолоченные статуи стоят на форуме, но призовет тех, кто покровительствует земледельцам (*neque tamen eos urbanos [invocabo], quorum imagines ad forum auratae stant, sex mares et feminae totidem, sed illos XII, qui maxime agricolarum duces sunt* (R.R. I.1.4). Вероятно, так Вергилий подчеркивает, что для него важна не только традиция дидактического эпоса, но и прозаическая, а также заявляет, что главная тема «Георгик» – именно сельское хозяйство. Также можно предположить, что здесь в том числе подразумевается противопоставление города и деревни – один из важных мотивов поэмы, развиваемый в конце второй книги.

Д. Росс полагает, что структура первой книги «Георгик» в большей степени варроновская, поскольку Вергилий ориентируется на четыре принципа, в соответствии с которыми излагает материал Варрон (R.R. I. 5. 3)²⁶⁴. Это знания о местности, где расположен участок, и о типе почвы; необходимые инструменты; работы земледельца и сроки выполнения этих работ. Так, в начале первой книги Вергилий пишет, что в разных местностях различные условия (*ventos et varium caeli praediscere morem | cura sit ac patrios cultusque habitusque locorum*, I. 51-52). Затем, в ст. 71-117, излагается, что и когда нужно сделать, а в ст. 160-175 перечисляются необходимые земледельцу инструменты.

Во второй книге «Георгик» излагаются советы о том, как нужно ухаживать за различными деревьями и растениями, в основном за виноградными лозами, но не только. У Варрона этот материал рассматривается в первой книге вместе с советами о земледелии. Более того, Варрон начинает изложение практического

²⁶³ Ross D. O. *Virgil's Elements: Physics and Poetry in the Georgics*. P. 33.

²⁶⁴ Там же. P. 39.

материала как раз с «похвалы Италии» (I. 2), типов почв (I. 6, 9) и различных видов деревьев, растущих в разной местности (I. 7), что у Вергилия составляет большую часть второй книги. Вергилий же меняет порядок изложения, выделяя земледелие отдельно и начиная поэму с этого предмета. Вероятно, здесь он отчасти следует за Гесиодом: в первой книге «Георгик», как и в начале «Трудов и дней», дается объяснение необходимости трудиться и излагается миф о Золотом веке, который связан прежде всего с пахотой, земледелием.

Значительная часть второй книги «Георгик» посвящена Вакху, то есть винам, виноградным лозам и их разведению, о чем говорится в начале книги (II. 2-8). Сперва перечисляются вина, которыми славится Италия (89-100), а в каталоге типов почв (179-264) в центре внимания – почвы, подходящие именно для виноградных лоз. Далее описывается, в каком порядке нужно сажать лозы (265-314), причем этот порядок сравнивается с построением легиона (278-283)²⁶⁵. Вергилий пишет, что сажать виноград лучше всего весной (315-335). Также необходимо оберегать виноградник от вредителей, в частности – от скота (371)²⁶⁶.

В третьей книге поэмы Вергилий переходит к скотоводству. Варрон также пишет о скотоводстве во второй книге, после первой, посвященной земледелию, поскольку скотоводство – предшествующий земледелию этап развития человечества (R.R. II. 1. 3-5).

Значительная часть третьей книги «Георгик» посвящена лошадям (III. 72-94; 117-122) и быкам и коровам (III. 49-59). Важно отметить, что не всегда понятно, о ком именно говорится в определенный момент – о конях или о быках²⁶⁷. Они часто практически сливаются в единое целое с самого начала, где речь идет и о конях, и о быках сразу (49-50). Этим изложение Вергилия принципиально

²⁶⁵ Если в первой книге земледelec словно сражался с природой, здесь с помощью военной метафоры подчеркивается, как человек своим трудом упорядочивает хаос: *derectaeque acies* (II. 281).

²⁶⁶ Аналогично в первой книге поэмы говорится о том, что может навредить посевам.

²⁶⁷ Virgil. *Georgics*. Vol. 2: Books III-IV. Ed. by R. F. Thomas. P. 49. Подобным образом, например, весна словно сливается с осенью в I. 311-315.

отличается от сельскохозяйственных трактатов, в частности, от сочинения Варрона, где речь идет о каждом животном в отдельности (о коровах и быках – R.R. II. 5; о конях и лошадях – R.R. II. 7). Но Вергилий также и здесь в общих чертах следует плану Варрона (R.R. II. 1. 13-16: важен возраст животного, его внешний вид; также нужно заботиться о выпасе, разведении, воспитании молодняка и о здоровье скота). Автор «Георгик» пишет о старости и болезнях скота (95-100) и, наоборот, о размножении (123-145) и о воспитании молодняка (157-178; 179-208).

В IV книге поэмы, где речь идет о пчелах, Вергилий описывает, как выбрать место для улья (8-50), как пчелы собирают нектар (51-66), «сражение» пчел (67-90), царей пчел (91-102), их «бесполезные забавы» и как их от этого отвратить (104-115), чудесные свойства, которые даровал пчелам Юпитер (149-205), их близость к бессмертию (206-227), сбор меда и окуривание улья на зиму и вредителей, угрожающих пчелам (228-250), болезни пчел и способы их лечения (251-280). Вергилий достаточно точно следует за общим планом Варрона: он пишет о местности, где нужно расположить улей, и о том, какие вредители и болезни угрожают пчелам. Размножение пчел Вергилий обходит стороной, поскольку им «чужда Венера» и они не рожают детей в муках (198-199), и вместо этого переходит к бугонии.

Миф об Аристее, объясняя происхождение бугонии, формально является этиологическим мифом в стиле поэмы Арата. Описание же бугонии поясняет «размножение» пчел, точнее – возникновение новой жизни, что, как отмечает Ст. Нельсон, является одной из важнейших тем поэмы²⁶⁸: Вергилий начинает поэму с весны (I. 43) и завершает возрождением жизни. В свою очередь, хотя описание бугонии в финале поэмы Вергилия имеет очевидно поэтическое, а не практическое значение, примечательно, что Варрон также о ней упоминает в главе, посвященной пчелам (R.R. III. 16.4).

Для античной сельскохозяйственной традиции весьма необычно уделять пчеловодству столь большое внимание: например, Гесиод о пчелах не пишет

²⁶⁸ Nelson S.A. God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil. P. 85.

ничего, Варрон посвящает пчелам и меду одну главу своего трактата (R.R. III. 16)²⁶⁹. Третья и последняя книга трактата Варрона посвящена приусадебному хозяйству в целом (например, помимо пчел там идет речь и о домашней птице, и о рыбе), Вергилий же в конце поэмы не пишет ни о чем из этого, кроме пчеловодства. О садах он писать отказывается в отступлении о корикийском старике (и затем «садовую Георгику» вслед за ним пишет уже Колумелла).

Сочинение Варрона, отличающееся систематизацией материала, имеет значение для «Георгик» Вергилия не только как источник информации, но и с точки зрения композиции. При распределении практического материала по книгам и изложении наставлений Вергилий во многом следует за общим планом Варрона.

§6. «Труды и дни» Гесиода и первая книга «Георгик» Вергилия

В то же время композиция «Георгик», и в особенности первой книги поэмы, напоминает структуру «Трудов и дней» Гесиода²⁷⁰. Так, основных тем первой книги поэмы две: земледельческие работы и сроки выполнения этих работ. Это Вергилий кратко суммирует в начале второй книги:

hactenus arborum cultus et sidera caeli.

До этого времени [я воспевал] заботу о полях и созвездия неба (Georg. II. 1).

В первой книге «Георгик» можно выделить две части: в первой говорится о трудах (но композиция этой половины все же ближе к Варрону, чем к Гесиоду), во второй – о «днях», т.е. о сроках, когда нужно выполнять те или иные работы, что напоминает о самом названии «Труды и дни». Во второй половине поэмы Гесиод излагает, что нужно делать и когда (342-616); список благоприятных и

²⁶⁹ По мнению Р. Томаса, в IV книге Вергилий уже не столь сильно опирается на прозаические источники, как в предыдущих трех (Virgil. Georgics. Vol. 2: Books III-IV. Ed. by R. F. Thomas. P. 146). В то же время исследователь склонен четко разграничивать поэтические источники Вергилия и прозаические. По его мнению, последние в «Георгиках» используются лишь в качестве источников информации, справочников (Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 10), с чем мы склонны не согласиться.

²⁷⁰ Первую книгу «Георгик» иногда называют «Трудами и днями» Вергилия: Ross D. O. Virgil's Elements: Physics and Poetry in the Georgics. P. 38.

неблагоприятных дней присоединен лишь в самом конце (765-828), после «трудов» и наставлений о мореплавании и выборе жены²⁷¹.

Но также Вергилий в первой книге, особенно во второй ее части, использует и «Явления» Арата. Эта поэма, как и первая книга «Георгик», также состоит из двух частей: в первой (Φαινόμενα) описываются созвездия и их происхождение, а во второй (Διοσημεία) - погодные приметы²⁷².

Во второй половине первой книги Вергилий переходит к «дням», излагая некоторое подобие календаря сельскохозяйственных работ. Он пишет о том, когда нужно пахать и сеять (I. 204-230). Варрон также рассматривает это в первой книге своего труда (R.R. I. 29-37), но Вергилий следует здесь и за Гесиодом (Op. 818-894)²⁷³. Кроме того, тематика этой части (ведь ориентироваться земледелец должен на звезды) напоминает о поэме Арата.

Далее Вергилий пишет о благоприятных и неблагоприятных днях, как у Гесиода (I. 276-286), и снова возвращается к сезонности работ (I. 297-299 – лето; I. 300-310 – зима; I. 311-315 – осень и весна). После этого поэт переходит к погодным приметам, и здесь основной источник – «Явления» (Phaen. 733-1043). Но Вергилий меняет порядок изложения Арата: он пишет сначала о приметах,

²⁷¹ Некоторые исследователи (например, У. фон Виламовиц-Мёллендорф, Ф. Солмсен, В. Марг) приводили аргументы в пользу того, что «дни» у Гесиода – интерполяция; некоторые, например, А. Лардинуа, не согласны с этим. См. Lardinois A. How the Days Fit the Works in Hesiod's "Works and Days" // The American Journal of Philology. 1998. 119. P. 319-321. Впрочем, вполне вероятно, что Вергилий располагал уже схожим с дошедшим до нас текстом Гесиода, поэтому для «Георгик» вопрос о том, аутентичны ли «дни» у Гесиода, не столь важен.

²⁷² Ранее предполагалось, что вторая часть поэмы Арата задумывалась как отдельная поэма, но сейчас большинство исследователей полагают, что «Явления» – единый текст. См. Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 127.

²⁷³ Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 103.

предвещающих плохую и хорошую погоду, и уже затем – о знаменьях солнца и луны²⁷⁴.

Главное отличие композиции первой книги «Георгик» от композиции «Трудов и дней» Гесиода состоит в том, что Гесиод излагает «труды» (342-616) четко согласно с сезонами, начиная с осени и заканчивая ею, Вергилий же, хотя и пишет о сезонности работ и даже начинает наставления в первой книге с весенних дел (*vere novo*, I. 43), не основывает на этом композицию.

Наоборот, описание сезонности у Вергилия отличается некоторой непоследовательностью. Так, сначала он пишет о том, что принято делать вечером или зимой, например, заострять лучины или ткать (I. 291-296). Затем говорится, что пахать и сеять нужно в теплое время года (*nudus ara, sere nudus*, I. 299 – цитата из Гесиода (*Op.* 381)²⁷⁵). После этого Вергилий снова возвращается к зиме: описывает зимний праздник, сбор желудей и ягод, охоту (I. 300-310). О весенних делах Вергилий пишет, что нужно принести жертву Церере (I. 345-350), об осенних здесь – ничего. Вместо осенних забот описывается буря (I. 318-334); более того, весна здесь словно сливается с осенью в одно целое, поскольку подобный шторм может быть как осенью, так и весной (I. 311-315). С. Нельсон полагает, что, в то время как для Гесиода главное – осень и сбор урожая, в центре внимания Вергилия – весна, рождение новой жизни и, наоборот, то, что эту жизнь может уничтожить, например, разрушительные бури²⁷⁶.

Вероятно, непоследовательность в описании сезонных работ связана с тем, что, во-первых, Вергилий отходит от гесиодовского хронологического принципа композиции, заменяя его тематическим, а во-вторых, в «Георгиках» большое

²⁷⁴ Там же. P. 127. Порядок изложения изменен в литературных целях: после Вергилий уже переходит к тому, что в день смерти Цезаря было солнечное затмение и к картине гражданских войн.

²⁷⁵ Там же. P. 119.

²⁷⁶ Nelson S.A. *God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil*. P. 85.

значение имеет *ποικιλία* (*variatio*, разнообразие²⁷⁷). Вергилий перечисляет разные подробности, переходит от одного предмета к другому, от одной темы к другой (в том числе от сельскохозяйственных наставлений к литературным или мифологическим отступлениям) на протяжении всей поэмы.

Мы полагаем, что это делается в том числе в поэтических целях – чтобы «не утомить» читателя:

*possum multa tibi veterum praecepta referre,
ni refugis tenuisque piget cognoscere curas.*

Я могу передать тебе многие наставления древних, если ты не сбежишь и если тебе не будет неприятно узнать о незначительных заботах (Georg. I. 176-177)²⁷⁸.

Но схожие непоследовательности мы находим и у прозаических авторов. Например, у Варрона дважды без необходимости повторяется, что нужно держать одного быка примерно на семьдесят коров, как это делает Аттик (R.R. II. 5.12; II. 5.18). Можно предположить, что у Варрона это связано с тем, что трактат построен в форме диалога, где имитируется устная речь, которой свойственны повтор или переход от одной темы к другой и обратно. Дидактический же эпос – это монолог автора, обращенный к читателю. Вероятно, здесь также имитируется устная речь, что проявляется не только в неожиданной смене темы, но и, например, в обращениях к читателю²⁷⁹.

В дальнейшем Вергилий во многом отходит от изложения «трудов» и «дней» и гесиодовского принципа композиции. Первую же книгу поэмы, пожалуй,

²⁷⁷ Об истории изучения этого феномена в «Георгиках» см. Wilkinson L. P. *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. P. 314.

²⁷⁸ Типичное для дидактической традиции, а в особенности для Лукреция опасение, что адресат, вероятно, не будет слушать наставлений: *a nobis... desciscere quaeres* – ты, пожалуй, будешь стремиться отпасть от нас (Lucr. I. 102-103).

²⁷⁹ К тому же дидактический эпос, как и эпос вообще, имеет устное происхождение. См. Лорд. А.Б. Сказитель.

можно назвать «наиболее гесиодовской», подобно тому как третью называют «наиболее лукрецианской».

§7. Поэма Лукреция «О природе вещей» и третья книга «Георгик» Вергилия

Как уже говорилось выше, поэма Лукреция «О природе вещей» – значимый для Вергилия текст, что проявляется в том числе и в общей композиции «Георгик»²⁸⁰.

В то же время есть сходство между композицией «Георгик» и «О природе вещей» и на менее глобальном уровне. Например, можно найти многочисленные параллели между молитвой к Венере в начале поэмы Лукреция и вступлением к «Георгикам» или между вступлениями и концовками отдельных книг этих поэм²⁸¹. С помощью подобных композиционных параллелей Вергилий в том числе подвергает сомнению некоторые из эпикурейских идей, которые изложены в поэме Лукреция.

Например, одной из наиболее лукрецианских²⁸² является третья книга «Георгик», композиция которой напоминает структуру поэмы Лукреция. Так, в середине книги мы находим отступление, посвященное разрушительной силе страсти (Лукреций же пишет об amor в четвертой книге поэмы), а завершается третья книга «Георгик» описанием смертельной болезни подобно тому, как поэма «О природе вещей» заканчивается рассказом о чуме в Афинах.

В то же время в отступлении об amor (II. 242-283) Вергилий использует текст поэмы Лукреция, но прежде всего не описание влечения из четвертой книги

²⁸⁰ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 23-24.

²⁸¹ В книге М. Гейл этому посвящена отдельная глава, которая называется «Вступления и концовки» (Beginnings and Endings). См. Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 18-57.

²⁸² Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 49.

«О природе вещей», а молитву к Венере из вступления²⁸³. Например, самое начало вергилиевского эпизода об *amor*, где говорится, что страсти подвержены все (*omne adeo genus in terris hominumque ferarumque | et genus aequoreum, pecudes pictaeque volucres*, *Georg.* III. 242-243) – очевидная отсылка²⁸⁴ к началу поэмы Лукреция, где все рождаются благодаря Венере и следуют за ней (*per te quoniam genus omne animantium | concipitur*, *Lucr.* I. 4-5). Именно на начало поэмы Лукреция указывают и некоторые другие вергилиевские детали. Например, в «Георгиках» обезумевшие кобылы переплывают реки (*Georg.* III. 270), а в начале «О природе вещей» скот весной переплывает быстрые потоки, радуясь приходу Венеры (*Lucr.* I. 14-15).

Кроме того, в отступлении Вергилия о страсти, скорее всего, подразумевается и *amor* в четвертой книге «О природе вещей» из-за схожей тематики. На это также указывают некоторые детали: насланное Венерой безумие кобылиц (*Georg.* III. 267 – *Lucr.* IV. 1198-1200; но у Лукреция кобылы не приходят в неистовство) или параллельные конструкции с герундием *uritque videndo* (*Georg.* III. 215) и *inveterascit alendo* (*Lucr.* IV. 1068). Впрочем, настроение этих эпизодов у Вергилия и Лукреция сильно различается. В «Георгиках» страсть – это разрушительная стихия, а в «О природе вещей» – вялотекущая болезнь. Если у Лукреция избежать губительных последствий страсти возможно, в «Георгиках» это не так.

Объединяя в отступлении о страсти молитву Лукреция к Венере и его описание *amor*, Вергилий, вероятно, подчеркивает амбивалентность влечения, которое дает жизнь, но может привести к безумию и гибели.

В то же время Вергилий использует описание *amor* из четвертой книги поэмы Лукреция и в конце третьей книги, описывая болезнь (что подчеркивает тесную связь между отступлениями о страсти и о болезни в поэме). В конце третьей книги Вергилий часто практически цитирует ее середину, отсылая читателя от болезни назад к *amor*, а также и там, и там ссылается на один эпизод

²⁸³ Шаршукова О. В. Некоторые философские представления в «Георгиках» Вергилия. С. 254-258.

²⁸⁴ Virgil. *Georgics*. Vol. 2: Books III-IV. Ed. by R. F. Thomas. P. 86.

Лукреция. Например, в «Георгиках» предлагается вскрывать язвы ножом (*ferro... rescindere summum ulceris os*, III. 454), а влечение у Лукреция сравнивается с увеличивающейся язвой (*ulcus enim vivescit et inveterscit alendo*, *Lucr.* IV. 1068).

Конечно, в описании эпидемии у Вергилия мы находим множество аллюзий и на афинскую чуму из шестой книги поэмы Лукреция. Некоторые из симптомов жертв болезни в «Георгиках» описываются почти так же, как в «О природе вещей». Например, это признаки приближающейся смерти (*haec ante exitium dant signa*, *Georg.* III. 503; *multaque praeterea mortis tum signa dabantur*, *Lucr.* VI. 1182) или пылающие глаза больных (*ardentes oculi*, *Georg.* III. 505; *ardent morbis lumina*, *Lucr.* VI. 1190).

Эти и подобные аллюзии подталкивают исследователей к сравнению описаний болезни в «О природе вещей» и в «Георгиках». Очевидно, что этот эпизод у Вергилия играет совсем не такую роль, как в поэме Лукреция. С одной стороны, согласно «О природе вещей», видимо, можно избежать не самой болезни, но ее катастрофических последствий. Вероятно, настоящая причина страшных последствий чумы у Лукреция – это невежество, незнание эпикурейской философии. Умиравшие мучаются первую очередь от страха смерти, чего можно и нужно избежать, если следовать заветам Эпикура²⁸⁵. В «Георгиках» же избежать страданий от болезни невозможно. В то же время, если афинская чума у Лукреция завершает поэму, у Вергилия после этого следует более «светлая» четвертая книга, и в конце поэмы – эпиллий об Орфее и Аристе, дающий надежду на успех труда.

Таким образом, некоторые композиционные принципы поэмы Лукреция нашли отражение в «Георгиках» Вергилия. В то же время с помощью аллюзий на «О природе вещей», в том числе и структурных параллелей, Вергилий иногда вступает в полемику с Лукрецием.

²⁸⁵ Freudenburg K. *Lucretius, Vergil, and the Causa Morbi // Vergilius*. 1987. 33. P. 61, 64; Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 23.

§8. Система отступлений в «Георгиках» Вергилия

Отступления на мифологическую (реже на историческую) тему характерны для традиции дидактического эпоса, начиная с «Трудов и дней» Гесиода.

Серия отступлений в первой половине поэмы Гесиода, в частности, миф о Пандоре (Ор. 40-105), миф о веках (106-201), обращенная к царям притча о соловье и ястребе (202-212) и притча о праведном и неправедном городе (225-247) предваряют вторую, практическую часть. Миф о Пандоре объясняет, почему в жизни людей появились беды; в его продолжение миф о веках показывает деградацию человечества до нынешнего плачевного состояния; обращенные к царям притчи учат тому, что нужно быть справедливым. Это дает некую нравственную основу для изложения последующих, уже конкретных наставлений: жизнь трудна, поэтому необходимо работать, и нужно быть справедливым, несмотря на все трудности.

«Теогония» же Гесиода построена по другому принципу. Это перечисление, каталог, богов с мифологическими пояснениями их происхождения. Вероятно, потому что эллинистические авторы дидактических поэм следуют в большей степени за «Теогонией», а не за «Трудами и днями», отступления в этих поэмах также отличаются от того, что мы наблюдаем в поэме Гесиода о земледелии. В сохранившихся поэмах Никандра отступления нравственного характера отсутствуют (чего, конечно, нельзя сказать об этимологических мифах). В «Явлениях» Арата мы наблюдаем похожую картину с одним важным исключением: это миф о веках и ушедшей Справедливости, который, несмотря на все отличия от мифа о веках у Гесиода, подобно ему поясняет причины появления в жизни людей несправедливости и трудностей.

Поэма Лукреция «О природе вещей» состоит из шести книг, причем каждая из них обладает отдельным вступлением. Отступления же в «О природе вещей» не сосредоточены в одной части поэмы, как это происходит в «Трудах и днях» Гесиода, но все же представляют собой некую систему.

Начинается поэма с обращения к Венере, что является неожиданным для произведения последователя Эпикура. Исследователи объясняют это по-разному: например, вероятно, что Лукреций здесь отдает должное поэтической традиции

инвокаций. В то же время, возможно, заменив фигуру стоического Зевса (с восхваления которого начиналась поэма Арата) на дающую жизнь Венеру, которая не является верховным божеством, Лукреций бросает некий вызов религиозным и философским системам, для которых свойственна божественная тирания²⁸⁶. Все же в дальнейшем Лукреций дважды (в начале третьей и пятой книг) восхваляет Эпикура, который в поэме заменяет и покровителя, и верховное божество. Заканчивается же поэма рассказом о чуме в Афинах, что, видимо, является предостережением для тех, кто не выучил эпикурейский урок, поскольку самое страшное в чуме у Лукреция – не сама смерть, а страх смерти, избавление от которого – одна из высших целей эпикурейской философии²⁸⁷.

В «Георгиках» Вергилий использует отступления для иллюстрации и развития важных идей и мотивов поэмы. Очевидно, что эти вставные эпизоды тесно связаны с композицией и замыслом «Георгик» в целом. Как и в поэме Лукреция «О природе вещей», которая состоит из шести книг, отступления в «Георгиках» распределены по книгам поэмы не случайным образом²⁸⁸.

В каждой из четырех книг поэмы Вергилия – по два отступления, привлекающих наибольшее внимание исследователей. В первой книге это рассказ о том, как Юпитер прекратил Золотой век и в жизни людей появился труд, а Церера научила людей пахать (I. 121-159), и в конце – эпизод, посвященный смерти Цезаря и гражданским войнам (I. 463-514). В начале второй книги мы находим *laudes Italiae*, «похвалы Италии» (II. 109-135), а завершается книга так называемой «похвалой сельской жизни» (*laus vitae rusticae*²⁸⁹; II. 136-176). В третьей книге «Георгик» – два знаменитых и взаимосвязанных отступления: о разрушающей силе страсти (III. 242-283) и рассказ о чуме в Норике (III. 474-566). В первой половине четвертой книги Вергилий прерывает повествование о пчелах

²⁸⁶ Asmis E. *Lucretius' Venus and Stoic Zeus*. P. 458.

²⁸⁷ Freudenburg K. *Lucretius, Vergil, and the Causa Morbi*. P. 61, 64; Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 23.

²⁸⁸ Drew D. L. *The Structure of Vergil's Georgics*. P. 243.

²⁸⁹ Так называет этот эпизод Сервий в комментарии к «Георгикам» (*Serv. in Georg. II. 458 Thilo*).

отступлением о корикийском старике (IV. 116-148), и завершается книга и вся поэма эпиллием об Аристее и Орфее (IV. 315-558).

Можно отметить, что книги структурно параллельны между собой²⁹⁰: в первой половине и в конце каждой книги мы находим обширное отступление. Также многочисленные исследователи²⁹¹ обращают внимание на «чередование» концовок книг поэмы: нечетные книги завершаются мрачно (описание гражданских войн в конце первой и чумы – в третьей), четные – наоборот, на более светлой ноте (похвала земледельцам в завершении второй книги и успех Аристея – в конце четвертой).

Как и в «Трудах и днях» Гесиода, в начале «Георгик» мы находим рассказ о том, как закончился Золотой век: этот миф объясняет, почему в жизни человека появился труд, почему жизнь устроена так, как устроена. Вергилий пишет, что «непомерный труд победил все» (*labor omnia vicit | improbus*, I. 145-146). Так вводится понятие труда, одно из важнейших понятий в «Георгиках» и в дидактическом эпосе вообще. В первой книге описываются различные препятствия, возникающие на пути земледельца, появившиеся из-за окончания Золотого века, и возникает важный для понимания поэмы вопрос: есть ли надежда на то, что труд земледельца (и труд вообще) не напрасен²⁹²? Кроме того, в отступлении о Золотом веке (как и в «Трудах и днях») подчеркивается всемогущество верховного божества: у Вергилия Золотой век завершился по воле Юпитера (как и у Гесиода по воле Зевса).

Церера в первой книге научила людей пахать (I. 147), и здесь дается надежда, что с помощью труда действительно возможно преодолеть препятствия.

²⁹⁰ Drew D. L. *The Structure of Vergil's Georgics*. P. 243; Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 18.

²⁹¹ Otis B. *Virgil. A Study in Civilised Poetry*. Oxford, 1963. P. 148-50; Wilkinson L. P. *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. P. 74; Фон Альбрехт М. *История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на дальнейшие эпохи*. С. 746; Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 18.

²⁹² См. Шаршукова О. В. *Labor* в «Георгиках» Вергилия. С. 114-129.

В то же время заканчивается первая книга на пессимистичной ноте: описывается смерть Цезаря и ужасающая картина гражданских войн. Здесь развивается тема ушедшего Золотого века: ведь в то время войн не было. С другой стороны, война также уничтожает плоды труда, как и вредители, и непогода: это еще одна угроза земледельческому труду²⁹³.

В первой половине второй книги Вергилий пишет о разнообразии и одновременно об ограничениях:

Nec vero terrae ferre omnes omnia possunt.

Не всякая земля может производить все (II. 109).

Речь идет о том, что в разных регионах растет и производится разное. Важно, что это ограничение – также следствие окончания Золотого века, времени, когда изобилие было повсюду²⁹⁴.

Это отступление продолжается восхвалением Италии. Несмотря на то что речь идет о современном, Железном, веке, описание Италии близко к идеализированному описанию Золотого века: здесь изобилие плодов, вина и олив (II. 143-144), нет ядовитых растений (II. 152) или змей (II. 154).

Все же, в отличие от века Сатурна, в жизни италийских земледельцев присутствует труд. И в конце второй книги показано, что земледельческий труд может быть плодотворным, а сельская жизнь – счастливой:

O fortunatos nimium, sua si bona norint,
agricolas! quibus ipsa procul discordibus armis
fundit humo facilem victum iustissima tellus.

О безмерно счастливые, если осознают свои блага, земледельцы! Для них сама справедливейшая земля вдали от раздоров и войн изливает из почвы легкое пропитание (II. 458-460).

²⁹³ В то же время некоторые исследователи, например, М. Спурр, полагают, что в реальности в период гражданских войн в Риме не было столь значительного упадка сельского хозяйства (см. Spurr M.S. Agriculture and the Georgics. P. 176).

²⁹⁴ Virgil. Georgics. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. P. 116.

Словно в Золотом веке, земля изливает для крестьян пропитание будто бы по своей воле (хотя мы понимаем, что это не так, поскольку *agricolae*, очевидно, возделывают поля). Более того, в их жизни, как и в Золотом веке, нет места раздорам и войнам²⁹⁵.

Это «восхваление сельской жизни» можно противопоставить концовке первой книги, где речь шла о гражданских войнах. Здесь дается надежда, что труд земледельца и человеческая жизнь могут быть не напрасными.

Напротив, в третьей книге, как и в первой, показано, что может уничтожить плоды труда человека и даже забрать жизнь. Во-первых, это страсть (*amor*), которая делает всех – и животных, и человека – безумными и может даже убить. Заканчивается же третья книга (наподобие концовки поэмы Лукреция) описанием болезни, которая так же, как и страсть, охватывает всех и ведет к гибели. Эти эпизоды тесно взаимосвязаны²⁹⁶, и, в отличие от первой книги, здесь уже человек не столько противостоит окружающему миру, сколько объединяется с ним (*omne adeo genus in terris hominumque ferarumque* – итак, всякий род на земле и людей, и зверей [подвержен страсти], III. 242; *et genus omne neci pecudum dedit, omne ferarum* – и [болезнь] предала гибели всякий род скота и всякий род зверей, III. 480). Хотя эти два отступления имеют множество параллелей с описанием влечения в четвертой книге «О природе вещей» и с афинской чумой в конце поэмы Лукреция, у Вергилия эти эпизоды играют совершенно другую роль.

В то же время в последней, четвертой, книге поэмы первое отступление, которое мы встречаем – рассказ о корикийском старике, который довольствовался малым и жил плодами своего труда (*dapibus mensas onerabat inemptis*, IV. 133), несмотря на не самые благоприятные условия (маленький земельный участок и неплодородную почву). Здесь показан еще один вариант, при котором труд не напрасен. В отличие от земледельцев в конце второй книги, корикийский старик

²⁹⁵ См. Шаршукова О. В. *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (II. 460). С. 1181-1191.

²⁹⁶ Фон Альбрехт М. История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на дальнейшие эпохи. Том II. С. 746; *Virgil. Georgics. Vol. 2: Books III-IV*. Ed. by R. F. Thomas. P. 131.

живет уединенно, вдали от общества²⁹⁷; его образ жизни ближе к философскому идеалу²⁹⁸, чем к идеалу Золотого века.

Завершается четвертая книга и поэма в целом мифом об Аристее и Орфее, который формально является этиологическим мифом, как и миф о веках и Справедливости в «Явлениях» Арата. Аристей, первооткрыватель искусства бугонии, противопоставляется Орфею, безвозвратно потерявшему Эвридику. Труды Аристея увенчались успехом, потому что он в точности исполнил данные ему указания (*continuo matris praescepta*²⁹⁹ *facessit*, IV. 548) и совершил должные жертвоприношения. Орфей же, охваченный безумием (*furor*, IV. 495), нарушил божественные предписания и потерпел неудачу: потерял Эвридику во второй раз.

Мы полагаем, что эпиллий об Аристее дает ответ на один из важнейших вопросов поэмы, который был поставлен перед читателем еще в начале, в отступлении о веках: возможно ли надеяться, что труд не пропадет, и если да, то при каких условиях. Несмотря на все поджидающие земледельца (и человека вообще) беды, надежда на успех есть при защите богов и покровителя.

Очевидно, что отступления, о которых шла речь выше, продолжают одно другое, представляют собой единую систему и в них можно проследить развитие главной идеи поэмы. В то же время нельзя не отметить, что они в свою очередь связаны и с «практическими» частями поэмы.

Так, отступление об окончании Золотого века объясняет, как появились многочисленные подстерегающие крестьянина опасности, перечисленные выше (паводок, I. 115; птицы, 119, 120; сорняки, 120; тень, 121).

²⁹⁷ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 182.

²⁹⁸ Clay J. S. *The Old Man in the Garden: "Georgic" 4. 116-148 // Arethusa*. 1981. 14. P. 63.

²⁹⁹ Вероятно, выбор слова *praesceptum* для обозначения выполненных Аристеом наставлений не является случайным. В «Георгиках» так же названы наставления Протея (IV. 398), но кроме того, и наставления самого поэта: *possum multa tibi veterum praescepta referre* – я могу передать тебе многие наставления древних, I. 176. Сервий в предисловии к «Георгикам» называет так практически дидактический жанр, жанр наставления (*Serv. praefat. in Verg. Georg. Thilo*). Можно предположить, что и труды читателя подобно трудам Аристея увенчаются успехом в том случае, если он выполнит наставления (*praescepta*) поэта.

Концовка первой книги, где описываются гражданские войны, вытекает из перечисления солнечных примет (смерть Цезаря была ознаменована солнечным затмением, I. 466-467).

Восхваление Италии продолжает перечисление богатств других стран и описание налагаемых почвой и климатом ограничений. В конце второй книги Вергилий переходит к восхвалению сельской жизни, завершив рассказ о деревьях. Можно предположить, что здесь заканчивается часть поэмы, посвященная собственно земледелию³⁰⁰, в дальнейшем же речь пойдет о скотоводстве, и потому именно здесь место *laus rei rusticae*. Кроме того, идеализированное описание жизни земледельцев следует сразу после краткого отступления о возможной опасности вина (454-457); возможно, безбедное существование крестьян противопоставляется не только городской жизни, но и этой скрытой опасности.

В первой половине третьей книги отступление о том, как губительна страсть, продолжает советы о размножении коров и лошадей. Более того, это отступление иллюстрирует необходимость держать самцов отдельно от самок, чтобы они не растрчивали силы зря и не сражались друг с другом (*sed non ulla magis viris industria firmat, | quam Venerem et caeci stimulos avertere amoris*, III. 209-210).

Концовка третьей книги, где рассказывается о чуме в Норике, является продолжением эпизода о причинах и симптомах болезней скота (*morborum quoque tibi causas et signa docebo*, III. 440). Правда, Вергилий ограничивается лишь чесоткой овец (III. 440-474).

В четвертой книге отступление о корикийском старике представляет собой словно набросок не написанной пятой книги, посвященной садоводству.

Отступление об Аристе и Орфее в свою очередь – это этиологический миф, объясняющий происхождение бугонии:

Quis deus hanc, Musae, qui nobis extudit artem?

Музы, кто тот бог, который добыл для нас это искусство? (IV. 315)

³⁰⁰ Античную дискуссию о том, какие сферы сельского хозяйства нужно включать в науку о земледелии, см. у Варрона: R. R. I. 2. 13, 18, 21.

Этот эпиллий практически заменяет необходимую часть о размножении пчел, опущенную Вергилием, поскольку те не подвержены Венере и не производят на свет потомство в мучениях (*neque concubitu indulgent nec corpora segnes | in Venerem solvunt aut fetus nixibus edunt*, IV. 198-199).

Таким образом, отступления в «Георгиках» Вергилия, расположенные в начале и в конце каждой книги, продолжают одно другое и иллюстрируют картину мира в произведении. Как и в поэме Гесиода «Труды и дни», в отступлениях формируется некая нравственная картина, а подобную систему отступлений мы наблюдаем в «О природе вещей» Лукреция, что в дальнейшем развивает Вергилий. В то же время отступления в «Георгиках» не находятся в отрыве от практических наставлений в каждой книге, а, наоборот, продолжают их.

§9. Земледелец и природа в «Георгиках» Вергилия

В первой книге поэмы Вергилий достаточно подробно останавливается на пахоте. В то же время из орудий земледельца, которые в «Георгиках» названы оружием, *arma* (I. 160), Вергилий подробно описывает лишь плуг вслед за Гесиодом (*Georg. I. 169-175 – Op. 427-436*), в то время как Варрон выделяет сельскохозяйственные инструменты как одну из составляющих науки о земле (I. 5) и перечисляет их более подробно (I. 22). Плуг – основное орудие земледельца в «борьбе» с землей, и его подробное описание продолжает военную метафорику: крестьянин – словно воин³⁰¹.

В первой книге также в соответствии с сельскохозяйственной традицией³⁰² значительное внимание уделяется тому, что может уничтожить плоды труда земледельца (например, ржа на хлебе, птицы-вредители, тень, засуха (I. 150-157) или же естественная деградация, присущая семенам (I. 193-203)).

³⁰¹ Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 95-96.

³⁰² Гесиод о вредителях пишет достаточно мало, уделяя значительно больше внимания призывам к труду. Но в пример можно привести *Op. 470*, где упоминается, что птицы могут навредить посевам. Варрон же часто пишет о том, что может причинить вред посевам, животным и людям (например, *R.R. I. 12*, где речь идет о расположении усадьбы).

В первой книге «Георгик» земледелец подобен воину, который сражается с природой: он должен оградить свой труд от бурь, засух, сорняков, вредителей, побороть плохую почву и климат. Он подобен человеку, который гребет против течения (I. 201-203)³⁰³. Более того, борьба с природой постоянно характеризуется почти как война³⁰⁴. Например, земледелец «постоянно изнуряет землю и отдает приказы полям» (*exercetque frequens tellurem atque imperat arvis*, I. 99), земледельческие орудия названы «оружием суровых крестьян» (*duris agrestibus arma*, I. 160), а буря – «сражением ветров» (*proelia ventorum*, I. 318). Как отмечает Д. Росс, в отличие от Варрона, у Вергилия в центре внимания находится именно земледелец³⁰⁵. Если для Гесиода важнее всего воля Зевса, для Лукреция – Эпикур и его учение, для Варрона – собственно сельское хозяйство, то для Вергилия – человек и его отношения с природой и богами, и в первой книге поэмы эти отношения скорее враждебные.

Вторую книгу Вергилий начинает с рассказа о диких деревьях (*silvestria virgulta*) и о том, как их можно окультурить (II. 9-21, 47-54), что уже далеко от военной метафоры. М. Гейл полагает, что *cultus* – одна из основных тем второй книги (и даже поэмы в целом)³⁰⁶.

Также в начале книги речь идет о прививках деревьев и их фантастических результатах (II. 69-72), из которых как минимум четыре невозможны, что сам Вергилий, по всей видимости, осознавал. Р. Томас также отмечает, что подобные

³⁰³ См. Nelson S.A. *God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil*. P. 83-84, 87; Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 81.

³⁰⁴ См. Johnston P. A. *Review on: Virgil's Ascræan Song* by A. J. Boyle. P. 77; Nelson S.A. *God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil*. P. 83-84.

³⁰⁵ Ross D. O. *Virgil's Elements: Physics and Poetry in the Georgics*. P. 39.

³⁰⁶ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 87-88.

чудеса (скрещивание растений разных семейств) Вергилий перечисляет среди *ἀδύνατα*³⁰⁷ в восьмой эклоге³⁰⁸:

nunc et ovis ultro fugiat lupo, aurea durae
mala ferant quercus...

Сейчас пусть, наоборот, волк бежит от овцы, и крепкие дубы приносят золотые яблоки (Ecl. VIII. 52-53).

Очевидно, что при написании этой части поэмы Вергилий преследовал поэтические цели, а не фактическую достоверность. Можно предположить, что таким образом подчеркивается, что, приложив труд, можно достичь невероятного (*scilicet omnibus est labor impendendus* – несомненно, нужно прилагать труд ко всем [растениям], II. 61)³⁰⁹.

Во второй книге (в отличие от первой, где земледелец словно воевал с окружающим миром) человек уже не враждует с окружающим миром³¹⁰. С помощью *cultus* можно упорядочить природу (но не подчинить, поскольку здесь нет враждебных отношений). Мир во второй книге «Георгик» невероятно изобилен³¹¹ и вместе с этим хаотичен, а земледелец создает из этого хаоса порядок³¹².

³⁰⁷ О *miracula* речь идет и в четвертой книге «Георгик», параллельной второй. Ср. *admiranda..spectacula rerum* (IV. 3).

³⁰⁸ Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 161.

³⁰⁹ Р. Томас также полагает, что очевидная невозможность этих результатов ставит под сомнение успехи земледельца (Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 161); это следует из концепции понимания «Георгик» как «пессимистичного» произведения.

³¹⁰ Nelson S.A. *God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil*. P. 87.

³¹¹ См. каталог различных видов деревьев (II. 83-88), который плавно переходит в каталог винограда и вин (II. 89-108).

³¹² Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 87-88.

Некоторые исследователи полагают, что во второй половине поэмы Вергилий видит земледельца уже не вне природы, а ее частью³¹³. Действительно, в третьей книге «Георгик» мир человека и животных³¹⁴ сближается, что видно не только в отступлениях, но и в «практических» частях третьей книги. Например, Вергилий пишет, что возраст, пригодный для размножения коров, ограничен, и поясняет это следующим образом:

optima quaeque dies miseris mortalibus aevi
prima fugit; subeunt morbi tristisque senectus...

Лучший срок жизни у всех несчастных смертных пролетает первым; приближаются болезни и печальная старость (III. 66-68).

Очевидно, что miseris mortalibus³¹⁵ здесь относится не только к скоту, но также и к людям, хотя формально эти строки – подтверждение того, что слушать нужно скот определенного возраста.

Влечению в третьей книге подвержены все, как животные, так и человек (omne adeo genus in terris hominumque ferarumque, III. 242). Также и в конце книги от болезни погибают все (et genus omne neci pecudum dedit, omne ferarum, III. 480 – о животных; contactos artus sacer ignis edebat, III. 566 – уже о человеке). Человек и животные в третьей книге объединяются и вместе страдают от стихии.

В четвертой книге о пчелах Вергилий пишет иногда как о людях: у них тоже бывают сражения и вожди или болезни. Поэт даже называет пчел квиритами (parvosque Quirites, 201), хотя и не стоит воспринимать общество пчел как буквальное изображение римского общества³¹⁶. Важно отметить, что схожесть

³¹³ Nelson S.A. God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil. P. 87.

³¹⁴ В то же время, например, Аристотель не проводил четкой границы между человеком и животными (НА 1.1.488a8; 8(7).1.589a3; Pol. 1.2.1253a7-9; см. Depew D. J. Humans and Other Political Animals in Aristotle's "History of Animals" // Phronesis. 1995. 40. P. 156.

³¹⁵ Р. Томас отмечает, что это выражение - лукрецианское (Lucr. V. 944). Virgil. Georgics. Vol. 2: Books III-IV. Ed. by R. F. Thomas. P. 51.

³¹⁶ Griffin J. The Fourth 'Georgic', Virgil, and Rome. P. 63; Clay J. S. The Old Man in the Garden: "Georgic" 4. 116-14. P. 62.

уклада пчел с людским упомянуто и у Варрона (R.R. III. 16. 4-6). В конце же книги миф об Аристее показывает, что при соблюдении определенных условий человек и окружающий мир могут гармонично сосуществовать.

Линия отношений человека и окружающего мира (человека и природы в целом; человека и животных; человека и стихии) важна для понимания композиции «Георгик» Вергилия. От враждебных отношений с природой в первой книге человек приходит к некому гармоничному сосуществованию с окружающим миром в конце.

Выводы к главе III.

Как правило, дидактическая поэма в предшествующей Вергилию традиции – это поэма среднего объема, и (за исключением несохранившейся поэмы Никандра «Георгики» и «О природе вещей» Лукреция) состоящая из одной книги. Деление дидактического материала на пары книг с отдельным вступлением к каждой – вероятно, инновация Лукреция, и Вергилий в этом отношении следует за ним. Хотя в дидактическом эпосе полноценный сюжет отсутствует, единство изложения заменяет единство сюжета. Стройность композиции была важной для самих авторов (например, Вергилий в начале «Георгик» кратко излагает структуру поэмы) и отмечалась комментаторами еще в античности.

Каталог – важный композиционный прием для эпоса вообще, в том числе и для дидактического. Вергилий этим приемом также пользуется (в качестве примера можно привести каталог погодных примет в первой книге, сортов винограда и типов почв – во второй), но в то же время, в отличие от Гесиода в «Теогонии», Арата или Никандра, отказывается основывать на этом принципе всю поэму. *Variatio* – важный композиционный прием в «Георгиках»; например, перечисления сортов винограда или типов почв служат в том числе для того, чтобы подчеркнуть их разнообразие. В то же время в «Георгиках» важны и перечисления различных *signa*, признаков, узнав которые, можно будет узнать о приближении беды (непогоды или болезни).

В то же время для композиции «Георгик» важны не только поэмы предшественников, но и прозаические источники Вергилия. Так, в изложении

практических сельскохозяйственных наставлений Вергилий во многом следует за трактатом Варрона «О сельском хозяйстве», который отличался как раз систематизацией материала. В особенности это заметно в первой и второй книге поэмы, посвященных собственно земледелию. При описании какого-то отдельного предмета (например, почв, деревьев или скота) Вергилий также часто использует план изложения Варрона. Более того, саму поэму Вергилий, подобно Варрону, начинает с обращения к сельским божествам, чем подчеркивает, что прозаические источники для него также важны.

Композиция первой книги «Георгик» Вергилия во многом схожа с композицией «Трудов и дней» Гесиода, и в особенности – второй половины поэмы, где излагается список необходимых работ и время их выполнения. В то же время Вергилий, в отличие от Гесиода, не основывает порядок изложения «трудов» на сезонности работ.

Также композиция «Георгик» имеет много общего и с композицией поэмы Лукреция «О природе вещей». Помимо того, что Вергилий, видимо, вслед за Лукрецием создал поэму в нескольких книгах, а не в одной, в структурных параллелях между отдельными эпизодами двух поэм можно увидеть и полемику Вергилия с эпикурейскими идеями поэмы Лукреция. Например, структура третьей книги «Георгик» с отступлениями о страсти в середине и о болезни в конце напоминает композицию «О природе вещей» в целом, хотя и болезнь, и в особенности влечение у Вергилия во многом отличаются от лукрецианских.

Отступления в «Георгиках» Вергилия, подобно отступлениям в «О природе вещей», представляют собой единую систему и, как у Гесиода в «Трудах и днях», имеют нравственное содержание и дают представление о картине мира в поэме. В первом обширном отступлении (миф о веках) рассказывается, как в жизни людей появился труд. В дальнейшем показано, что труд может быть успешным и приносить радость (например, во второй книге) или же, наоборот, плоды его могут быть уничтожены из-за вредителей, войн (в первой книге) или болезни (в третьей). В завершение же поэмы в эпиллии про Аристея и Орфея дается надежда на успех при условии благосклонности покровителя и богов, а также четкого

выполнения указаний. В то же время отступления не оторваны от практических наставлений, а, напротив, тесно связаны с ними.

Также достаточно важной линией в композиции «Георгик» является линия человека и природы: в первой книге человек враждует с окружающим миром, во второй – окультуривает дикое, при этом не находясь в состоянии вражды с природой, в третьей книге человек и природа сближаются (все подвержены страсти, и все погибают от болезни), а в конце поэмы человек приобретает некоторый контроль над окружающим миром, но уже не находится в состоянии враждебности с ним.

Глава IV. ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЭМ

В данной главе рассматриваются некоторые ключевые темы и мотивы «Георгик» Вергилия и предшествующей дидактической традиции.

Помимо главной темы, предмета поэмы, практически в каждой дидактической поэмы есть некий моральный подтекст³¹⁷. Так, в «Трудах и днях» Гесиод, помимо того, что дает наставления, также размышляет о насилии и войнах, сожалеет об отсутствии справедливости и подчеркивает, что воли Зевса невозможно избежать³¹⁸. Упоминание того, что Справедливость покинула землю, встречается у Гесиода, Арата и Вергилия. «Явления» Арата начинаются с упоминания Зевса (ἐκ Διὸς ἀρχόμεσθα, Phaen. I. 1), а в первой книге «Георгик» Юпитер положил конец Золотому веку. Кроме того, одно из важнейших понятий дидактического эпоса – это, конечно, труд.

Большинство из этих мотивов тесно связано с мифом о веках, который имеет большое значение в «Трудах и днях» Гесиода, «Явлениях» Арата и в «Георгиках» Вергилия.

§1. Миф о веках и Золотой век в дидактических поэмах

Миф о веках и рассказ о Золотом веке в той или иной форме присутствует в ключевых для традиции дидактических поэмах. В частности, рассказ о смене поколений, о веках или же только о Золотом веке мы находим в «Трудах и днях»

³¹⁷ Gale M. Didactic Epic. P. 101.

³¹⁸ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 2.

Гесиода, «Явлениях» Арата и в «Георгиках» Вергилия³¹⁹. Даже в поэме Лукреция, отрицающего религию, иррациональность и суеверия, кратко описываются история человечества и прежние времена, когда земля сама приносила плоды, хотя это и не названо Золотым веком.

Важно отметить, что сюжет о Золотом веке и о смене веков, по-видимому, близок к басенному, как и некоторые другие мифы, которые встречаются в дидактических поэмах. Так, этот сюжет мы находим в прологе-вступлении у баснописца Бабрия. Здесь миф о веках, вероятно, заимствован у Гесиода: веков также пять. Характеристики Золотого века схожи с теми, что встречаются в дидактических поэмах: люди не знали лжи (2), а земля приносила плоды сама (12). Также в Золотом веке у Бабрия звери обладали речью и могли разговаривать с людьми (6-11); это неотъемлемая составляющая басни, чего в дидактических поэмах мы уже не наблюдаем. Мы полагаем, что сюжет о веках был в числе характерных для басни сюжетов.

В «Трудах и днях» Гесиода излагается полноценный миф о пяти веках, точнее, о пяти поколениях (γένος) людей. Первое поколение (Op. 109-126) Гесиод называет золотым, второе (127-142) – серебряным, за ним следует медное поколение (143-155), после него – поколение героев (156-174) и, наконец, пятое, железное (175-201), современником которого является Гесиод. Каждое из этих поколений хуже предыдущего, что демонстрирует деградацию человечества.

³¹⁹ Хотя Лукреций из-за рационалистичного характера поэмы и представлений о невмешательстве богов в жизнь людей от традиционного мифа о веках отказывается, в конце пятой книги он также описывает историю развития человечества (переход от каменных орудий к медным и затем – к железным). Он так же, как и другие дидактические поэты, сожалеет о войнах, которые принесло с собой открытие меди (V. 1305-1306), и осуждает стремление к стяжательству богатств (1430), поскольку с эпикурейской точки зрения оно приносит лишь заботы и страдания. В то же время в «О природе вещей» описывается и прогресс сельского хозяйства (1361-1379). В представлении Лукреция этот процесс, который можно считать прогрессом и деградацией одновременно, не вызван божественным вмешательством; это естественный ход событий, вызванный необходимостью или людскими пороками.

В «Явлениях» Арата миф о веках трансформируется. Поколений людей уже три: золотое, серебряное и медное. По-прежнему по ним можно проследить деградацию человечества, поскольку одно поколение хуже предыдущего. Также у Арата миф о веках тесно связан с рассказом о Справедливости: формально он представляет собой объяснение происхождения созвездия Девы (Справедливости), которая покинула людей, возненавидев их, и отправилась на небо (Phaen. 133). У Гесиода упоминается о Совесть и Стыде (Αἰδώς καὶ Νέμεσις), которые также покинули человечество, ужаснувшись людским деяниям (Op. 197-201). В то же время у Гесиода это лишь одна из бед Железного века, Арат же делает Справедливость центральной фигурой в мифе о веках.

У Вергилия в «Георгиках» «века» уже два: Золотой и нынешний³²⁰. При этом Золотой век не назван так напрямую. В 122-146 ст. первой книги описывается некое «время до Юпитера», не названное Золотым веком, а в конце второй книги после описания сельской жизни упоминается, что подобную жизнь когда-то вел на земле и «золотой Сатурн» (aureus... Saturnus, II. 538). Кроме того, если у Гесиода и Арата четко обозначено, что каждый из веков хуже предыдущего, у Вергилия это не столь однозначно. Жизнь человека сейчас труднее и сложнее, чем была до Юпитера, но в то же время не показана очевидная деградация. Наоборот, Юпитер прекратил Золотой век, не желая, чтобы люди закоснели в бездействии (I. 121). В результате в жизни людей появился труд, labor, и человек изобрел искусства, artes, чтобы приспособиться к новым условиям (I. 145).

³²⁰ Вместо рассказа о медном веке в «Георгиках» мы видим описание войны, например,

мрачную картину гражданских войн в конце первой книги (хотя понятно, что это происходит практически во времена Вергилия, то есть в Железном веке).

В то же время в четвертой эклоге Вергилия века, по-видимому, еще три: золотой, век героев и железный.

alter erit tum Tiphys, et altera quae vehat Argo

delectos heroas; erunt etiam altera bella

atque iterum ad Troiam magnus mittetur Achilles.

Тогда будет другой Тифис, и другой Арго, который повезет избранных героев; еще будут другие войны и снова к Трое будет послан великий Ахилл (Ecl. IV. 34-36).

Основные характеристики Золотого века в разных поэмах также различаются.

Золотое поколение людей в «Трудах и днях» Гесиода не знало старости и труда (113-114), а земля сама давала урожай (117-118). В жизни людей, которые соблюдают справедливость (225-236), нет войн, нет несчастий и голода, а земля дает им обильное пропитание (хотя очевидно, что они занимаются земледелием, поскольку живут уже не в Золотом веке).

В «Явлениях» Арата акцент сделан на то, что в то время Справедливость жила на земле с людьми и побуждала их жить честно, по закону (107). Люди жили простой жизнью, не торговали и не плавали по морю (111), но земледелие в их жизни присутствовало (112), в отличие от описанной в «Трудах и днях» (в дальнейшем в «Георгиках») картины.

Вергилий в «Георгиках» пишет, что земля до Юпитера приносила все сама, по своей воле, и, как и в поэме Гесиода, у людей не было нужды в землепашестве (Georg. I. 127-128). Также время до Юпитера отличалось изобилием: в поэме описывается, как Юпитер затем стряхнул мед с листвы, скрыл от людей огонь, положил конец тому, что вино текло реками (I. 131-132). Также в конце второй книги поэмы Вергилия описывается простой уклад земледельцев, противопоставляемый городскому, и при этом сельская жизнь подобна жизни самого Сатурна (II. 538), хотя в ней и присутствует земледельческий труд, как и в аратовском Золотом веке. Как и Гесиод, Вергилий показывает, что приблизиться к идеалу Золотого века при соблюдении определенных условий все же возможно.

Кроме того, во всех поэмах Золотой век противопоставляется нынешнему времени.

Гесиод мрачно предсказывает, что железному поколению боги дадут тяжелые заботы (Op. 178), среди людей возникнут раздоры, не будет гостеприимства и почитания родителей (182-188), правду и справедливость заменит сила (189-194), людей покинут Совесть и Стыд (197-201).

Справедливость в «Явлениях» Арата также предсказывает людям Серебряного века, что их дети – люди медного поколения – будут воевать между

собой (Phaen. 125). Также люди Медного века в «Явлениях» сделали медный клинок и первыми стали есть мясо вола (Phaen. 131-132).

Последнюю деталь Вергилий в конце второй книги заимствует у Арата (*impria quam caesis gens est epulata iuvenis*, Georg. II. 537)³²¹, а также добавляет, что конец Сатурнова века был ознаменован появлением войн, как у Арата и у Гесиода, что подробно описано в конце первой книги «Георгик». Другая же беда Железного века, смертельные болезни, показана в конце третьей книги поэмы. В то же время в мифе о веках в первой книге «Георгик» главное различие между Золотым веком и нынешним временем состоит в том, что сейчас человеку для выживания необходимо трудиться.

Причины конца Золотого века также излагаются поэтами по-разному.

У Гесиода поколения сменяются по воле Зевса (кроме медного, которое погибло по своей вине — Ор. 153-155). В некоторых случаях гибель поколения — это божественная кара; например, людей серебряного поколения погубили за непочитание богов (Ор. 138-139). Кроме того, миф о веках следует сразу после мифа о Пандоре, где Зевс наказывает людей за грех Прометея и сентенции о том, что воли Зевса невозможно избежать, и таким образом продолжает мысль о божественном наказании. Но, если соблюдать справедливость и честно трудиться, боги позволят людям избежать бед Железного века (Ор. 225-237). В противном же случае боги шлют людям болезни, междоусобицы, войны и другие несчастья (238-247). По всей видимости, беды Железного века в поэме Гесиода — божественная кара, которую люди сами навлекают на себя.

В «Явлениях» Арата причины смены веков прямо не указаны; более того, этот процесс представлен как некий естественный ход событий³²². А в «Георгиках» Вергилия конец Золотому веку положил Юпитер, который хотел подтолкнуть человечество к развитию.

³²¹ Virgil. *Georgics*. Vol. 2: Books III-IV. Ed. by R. F. Thomas. P. 263.

³²² Так, Дж. Кэмпбелл полагает, что в поэмах Гесиода и Арата вряд ли есть причинно-следственная связь между деградацией человечества и наступлением железного века: Campbell J. S. *Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics*. P. 236.

В «Трудах и днях» Гесиода, как мы говорили выше, миф о веках имеет назидательный смысл, что сближает его с басней. Хотя он и не содержит прямого поучения, очевидно, что здесь поэт осуждает ложь, несправедливость, насилие. Также в «Трудах и днях» показано, что, если соблюдать справедливость, боги даруют возможность жить пусть и не в Золотом веке, то в приближенных к нему условиях. В «Явлениях» Арата, где миф о веках тесно связан с рассказом об ушедшей Справедливости, поучения практически нет. Поэт не показывает, каким образом можно приблизиться к утерянному Золотому веку, и скорее просто сожалеет о нем. Вергилий же в первой книге «Георгик» оставляет нравоучение и сожаления о деградации и скорее призывает читателя к труду, а во второй книге, как и Гесиод, показывает, что жизнь даже во времена Железного века может быть подобной жизни Сатурна – при условии благочестия и праведности.

Очевидно, что миф о веках в той или иной форме – один из ключевых эпизодов дидактических поэм, составляющих основу традиции, на которую опирается Вергилий. В то время как у Гесиода и Арата миф о веках, по-видимому, объясняет или иллюстрирует деградацию человечества, уже в «Георгиках» Вергилия он частично (если говорить о первой книге) трансформируется в объяснение того, почему в жизни человека появился труд – одно из важнейших понятий поэмы. Все важные для дидактических поэм темы и мотивы, о которых речь пойдет ниже (неприятие войн, труд, справедливость) тесно связаны именно с мифом о веках.

§2. Боги и фигура Зевса (Юпитера) в дидактических поэмах

2.1. Боги в дидактической традиции

2.2.1. Зевс в «Трудах и днях» Гесиода

Фигура Зевса или Юпитера важна во многих дидактических поэмах, начиная с «Трудов и дней» Гесиода³²³, что тесно связано с тем, что во многих из

³²³ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 2.

этих произведений идет речь об устройстве мира в целом. В поэмах Гесиода и Вергилия Зевс также является главным действующим лицом мифа о веках.

Одна из главных идей первой половины «Трудов и дней» Гесиода – всемогущество Зевса: οὕτως οὔτι πη ἔστι Διὸς νόον ἐξαλέασθαι (так, никак невозможно избежать воли Зевса, Ор. 105). Именно Зевс послал людям Пандору с сосудом со всевозможными бедами в наказание за то, что Прометей выкрал огонь.

τὸν δὲ χολωσάμενος προσέφη νεφεληγερέτα Ζεὺς·
Ἰαπετιονίδη, πάντων πέρι μήδεα εἰδώς,
χαίρεις πῦρ κλέψας καὶ ἐμὰς φρένας ἠπεροπέυσας,
σοὶ τ' αὐτῷ μέγα πῆμα καὶ ἀνδράσιν ἐσσομένοισιν.
τοῖς δ' ἐγὼ ἀντὶ πυρὸς δώσω κακόν, ᾧ κεν ἅπαντες
τέρπωνται κατὰ θυμὸν ἐὸν κακὸν ἀμφαγαλῶντες.

Ему сказал разгневанный собиратель облаков Зевс: «Сын Иапета, ты радуешься, украв огонь и обманув мой разум, а это гибель для тебя самого и для будущих поколений людей. Я дам им за огонь зло, которому они все будут радоваться, и душой полюбят собственную беду» (Ор. 53-58). – Зевс говорит, что он даст людям беды буквально «за огонь» (57) и даже смеется после этого (59).

Зевс играет ключевую роль в мифе о веках у Гесиода, который следует сразу после вышеупомянутой сентенции («воли Зевса невозможно избежать») и иллюстрирует ее. Именно Зевс создает каждое из поколений. Одно из поколений (Серебряное) Зевс погубил за то, что люди не почитали богов должным образом (138-139).

С одной стороны, Зевс в «Трудах и днях» предстает неким мстительным божеством, кто может наказать людей и чья власть безгранична. В то же время в представлении Гесиода это божество, хотя и своенравное, но все же справедливое: именно поэтому нужно стремиться к соблюдению справедливости и к праведной жизни.

Тем, кто живет справедливо, Зевс позволяет существовать в условиях, приближенных к условиям Золотого века (Ор. 225-237)³²⁴. В жизни справедливых людей нет войн, голода, им не нужно плавать по морю, и земля приносит им плоды (хотя очевидно, что не сама по себе и что они занимаются земледелием). Если же справедливость не соблюдается, Зевс обязательно шлет людям в наказания болезни, голод и войны (Ор. 238-239). Также он послал на землю стражей, чтобы они охраняли людей и следили за тем, чтобы справедливость соблюдалась (Ор. 253).

В «Трудах и днях», хотя воли Зевса нельзя избежать и его власть безгранична, все же есть надежда на его благосклонность и защиту: для этого необходимо жить справедливо.

2.2.2. Зевс в «Явлениях» Арата

Хотя поэма Арата во многих аспектах значительно отличается от «Трудов и дней» Гесиода, фигура Зевса также имеет большое значение в «Явлениях». П. Тухи обращает внимание на то, что обращение к Зевсу в поэме Арата «Явления» расположено в самом начале, то есть там, где читатель ожидает типичного для дидактических поэм обращения к адресату³²⁵. Здесь мы видим стоический образ Зевса, вовсе не похожий на верховное божество «Трудов и дней»:

ἐκ Διὸς ἀρχώμεσθα, τὸν οὐδέποτε ἄνδρες ἐῷμεν
ἄρρητον· μεστὰὶ δὲ Διὸς πᾶσαι μὲν ἀγυαί,
πᾶσαι δ' ἀνθρώπων ἀγοραί, μεστή δὲ θάλασσα
καὶ λιμένες· πάντα δὲ Διὸς κεχρήμεθα πάντες.
τοῦ γὰρ καὶ γένος εἰμέν· ὁ δ' ἦπιος ἀνθρώποισιν
δεξιὰ σημαίνει, λαοὺς δ' ἐπὶ ἔργον ἐγείρει...

³²⁴ Впрочем, это находится в некотором противоречии с мифом о веках, где некоторые поколения людей, хотя и жившие, по всей видимости, справедливо (например, золотое), все равно погибли по воле Зевса.

³²⁵ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 57.

Начнем с Зевса, о котором мы, люди, не можем не говорить: полны Зевсом все дороги и все площади людей, полны и море, и гавани³²⁶. Мы все во всем зависим от Зевса, ведь мы произошли от него. А он, благосклонный, подает десницей знаки людям и призывает народы к труду... (Phaen. 1-6).

Мир в «Явлениях» устроен Зевсом и устроен на благо людей, что отражает идеи стоической философии, а вселенная систематизирована и упорядочена³²⁷. Например, созвездия на небе Зевс расположил определенным образом, чтобы они подавали знаки людям (10-13). М. Гейл отмечает, что стоический Зевс у Арата помогает земледельцу в его труде, а не подвергает наказанию за грех Прометея, как это происходит у Гесиода³²⁸. В мифе о веках у Арата Зевс не упоминается вовсе; деградация человечества – скорее следствие людских пороков, чем божественное наказание.

2.2.3. Зевс в поэмах Никандра

У Никандра в поэме *Θηριακά* Зевс также упоминается. Он даровал людям вечную молодость, но те, поскольку были глупы (*ἄφρονες*), доверили этот дар ослу, у которого его забрала змея: потому она и сбрасывает свою шкуру (Ther. 344-354). Насколько можно судить по этому эпизоду, Зевс у Никандра изначально благосклонен по отношению к людям, как Зевс в «Явлениях» Арата, но люди по глупости не могут этой благосклонностью воспользоваться, подобно тому как у Гесиода люди своим поведением и отрицательными качествами навлекают на себя наказание богов. Впрочем, полная теологическая картина мира в сохранившихся поэмах Никандра не представлена.

В конце же *Ἀλεξίφαρμακα* (630-631) Никандр пишет, что надеется, что читатель будет помнить его, Никандра, а также будет «охранять порядок гостеприимного Зевса», что, вероятно, напоминает о стоическом Зевсе Арата.

³²⁶ Эту мысль Вергилий повторяет в третьей Эклоге (*Iovis omnia plena*, Ecl. III. 60).

³²⁷ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 58.

³²⁸ Там же. P. 157.

2.2.4. Боги в «О природе вещей» Лукреция

Несмотря на то, что, согласно эпикурейской философии, боги не принимают участия в делах людей, поэма Лукреция «О природе вещей» парадоксальным образом начинается с обращенной к Венере молитвы (*Aeneadum genetrix, hominum divomque voluptas, | alma Venus, Lucr. 1-2*), подобно тому, как «Явления» Арата – с восхваления Зевса.

Ученые объясняют это противоречие разными способами. В частности, Э. Асмис полагает, что Венера у Лукреция противопоставляется стоическому Зевсу Арата, и тем самым Лукреций бросает вызов философским системам, предполагающим божественную тиранию³²⁹.

Впрочем, конечно, в поэме Лукреция именно эпикурейское учение должно объяснить, «что может произойти, а что нет» (*quid possit oriri, quid nequeat, I. 75*). Истинное же благочестие для Лукреция – это эпикурейский идеал, «взирать на все успокоенным умом» (*pacata omnia mente tueri, V. 1202*)³³⁰.

Своеобразная замена фигуры Зевса в поэме Лукреция – это прежде всего не Венера, а, конечно, сам Эпикур³³¹. Лукреций открыто называет его богом (*deus ille fuit, V. 8*) и прославляет за то, что он открыл человечеству разумное устройство вселенной (*ratio*) и свет³³². В начале III книги поэмы Лукреций даже обращается к

³²⁹ Среди возможных объяснений этого противоречия также приводят следующие: Лукреций здесь следует поэтической традиции *invocatio*; он придает поэме римский колорит, обращаясь в начале к прародительнице римлян; Венера также была покровительницей рода Меммия, и тем самым Лукреций воздает должное ему. См. Asmis E. *Lucretius' Venus and Stoic Zeus*. P. 458. Есть также предположение, что Венера здесь – скорее символ созидания, весны и эпикурейского удовольствия (Betensky A. *Lucretius and Love // The Classical World*. 1980. 73, №5. P. 297).

³³⁰ Freudenburg K. *Lucretius, Vergil, and the Causa Morbi*. P. 61.

³³¹ В поэме Парменида мы видим вместо Зевса не основателя учения, а некую деву-богиню (fr. 1 D-K, 22; возможно, это Истина (29)).

³³² См. Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 25.

Эпикуру, называя его pater, отец: tu, pater, es rerum inventor (*ты, отец, изобретатель вещей*, III.9).

В отличие от изложенных в поэме Арата представлений, мир в «О природе вещей» не был создан богами для людей, потому что в нем много пороков, а большая его часть непригодна для жизни:

nequaquam nobis divinitus esse paratam
naturam rerum: tanta stat praedita culpa.

[Я бы осмелился утверждать], что природа вещей не была создана по воле богов для нас: ведь она наделена столькими недостатками (Lucr. V. 198-199).

Религия же для Лукреция вредна и опасна, и изображается подобно адскому чудовищу:

Humana ante oculos foede cum vita iaceret
in terris oppressa gravi sub religione,
quae caput a caeli regionibus ostendebat
horribili super aspectu mortalibus instans.

Когда перед глазами на земле лежала человеческая жизнь, подавленная тяжелым гнетом религии, которая выставляла голову с областей неба, нависая сверху над смертными своим ужасным видом... (Lucr. I. 62-65).

В конце поэмы, где рассказывается о чуме в Афинах, религия оказывается бесполезной: храмы заполняются трупами (VI. 1273-1275), и даже самые преданные последователи теряют веру в богов (VI. 1276-1277)³³³.

2.2. Боги в «Георгиках» Вергилия

Философские идеи также имеют значение для понимания «Георгик» Вергилия. Вергилий даже якобы собирался заниматься исключительно философией после завершения своего главного труда, «Энеиды» (Suet. Vita Verg. 35). В то же время представления о религии и божественном вмешательстве в жизнь людей в «Георгиках» достаточно эклектичны; нельзя сказать, что Вергилий

³³³ Freudenburg K. Lucretius, Vergil, and the *Causa Morbi*. P. 64.

последовательно придерживается, скажем, стоической или же эпикурейской концепции³³⁴.

Вергилий начинает поэму с обращения к богам, которое во многом основано на аналогичном обращении Варрона, но не упоминает там Юпитера³³⁵, тем самым отведя ему отдельную роль.

Завершается обращение в начале поэмы восхвалением Октавиана, которого Вергилий называет богом, *deus: an deus immensi venias maris* (I. 29), подобно тому, как Лукреций пишет об Эпикуре (*deus ille fuit*, *Lucr. V. 8*)³³⁶. Если Лукреций обожествляет основателя философского учения, то Вергилий – правителя, что, возможно, связано в том числе с политической задачей «Георгик» – привлечь внимание к сельскому хозяйству после гражданских войн³³⁷.

В самом начале поэмы Вергилий выражает надежду на покровительство и благосклонность Октавиана, просит его об этом:

da facilem cursum atque audacibus adnue coeptis...

Дай легкий путь и будь благосклонен к смелым начинаниям (I, 40).

Юпитер же появляется в первой книге позже, где рассказывается, что он положил конец Золотому веку, поскольку не хотел, чтобы человечество деградировало в бездействии, о чем рассказывается в первой книге (*nes torpere gravi passus sua regna veterno*, I. 124). Он сделал так, чтобы людям пришлось трудиться, чтобы с опытом появились искусства, *artes* (133).

В науке есть различные оценки этих действий Юпитера в «Георгиках». Например, А. Цанкер полагает, что это «весьма сомнительное благодеяние»,

³³⁴ Шаршукова О. В. Некоторые философские представления в «Георгиках» Вергилия. С. 260.

³³⁵ Wilkinson L. P. *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. P. 146.

³³⁶ О том, как можно провести параллели между Октавианом в «Георгиках» и Венерой и Эпикуром у Лукреция, см. Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 25-27.

³³⁷ Эррен М. «Георгики» Вергилия и политика Августа. Лекция, читанная в Московском Университете 3 октября 1996 г. Перевод с нем. яз. А. И. Любжина, А. И. Солопова. С. 12.

поскольку в жизни людей в результате этого появился беспрестанный труд, *labor improbus*³³⁸.

В то же время, как отмечает Дж. Кемпбелл, Юпитер назван отцом, *pater*, что подразумевает его благосклонность по отношению к «детям», людям, и цель его – подтолкнуть человечество к развитию, воспитать людей³³⁹. Если Юпитер действительно хотел таким образом принести пользу людям, он подобен стоическому Зевсу Арата³⁴⁰, к тому же идея, что Золотой век негативно влиял на людей, способствовал их деградации, могла принадлежать стоикам³⁴¹. Также у Вергилия окончание Золотого века – это вряд ли наказание людей за их пороки (как можно понять миф о веках у Гесиода)³⁴².

Кроме того, Вергилий здесь явно пишет о Юпитере в тех же выражениях, что Лукреций – о благодетеле человечества Эпикуре: *primusque per artem*, *Georg. I. 122* – *quique per artem*, *Lucr. V. 10*³⁴³.

Юпитер, подобно Зевсу в «Явлениях» Арата, установил погодные приметы для того, чтобы жизнь людей была легче, и в этом случае Вергилий также называет его *pater* (*ipse pater statuit*, *I. 353*). Также он из благодарности позволяет пчелам жить в приближенных к Золотому веку условиях (*naturas aribus quas Iuppiter ipse | addidit*, *IV. 149-150*).

Мы полагаем, что Юпитер в «Георгиках», хотя и не является столь однозначно благодетелем, как Зевс у Арата, но все же скорее благосклонен к смертным. Ведь, хотя в жизни людей нынешнего, Железного, века много трудностей и даже несчастий, все же есть надежда на то, что при покровительстве богов жизнь и труд не окажутся напрасными. Вергилий в мифе об окончании

³³⁸ Zanker A. T. Some Thoughts on the Term “Pessimism” and Scholarship on the “Georgics” // *Vergilius*. 2011. 57. P. 83-100. P. 502.

³³⁹ Campbell J. S. The Ambiguity of Progress: "Georgics" I, 118-159. P. 568.

³⁴⁰ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 62.

³⁴¹ Wilkinson L. P. *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. P. 138.

³⁴² Шаршукова О. В. *Labor* в «Георгиках» Вергилия. С. 117.

³⁴³ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 66.

Золотого века не сожалеет о бедах нынешнего времени подобно Гесиоду (хотя и в «Трудах и днях» есть надежда на благополучную жизнь при условии соблюдения справедливости).

Другие божества в «Георгиках» также могут проявлять благосклонность к людям. Как и Юпитер в первой книге, они часто выступают в роли учителей, культурных героев, чего мы не практически встречаем в предшествующей дидактической традиции³⁴⁴. Например, в начале поэмы Вакх предстает учителем виноделия (I. 9), и рассказывается, что Триптолем показал людям плуг (I. 19-20). Церера научила людей пахать (*prima Ceres ferro mortalis vertere terram | instituit*, I. 147-148; *prima*, как и Юпитер выше – *primus*). Даже Аристей назван богом, и так же, как и они, дал людям *ars*, искусство бугонии (IV. 315).

Благосклонность богов к людям в «Георгиках» проявляется и в том, что они отдали в дар смертным две зоны земли (*has inter mediamque duae mortalibus aegris | munere concessae divum*, I. 237-238), в то время как Лукреций, наоборот, утверждал, что мир не создан для людей, поскольку не все места пригодны для проживания (Lucr. V. 200).

Хотя вселенная в «Георгиках» и может быть благосклонной к людям, она далеко не настолько упорядочена, как мир в «Явлениях» Арата (например, в жизни людей есть разрушительные войны, как в конце первой книги, или непреодолимые стихии, как влечение и болезнь в третьей).

Некоторые из стоических представлений, например, понятие о присущей всему божественной сущности (*πνεῦμα*), Вергилий отвергает:

*haud equidem credo, quia sit divinitus illis
ingenium aut rerum fato prudentia maior.*

Хотя я вряд ли верю, что им по воле богов присущ разум или большее, чем у судьбы, знание вещей (I. 415-416). – По поведению птиц можно предсказать погоду не потому, что им присуща частица божественного разума. Вместо этого

³⁴⁴ В то же время Лукреций пишет о том, что Церера научила людей обработке полей, а Вакх – виноделию (V. 14-15). Но, согласно Лукрецию, даже если эти дары богов – правда, их нельзя даже сравнивать с мудростью, которую дал людям Эпикур.

предлагается рациональное объяснение, подобное лукрецианскому: птицы чувствуют изменения воздуха.

В то же время в четвертой книге Вергилий пишет о пчелах:

His quidam signis atque haec exempla secuti
esse apibus partem divinae mentis et haustus
aetherios dixere; deum namque ire per omnia,
terrasque tractusque maris caelumque profundum.

Следуя за этими знаками и примерами, некоторые говорили, что пчелам присуща частица божественного разума и душа: ведь бог проходит через все, через земли и морские пути и высокое небо (IV. 219-222).

Поэт здесь практически цитирует начало «Явлений» Арата (μεσταὶ δὲ Διὸς
πᾶσαι μὲν ἀγυαί, | πᾶσαι δ' ἀνθρώπων ἀγοραί, μεστὴ δὲ θάλασσα | καὶ λυμένες, Phaen.
2-4). В то же время Вергилий здесь говорит не от первого лица, а лишь пересказывает мнение других, дистанцируясь от него с помощью косвенной речи³⁴⁵.

Хотя рационалистичные настроения Лукреция в «Георгиках» иногда проявляются (например, нельзя оставлять болезнь овец без лечения, III. 454-456)³⁴⁶, все же Вергилий подвергает сомнению эпикурейские идеалы и возможность объяснить и понять все. Во второй книге Вергилий противопоставляет счастье эпикурейского мыслителя, познавшего природу вещей, счастью земледельца, познавшего сельских богов (II. 490-494), очевидно склоняясь ко второму варианту, к почти гесиодовскому благочестию³⁴⁷, и сам поэт надеется на благосклонность богов и силу молитвы: si quem | numina laeva sinunt
auditque vocatus Apollo (IV. 7).

³⁴⁵ Virgil. Georgics. Vol. 2: Books III-IV. Ed. by R. F. Thomas. P. 187.

³⁴⁶ Wilkinson L. P. The Georgics of Virgil: a Critical Survey. P. 121.

³⁴⁷ Gale M. Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition. P. 11.

§3. Неприятие войн и насилия

3.1. Война и насилие в дидактической традиции

Уже в «Трудах и днях» Гесиода одна из бед, о которых сожалеет поэт, – это насилие и войны, что является неотъемлемой частью жизни людей после окончания Золотого века³⁴⁸. И в дальнейшем в поэмах Арата, Лукреция и Вергилия мы находим сожаления о войнах и предостережения людей против насилия.

Одна из Эрид в начале поэмы Гесиода вызывает «ужасную войну и битвы» (πόλεμόν τε καὶ δῆριν — Ор. 14). Она не любима людьми, но, по словам поэта, смертные почитают эту Эриду по принуждению богов (ὕπᾳ ἑνάγκης/ἀθανάτων — Ор. 15-16).

Появление войн и насилия – важная составляющая деградации человечества, которая описывается в мифе о веках. Еще в жизни Медного поколения у Гесиода появились войны и раздоры (145-146), и погубила медных людей их собственная сила (152). Поколение же героев погибло в войнах под Троей и Фивами (161; πόλεμος здесь, как и в начале поэмы, снова характеризуется прилагательным κακός); впрочем, несмотря на это, загробную жизнь герои счастливо проводят на островах Блаженных (170-174).

Раздоры и насилие Гесиод также называет в числе бед, грозящих людям нынешнего Железного века, в котором он не хотел бы родиться (Ор. 175). Гесиод опасается, что скоро не будет любви между братьями и сестрами, как это было раньше (184), люди перестанут почитать пожилых родителей (185), города будут разорены друг другом (189).

И в дальнейшем Гесиод также призывает Перса прислушиваться к справедливости и вовсе позабыть о насилии: καὶ νῦ δίκης ἐπάκουε, βίης δ' ἐπιλήθεο πάμπαν (Ор. 275).

³⁴⁸ Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 2.

В позднейшем же «Состязании Гомера и Гесиода» победа присуждается Гесиоду как раз потому, что он, в отличие от Гомера, воспекает не войны и убийства, а созидательный труд (322)³⁴⁹.

Арат в «Явлениях», трансформируя гесиодовский миф о веках, делает главным пороком людей после Золотого поколения склонность к насилию, а главной постигшей их бедой – войны. Справедливость предсказывает людям Серебряного поколения, что следующее, Медное (видимо, здесь объединяются поколение героев, Медное и Железное из «Трудов и дней»), будет охвачено войнами:

καὶ δὴ ποὺ πόλεμοι, καὶ δὴ καὶ ἀνάρσιον αἴμα
ἔσσεται ἀνθρώποισι...

И войны, и враждебное кровопролитие будут у людей (Phaen. 125-126).

Кроме войн, среди людей Медного века появились и убийства (131-132), и тогда Справедливость, возненавидев людей, покинула их (133-136).

В дальнейшем мотив неприятия насилия в дидактических поэмах сохраняется и некоторым образом трансформируется: в Риме авторы дидактических поэм пишут не только о войне вообще, но также и о гражданских войнах.

Так, Лукреций в начале «О природе вещей» молит Венеру о мире, поскольку сейчас он не может спокойно заниматься своим трудом (Lucr. I. 40-43).

Хотя в «О природе вещей» и не излагается полноценный миф о веках, Лукреций, описывая в конце пятой книги вместо этого открытие разных металлов, также сожалеет о раздорах и войнах, которые принесло с собой открытие меди:

sic alid ex alio reperit discordia tristis,
horribile humanis quod gentibus esset in armis,
inque dies belli terroribus addidit augmen.

³⁴⁹ Hesiod. The Homeric Hymns and Homeric. Ed. by T. E. Page and W. H. D. Rouse. With an English Translation by H. G. Evelyn-White. London, New York, 1914. P. 586.

Так грозный раздор породил один из другого страшное оружие, которым вооружен человеческий род, и день ото дня прибавлял ужасы войны (Lucr. V. 1306-1308).

Но в «О природе вещей» ужасов войны можно избежать, отстранившись от них согласно эпикурейской философии³⁵⁰. Например, сражение издалика кажется всего лишь пятном, как и стадо овец (II. 331-332).

Призывы против насилия в дидактическом эпосе берут начало еще от Гесиода, и в римскую эпоху под влиянием исторического контекста трансформируются в том числе в сожаления о гражданских войнах. Хотя теоретически дидактическая поэма о военном искусстве и возможна, мы не встречаем подобных произведений. Возможно, это связано в том числе с тем, что один из характерных для жанра мотивов – неприятие насилия.

3.2. Война и насилие в «Георгиках» Вергилия.

В отличие от предшественников, Вергилий в мифе о веках не пишет о появлении после завершения Золотого века войн; в центре его внимания – возникновение необходимости трудиться и происхождение различных ремесел.

И все же земледелие в «Георгиках», в особенности в первой книге, представлено как война с землей. Земледелец «отдает приказы полям» (*imperat arvis*, I. 99), орудия земледельца названы «оружием» (*quae sint duris agrestibus arma*, I. 160), труд победил все (*labor omnia vicit | improbus*, I. 145-146).

Идея, что земледелие – это насилие над землей, встречается еще у Софокла (человек изнуряет (*ἀποτρύεται*) Землю, Anth. 346-350). А Лукреций в пятой книге «О природе вещей», когда пишет об истории человечества и открытии меди, ставит рядом обработку земли и войну³⁵¹ (ведь очевидно, что и для того, и для другого нужна медь; Lucr. 1289-1290).

³⁵⁰ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 33; 244.

³⁵¹ О взаимосвязи технологического прогресса и моральной деградации см. Campbell J. S. *The Ambiguity of Progress: "Georgics" I*, 118-159. P. 576.

В то же время в конце первой книги «Георгик» Вергилий переходит от перечисления примет и знамений к описанию гражданских войн. Так, в день смерти Гая Юлия Цезаря происходит солнечное затмение (Georg. I. 465-467), также о грядущих войнах предупреждает извержение Этны (472), землетрясения (475), разлив Эридана (481-483), и гадания по внутренностям жертвы также предвещают несчастья (484). Более того, во время гражданских войн земледелие (центральная тема «Георгик») находится в запустении:

...tot bella per orbem,
tam multae scelerum facies, non ullus aratro
dignus honos, squalent³⁵² abductis arva colonis,
et curvae rigidum falces conflantur in ensem.

Столько войн по миру, столь много личин зла, вовсе нет должного почета плугу, в запустении поля, потому что земледельцы были призваны на войну, и изогнутые серпы переплавляются в твердый меч (I. 505-508).

Здесь уже земледелие не сравнивается с войной, а противопоставляется ей, ведь война угрожает плодам труда земледельца.

Война в конце первой книги «Георгик» также сравнивается с колесницей, вышедшей из-под контроля возницы, когда кони понесли (I. 512-514), что можно сравнить с безумством кобылиц из-за влечения в середине третьей книги (III. 266-268). В то же время мрачная концовка первой книги композиционно параллельна концу третьей, где рассказывается о разрушительной силе болезни. В отличие от поэмы Лукреция, где от ужасов войны можно отстраниться, в «Георгиках» это не так (хотя Вергилий выражает надежду, что боги позволят Октавиану положить этому конец, I. 500).

В конце второй книги «Георгик» Вергилий противопоставляет идеализированную сельскую жизнь, близкую к условиям Золотого века, городской. Земледельцы живут вдали от раздоров и войн (procul discordibus armis, II. 459), а среди опасных занятий или порочных качеств горожан (мореплавание,

³⁵² Т. Пейдж отмечает, что выбор глагола *squaleo* говорит о том, что поля словно в трауре. (P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica. With introduction and notes by T. E. Page. P. 242).

стяжание богатств, любовь к славе) упоминаются и войны или склонность к насилию:

...ruuntque

in ferrum, penetrant aulas et limina regum;
hic petit excidiis urbem miserosque penates,
ut gemma bibat et Sarrano dormiat ostro...

И устремляются к оружию, проникают в дворцы и за пороги царей; а кто-то грозит разрушением городам и несчастным пенатам, чтобы пить из драгоценных кубков и спать на тирийском пурпуре (II. 504-505).

Другие же городские жители погрязли в междоусобицах:

...gaudent perfusi sanguine fratrum,
exilioque domos et dulcia limina mutant
atque alio patriam quaerunt sub sole iacentem.

Радуются, обгаренные братской кровью, и меняют на изгнание милые дома, и ищут родину, лежащую под другим солнцем (II. 510-512).

Здесь войны и междоусобицы в гесиодовской традиции противопоставляются безмятежному существованию. В то же время Гесиод говорит об утерянном Золотом веке и нынешнем железном, у Вергилия же город противопоставляется деревне. Если Гесиод призывает жить в соответствии со справедливостью, Вергилий – бежать из города в деревню.

Можно было бы провести параллель между эпикурейской отстраненностью, показанной в «О природе вещей» Лукреция, и счастливым существованием земледельцев вдали от войн и раздоров в «Георгиках». Но эпикурейский идеал Вергилий здесь также подвергает сомнению:

felix, qui potuit rerum cognoscere causas,
atque metus omnis et inexorabile fatum
subiecit pedibus strepitumque Acherontis avari.
fortunatus et ille, deos qui novit agrestis,
Panaque Silvanumque Senem nymphasque sorores.

Счастлив тот, кто смог познать причины вещей и поверг к своим ногам весь страх, неумолимую судьбу и грохот ненасытного Ахеронта. Счастлив и

тот, кто знает сельских богов: Пана, старика Сильвана и сестр-нимф (II. 490-494).

Эпикурейские идеалы (познание природы вещей и победа над страхом смерти) противопоставляются здесь знанию сельских богов (причем Эпикур и вслед за ним Лукреций религию отрицали) и сельскому идеалу³⁵³. Кроме того, земледельцы живут в обществе, а не отстраненной жизнью эпикурейских мудрецов.

В конце же поэмы Вергилий противопоставляет себя Октавиану, а сочинение стихов – его завоеваниям:

Haec super arborum cultu pecorumque canebam
et super arboribus, Caesar dum magnus ad altum
fulminat Euphraten bello victorque volentis
per populos dat iura viamque adfectat Olympo.
illo Vergilium me tempore dulcis alebat
Parthenope studiis florentem ignobilis oti...

Я пел о возделывании полей, о скоте и о деревьях, пока великий Цезарь сотрясал войной земли вплоть до глубокого Евфрата и, будучи победителем, по доброй воле народов устанавливал среди них законы и прокладывал путь на Олимп. В это время меня, Вергилия, процветающего в занятиях бесславного досуга, питала сладостная Парthenопея (IV. 559-564).

Сочинение стихов здесь (а речь идет не только о «Георгиках», но также и об «Эклогах») – *ignobile otium*, «бесславный досуг». Это очевидный топос³⁵⁴, но важно также отметить, что дидактическая поэзия (и буколика) является таковой прежде всего потому, что принципиально не воспеваает войны, сражения и великие деяния³⁵⁵.

³⁵³ P. Vergili Maronis Opera. With a commentary by J. Conington. P. 259.

³⁵⁴ Ср., например, Cat. LI. 13-16.

³⁵⁵ Вергилий отказывается от воспевания военных деяний в начале шестой эклоги и во вступлении к третьей книге «Георгик».

Вероятно, в концовке поэмы можно увидеть также и надежду на то, что ужасов войны возможно избежать. Вергилий может посвятить себя мирному занятию, поэзии³⁵⁶, как раз потому, что Октавиан совершает военные подвиги и защищает Рим. Если в конце первой книги выражается надежда на то, что он сможет положить конец гражданским войнам (I. 500-501), здесь это уже свершившийся факт: речь в конце четвертой книги идет не о междоусобных войнах, а о расширении могущества Рима (очевидно, избежать войн вовсе в условиях Железного века невозможно).

В то же время концовка «Георгик» устроена таким образом, что можно предположить, что в центре внимания – сам Вергилий, а не Октавиан³⁵⁷: поэт начинает со слов о своем творчестве (*haec super arborum cultu pecorumque canebam | et super arboribus*), в придаточном предложении говорит о подвигах Цезаря (*Caesar dum magnus...*) и снова возвращается к себе и к своим произведениям (*illo Vergilium me...*). Подвиги правителя – словно фон для литературных занятий Вергилия. Мы полагаем, что здесь Вергилий не только восхваляет Октавиана, но и, как положено автору дидактической поэмы, поучает его³⁵⁸; выражает надежду, что он будет вести себя определенным образом (подобно Аристею или пчеловоду, прекратившему сражение пчел в четвертой книге) и тем самым сможет сохранить мир и величие Рима.

Вергилий в традиции Гесиода включает войны и раздоры в число главных бед Железного века. От эпикурейской отстраненности, помогающей избежать

³⁵⁶ В то время как Лукреций пишет, что не может спокойно заниматься своим трудом в столь трудное для родины время (*Lucr.* 41-43).

³⁵⁷ ... the shape of the period puts the poet, not the ruler, in the climactic position, and Virgil overshadows Octavian. См. Griffin J. *The Fourth 'Georgic', Virgil, and Rome*. P. 71.

³⁵⁸ Можно провести параллель между этими стихами и наставлением Анхиза Энею в шестой книге «Энеиды»: *victorque volentis | per populos dat iura, Georg. IV. 561-562 – tu regere imperio populos, Romane, memento, Aen. VI. 851*. См. Virgil. *Georgics. Vol. 2: Books III-IV*. Ed. by R. F. Thomas. P. 240.

ужасов войны, он отказывается, но выражает надежду, что Октавиан сохранит мир в Риме.

§4. Труд в дидактических поэмах

4.1. Труд в дидактической традиции

Как правило, дидактические поэты, начиная с Гесиода в «Трудах и днях», призывают читателя трудиться³⁵⁹, что обусловлено в том числе идеей многих подобных поэм – научить читателя чему-либо, чаще всего – чему-то практически значимому.

В поэме Гесиода «Труды и дни» тяжелый труд – неотъемлемая часть жизни людей в Железном веке:

νῦν γὰρ δὴ γένος ἐστὶ σιδήρεον· οὐδέ ποτ' ἦμαρ
παύονται καμάτου καὶ οἰζύος, οὐδέ τι νύκτωρ
φθειρόμενοι. χαλεπὰς δὲ θεοὶ δώσουσι μερίμνας·

А сейчас живут люди Железного рода; и они беспрестанно проводят дни и ночи в тяжелом труде и в несчастьях, и боги дадут им тяжелые заботы (Ор. 176-178).

Труд здесь стоит в одном ряду с раздорами и отсутствием Справедливости. Эти беды людям дали боги в наказание (видимо, за обман Прометея (Ор. 47-48); впрочем, четкого этического объяснения причин смены поколений у Гесиода нет, это происходит по воле Зевса).

В то же время в поэме Гесиода труд не только необходим, но и не бесплоден. Например, одна из Эрид, взывая к духу соперничества, побуждает к труду даже ленивого (ἀλάλατος – Ор. 20). Также Гесиод регулярно призывает Перса усердно трудиться. Например, в ст. 298-302 Гесиод наставляет брата, что, если тот будет ленивым (ἀεργός), он будет голодать. Тот же, кто трудится, становится богатым, а вместе с богатством придут честь и слава:

εἰ δέ κε ἐργάζῃ, τάχα σε ζηλώσει ἀεργός

³⁵⁹ Призывы к труду как одну из характерных для дидактических поэм особенностей выделяет, например, П. Тухи: Toohey P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 2.

πλουτεῦντα· πλούτῳ δ' ἀρετὴ καὶ κῦδος ὀπηδεῖ.

Если же ты будешь работать, вскоре тебе, богатеющему, будет завидовать ленивый. А вслед за богатством идут добродетель и слава (Op. 312-313).

В «Явлениях» Арата, хотя поэма посвящена не сельскому хозяйству, поэт также говорит о труде. Например, звезды помогают земледельцу в его труде: ἀστέρας οἱ κε μάλιστα τετυγμένα σημαίνουσιν | ἀνδράσιν ὥρων – ...звезды, которые расположены так, чтобы возвещать людям о нужной поре (Phaen. 12-13). Более того, знать приметы полезно и для мореплавателей (Phaen. 759-760)³⁶⁰.

Арат также призывает читателя трудиться (μόχθος μὲν τ' ὀλίγος, 760; здесь речь о труде интеллектуальном – нужно приложить усилие, чтобы запомнить приметы и уметь их распознать), впрочем, далеко не столь настойчиво, как Гесиод. Труда как божественного наказания в «Явлениях» нет; наоборот, Зевс устроил все так, чтобы природа помогала людям в их труде (5-13). Сам Зевс призывает народы к труду: λαοὺς δ' ἐπὶ ἔργον ἐγείρει (6). Труд не упоминается среди бед, постигших людей после окончания Золотого века; наоборот, в Золотом веке у Арата люди также возделывали землю (113-114).

Лукреций в «О природе вещей» призывает читателя не трудиться физически, как, например, Гесиод и косвенно Арат, но внимать излагаемому учению Эпикура, что требует интеллектуальных и душевных усилий. Например, в первой книге поэмы говорится, что, если адресат не будет слушать очень внимательно, он будет жить в суевериях и страхе (Lucr. I. 102-106). Завершается же поэма Лукреция рассказом об афинской чуме, примером того, что происходит с людьми, которые не живут по заветам Эпикура: в шестой книге «О природе

³⁶⁰ Подобным образом поэма Никандра Θηριακά также обращена не, например, к городским жителям, а к тем, кто занимается тем или иным физическим трудом: к пахарю, пастуху и лесорубу, которые могут подвергнуться укусам змей и др. (Theg. 4-6). Поэмы Оппиана и псевдо-Оппиана обращены соответственно к рыбаку и к охотнику. Хотя авторы этих поэм и не призывают читателя трудиться, все равно в центре их внимания – труд того или иного рода: занятия сельским хозяйством, мореплаванием, охотой и т. д.

вещей» страшна не сама смерть, а страх смерти³⁶¹. В призывах внимать учению Лукреций (как и другие авторы философских поэм) столь же (или даже в большей степени) настойчив, как Гесиод. В то же время, как полагают исследователи, само понятие «труд» (labor) в «О природе вещей» имеет негативные коннотации. Labor у Лукреция – преследование пустых целей, которое причиняет страдания, и для достижения эпикурейского идеала нужно оставить не только страх и заботы, но и труд³⁶².

Очевидно, что дидактическая цель предполагает призывы к труду, которые характерны для многих поэм, хотя и приобретают несколько разные формы. Гесиод наставляет брата не лениться и пугает его голодом и бедностью. Лукреций же, как автор философской поэмы, призывает читателя к труду интеллектуальному и в традиции Гесиода запугивает читателя, обрисовав, что случится с теми, кто не будет внимать его наставлениям. Даже если дидактическая поэма, как «Явления» Арата или поэмы Никандра, не содержит настойчивых призывов трудиться, ее тематика подразумевает труд того или иного рода, причем, как правило, труд физический.

4.2. Labor в «Георгиках» Вергилия

4.2.1. Labor improbus

Понятие labor, труд, встречается в «Георгиках» далеко не эпизодически – это один из важнейших мотивов поэмы Вергилия (что очевидно для поэмы, посвященной сельскохозяйственному труду)³⁶³.

В первом развернутом отступлении в первой книге, посвященном окончанию Золотого века, Вергилий вводит это понятие:

³⁶¹ Gale M. Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition. P. 23.

³⁶² Там же. P. 149-151.

³⁶³ Само слово labor употребляется в «Георгиках» 33 раза.

... labor omnia vicit³⁶⁴

improbus et duris ingens in rebus egestas.

Труд improbus и огромная нужда в суровых обстоятельствах победили все.
(Georg. I. 145-146).

Наибольшие затруднения здесь вызывает понимание и перевод словосочетания labor improbus, что тесно связано с общей интерпретацией поэмы³⁶⁵. Эпитет improbus стоит в эмфатической позиции, в начале стиха, что подчеркивает особую его важность³⁶⁶. Мы полагаем, что в improbus здесь сочетается несколько характеристик³⁶⁷: это продолжительность и беспрестанность труда, не уменьшающийся объем работы, возможно, даже жестокость по отношению и к земледельцу, и к земле.

Все же появление в жизни людей труда можно понять как положительно (необходимость трудиться привела к прогрессу и к изобретению ремесел, artes), так и отрицательно (это божественное наказание, а труд земледельца часто оказывается напрасным).

³⁶⁴ Еще в IV в. существовало чтение vincit, которое, впрочем, не принимается ни в одном из доступных нам изданий. См. Virgil. Georgics. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. P. 30.

³⁶⁵ См. Шаршукова О. В. *Labor* в «Георгиках» Вергилия. С. 114-129.

³⁶⁶ Подобно гесиодовскому σχετλίη (Op. 15). См. Virgil. Georgics. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. P. 30.

³⁶⁷ Сервий в комментарии сразу предлагает несколько трактовок: «или трудный [большой], или никому не приятный, или неутомимый, беспрестанный, без меры» (vel magnus, vel nulli probabilis, vel indefessus, adsiduus, sine moderatione, Serv. in Georg. I. 146 Thilo).

Плесси делает упор на избыточность (Oeuvres de Virgile. Texte Latin, publiées avec une introduction et de notes par F. Plessis. Paris, 1919. P. 101); Пейдж понимает improbus как «неразбровичый в средствах, не останавливающийся ни перед чем (P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica. With introduction and notes by T. E. Page. P. 200).

Среди сторонников так называемой «пессимистичной» интерпретации *labor improbus* можно назвать В. Рихтера³⁶⁸, Р. Майнорса³⁶⁹ и Р. Томаса. Последний приводит следующие аргументы³⁷⁰. Все препятствия в поэме очевидно не преодолеваются, поэтому нельзя понимать *labor omnia vincit* как «труд преодолел все». Кроме того, Р. Томас проводит параллель с *omnia vincit amor* («любовь побеждает все», *Ecl. X. 69*), где все подвластно страсти; следовательно, по его мнению, и в «Георгиках» «труд подчиняет себе все и всех», но не «преодолеывает все препятствия». Кроме того, *labor* даже изображается в «Энеиде» как адское чудовище (*Aen. VI. 277*)³⁷¹, *improbus* может иметь значение «нечестивый» (*OLD 2*), а *egestas* всегда имеет негативные коннотации.

В таком случае окончание Золотого века следует понимать как посланное Юпитером людям наказание. Но подобная интерпретация *labor improbus* противоречит тому, что, по всей видимости, боги и вселенная в «Георгиках» благосклонны к людям (или, по крайней мере, есть надежда на это).

В то же время согласно сторонникам³⁷² «прогрессивной»³⁷³, или «оптимистичной», интерпретации, здесь, в первой книге, речь идет не о преодолении всех возможных препятствий, а о прогрессе, об изобретении ремесел, которые помогли людям приспособиться к новым условиям. На это можно возразить, что миф о веках традиционно описывает деградацию человечества, а не прогресс. Впрочем, уже Лукреций в описании истории человечества, которым он заменяет миф о веках, восхищается прогрессом и развитием человечества (1361-1379). К тому же, как и в «Трудах и днях» Гесиода, старания трудолюбивого крестьянина все же не напрасны, и возникающие препятствия возможно преодолеть. *Vicit* же имеет значение «победил», но не

³⁶⁸ P. Vergilii Maronis *Georgica*. Herausgegeben von W. Richter. S. 139.

³⁶⁹ Virgil. *Georgics*. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. P. 30.

³⁷⁰ Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 93-92.

³⁷¹ Campbell J. S. *Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics*. P. 232.

³⁷² Например, см. Wilkinson L. P. *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. P. 141.

³⁷³ По формулировке Р. Дженкинса. Jenkyns R. *Labor improbus*. P. 243.

«разрушил», и, хотя человек подвластен Труд и Нужде, они заставляют его идти вперед, но не уничтожают. Р. Дженкинс даже полагает, что словосочетание labor improbus может подразумевать и иронию (подобно русскому «чертов труд»)³⁷⁴. К тому же, понятие labor практически всегда связано с доблестью³⁷⁵.

Все же сразу после мифа о веках и рассказа о появлении труда и artes следует перечисление всевозможных угроз плодам земледельческого труда (сорняки, вредители или засуха, Georg. I. 150-159). Поэтому здесь действительно возникает очень важный для понимания поэмы вопрос: напрасны ли труды земледельца, или все же есть надежда, что старания увенчаются успехом?

4.2.2. Труд в III книге «Георгик»

В третьей книге поэмы кажется, что человеческий труд напрасен, а плоды его погибнут.

Еще в начале книги есть ожидание катастрофы в конце. У всех смертных в конце жизни остаются лишь несчастья: болезни, печальная старость и также labor:

optima quaeque dies miseris mortalibus aevi
prima fugit; subeunt morbi tristisque senectus
et labor, et durae rapit inclementia mortis.

Лучшее время жизни несчастных смертных убегают быстрее всего; подкрадываются болезни, печальная старость и труд [страдания³⁷⁶], и неумолимая суровая смерть похищает их (Georg. III. 66-68).

И действительно, труд старого коня назван «неблагодарным», ingratus (frustraue laborem | ingratum trahit, 97-98).

В третьей книге описываются две стихии, которые могут погубить смертных и плоды человеческого труда. Это страсть, amor, из-за которой животные, выращенные человеком, могут убить друг друга и даже хозяина (268), и болезнь, которой так же, как и влечению, подвержены все (480).

³⁷⁴ Jenkyns R. Labor improbus. P. 243-248.

³⁷⁵ Campbell J. S. Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics. P. 233.

³⁷⁶ См. OLD 6.

Несмотря на то что бык не подвержен людским порокам и его жизнь не может быть несправедливой, он все равно погибает (527-530) и его труды не имеют значения (*quid labor aut benefacta iuvant?* 525). В отличие от поэмы Лукреция, где избавление от страха и забот ведет к отсутствию страданий, в третьей книге «Георгик» Вергилия ничего из этого не помогает. Также погибают и кони, которых человек с детства приучал к труду или сражениям (498-499).

Даже artes, искусства, которые появились у людей в первой книге поэмы, не могут победить болезнь, и даже, наоборот, наносят вред³⁷⁷. Более того, знание также терпит неудачу³⁷⁸:

quaesitaeque nocent artes; cessere magistri.

И найденные искусства вредят; отступили знатоки (Georg. III. 549).

Если в первой книге поэмы было показано, что плоды земледельческого труда нестабильны, здесь мы видим, что труд может оказаться напрасным перед лицом непреодолимой стихии и смерти.

4.2.3. Труд корикийского старика

В то же время в поэме есть и другие образы труда. Дж. Кэмпбелл о *labor improbus* в первой книге пишет, что *improbus* подразумевает и *probus*³⁷⁹, и мы полагаем, что труд в «Георгиках» может быть и таким³⁸⁰. Например, это труд земледельцев в конце второй книги, труд пчел, Аристея (и Орфея) в четвертой, а также труд корикийского старика в отступлении в четвертой книги.

Рассказ о корикийском старике – это отступление в четвертой книге «Георгик» (116-148). Здесь Вергилий из-за недостатка времени и ограниченного

³⁷⁷ Virgil. Georgics. Vol. 2: Books III-IV. Ed. by R. F. Thomas. P. 143.

³⁷⁸ Clare R. J. Chiron, Melampus and Tisiphone: Myth and Meaning in Virgil's Plague of Noricum // Hermathena. 1995. 158. P. 105.

³⁷⁹ Campbell J. S. The Ambiguity of Progress: "Georgics" I, 118-159. P. 574.

³⁸⁰ Как отмечает Дж. Клей, *labor, mens* и *amor* для всех разные (Clay J. S. The Old Man in the Garden: "Georgic" 4. 116-148. P. 62.)

объема поэмы отказывается писать о садоводстве, но все же кратко описывает сад корикийского старика.

Поэт вспоминает, что якобы сам его видел (*memini me... vidisse senem*, 125-127). Несмотря на то что у него был небольшой участок неплодородной земли, он всегда собирал обильный урожай. Его труд никогда не является напрасным (140-141), и очевидно, что его нельзя назвать *improbus*..

Более того, труд корикийского старика ни разу не называется *labor*, и даже не упоминается вовсе. Корикийский старик живет словно в условиях Золотого века, когда земля давала плоды сама по себе, хотя мы и понимаем, что это не так, что он существует в условиях несовершенного Железного века и потому должен трудиться.

В его жизни нет забот и тревог, он довольствовался малым, как земледельцы в конце второй книги, но приравнивал свое богатство к богатству царей (*regum aequabat opes*, 132).

Корикийский старик практически олицетворяет лукрецианский, эпикурейский идеал³⁸¹: он существует практически независимо от общества (хотя, вероятно, выращивает цветы на продажу, но об этом не упоминается), лишен политических амбиций и страсти³⁸² (как и пчелы в четвертой книге, но пчелы, в отличие от него, живут коллективно). Его также нельзя считать олицетворением римской добродетели: в его жизни нет семьи, и он не принимает участия в общественной жизни³⁸³. Мы полагаем, что в этом отступлении Вергилий отказывается воспевать не только сады, но и лукрецианский идеал, как и в конце второй книги (*Felix qui potuit rerum cognoscere causas*, 490; *fortunatus et ille deos qui novit agrestis*, 493).

³⁸¹ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 182-183.

³⁸² Clay J. S. *The Old Man in the Garden: "Georgic" 4*. 116-148. P. 61.

³⁸³ Там же. P. 61.

4.2.4. Труд земледельцев в конце второй книги «Георгик»³⁸⁴

Вторая книга поэмы Вергилия заканчивается описанием счастливой жизни земледельцев.

Их существование приближено к условиям Золотого века: хотя Справедливость и покинула землю, она оставила последние следы в деревне (*extrema per illos | Iustitia excedens terris vestigia fecit*, II. 473-474). Земля, словно в Золотом веке, «изливает из почвы легкое пропитание», и в жизни земледельцев нет места раздорам и войнам:

... *Quibus ipsa procul discordibus armis*

Fundit humo facilem victum iustissima tellus (II. 458-460).

Более того, в конце книги говорится, что подобной жизнью жил сам Сатурн (*aureus hanc vitam in terris Saturnus agebat*, II. 538).

Читатель понимает, что, несмотря на это, крестьяне в «Георгиках» все же живут в условиях Железного века, и очевидно, что они возделывают землю (что подразумевает даже само слово *agricolae*, 459). В то же время их труд (не названный *labor*) противопоставляется *labor improbus* в первой книге поэмы.

Мы полагаем, что есть два условия, благодаря которым жизнь земледельцев близка к идеальной.

Во-первых, это благочестие, знание и почитание сельских богов, что Вергилий здесь противопоставляет эпикурейскому познанию природы вещей):

*fortunatus et ille deos qui novit*³⁸⁵ *agrestis,*

Panaque Silvanumque Senem Nymphasque sorores (II. 493-494).

Во-вторых, крестьяне лишены многих свойственных Железному веку пороков, процветающих среди горожан: стремления к власти (501-504), к наживе и накоплению богатств (505-507), к славе (508-9). Безмятежная деревенская жизнь здесь противопоставляется порочной городской³⁸⁶.

³⁸⁴ См. также Шаршукова О. В. *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (II. 460).

³⁸⁵ В то же время здесь идет речь не только о почитании богов, но и о познании их, что смягчает противопоставление; не наука противопоставляется религии, а одно знание – другому.

³⁸⁶ Perkell C. *The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Virgil*. P. 25.

4.2.5. Труд пчел

Пчелы, которым посвящена значительная часть четвертой книги поэмы, проводят всю жизнь в труде, и, хотя они живут в условиях Железного века³⁸⁷, их труд вовсе не является напрасным.

Труд пчел далек от *labor improbus* из первой книги поэмы. Они даже трудятся с удовольствием (*nescio qua dulcedine laetae*, IV. 55). В отличие от человека (и подобно людям в Золотом веке), они не пахут землю и соответственно не причиняют ей вреда. Кроме того, пчелы, хотя и смертны и подвержены болезням (IV. 251-252), все же не умирают окончательно (206-209); даже погибший рой можно восстановить с помощью бугонии (281-282). Пчелы едины в труде, причем Вергилий пишет об этом в таких же выражениях, как о том, что все подвержены страсти и болезни: *labor omnibus unus* (IV. 184).

У них есть семь чудесных качеств: единство и социальная организация, разделение труда, трудолюбие, здоровье, изобретательность, невинность и жертвенность³⁸⁸.

Эти чудесные свойства, возможность во времена Железного века жить в условиях, близких к Золотому, даровал им Юпитер в благодарность за то, что они вскормили его в Диктейской пещере:

Nunc age, naturas apibus quas Iuppiter ipse
addidit expediam, pro qua mercede canoros
Curetum sonitus crepitantiaque aera secutae
Dictaeo caeli regem pavere sub antro.

Теперь давай я расскажу, какие свойства даровал пчелам сам Юпитер, за какое вознаграждение они, последовав за певучим шумом и звенящей медью куретов, вскормили царя неба в Диктейской пещере (Georg. IV. 149-152).

Кроме божественного покровительства, условия жизни пчел поддерживает и человек. В начале книги рассказывается о наилучшем месте для расположения

³⁸⁷ Например, они склонны к стяжательству богатств (IV. 176) или могут воевать друг с другом (IV. 67-68); этих пороков не может быть у людей в Золотом веке.

³⁸⁸ Lee M. O. *Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics*. P. 96.

улья, о том, как оберегать пчел от вредителей и как заботиться о них (8-50). Задача человека – и предотвращение (или прекращение) раздоров среди пчел (106).

Единство пчел, другие их качества (*labor, fortitudo* и *concordia*³⁸⁹) позволяют провести параллель между пчелами и идеалом человеческого (римского) общества. Пчелы даже названы Квиритами (201). Вероятно, если бы римляне в большей степени обладали такими качествами, гражданские войны могли бы и не разразиться³⁹⁰. Подобно тому как человек поддерживает условия жизни пчел близкими к условиям Золотого века и должен прекратить войны между ними, Октавиан должен хранить мир и процветание в Риме.

В то же время труд пчел – все же не труд людей, и окончательно стирать границу между пчелиным и человеческим обществом, вероятно, не следует. В частности, Дж. Клей отмечает, что у общества пчел больше сходства с идеальным обществом в «Государстве» Платона, чем с римским времен Августа³⁹¹.

4.2.6. Труды Аристея и Орфея

Для интерпретации *labor improbus* многие исследователи³⁹² обращаются к концовке поэмы, где излагается миф об Аристее и Орфее.

Действительно, старания Аристея (которые, впрочем, ни разу не называются *labor*) оказались не напрасными, и он получил новый рой пчел взамен погибшего (IV. 555-556). В то же время Орфей потерпел неудачу (и его труд назван *labor*): *ibi omnis | effusus labor atque immitis rupta tyranni | foedera* (тогда все труды оказались бесплодными, и был расторгнут договор с безжалостным тираном, IV. 491-493).

³⁸⁹ Griffin J. The Fourth 'Georgic', Virgil, and Rome. P. 63.

³⁹⁰ Там же. P. 70.

³⁹¹ Clay J. S. The Old Man in the Garden: "Georgic" 4. 116-148. P. 62.

³⁹² Campbell J. S. Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics. P. 236; Lee M. O. Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics. P. 123.

Аристей очевидно живет в условиях Железного века. Он так же, как и другие смертные (в отличие от пчел или корикийского старика), подвержен amor: ведь именно преследование Эвридики привело к тому, что он потерял свой рой³⁹³.

Мы полагаем, что труды Аристея, несмотря на все это, увенчались успехом, потому что он не идет против установленных правил, а, наоборот, подчиняется им, выполняет божественные указания:

Haud mora, continuo matris praescepta facessit...

Тут же он без промедления исполнил наставления матери (IV. 548).

Его труд не выходит за рамки дозволенного, его нельзя назвать *improbis*. Поэтому, несмотря на вину в гибели Эвридики, Аристей может отбросить заботы (*deponere curas*, IV. 531), и боги даруют его трудам успешное завершение.

Вероятно, здесь речь идет не только о труде Аристея или о труде земледельца. Дело в том, что *praescepta* – это еще и наставления, которые передает сам дидактический поэт. Так, Вергилий в начале первой книги пишет:

*Possum multa tibi veterum praescepta referre,
ni refugis tenuisque piget cognoscere curas.*

Я могу передать тебе многие наставления древних, если ты не будешь противиться и если тебе не будет неприятно узнать о незначительных заботах (I. 176-177)³⁹⁴.

Мы полагаем, что в IV. 458 также может подразумеваться и сама поэма, ее дидактическая функция: как Аристей в точности выполнил указания матери, так и читатель³⁹⁵ должен принимать к сведению и выполнять указания поэта. Если в конце третьей книги казалось, что учение напрасно (*cessere magistri*, III. 549), здесь все же оказывается, что это не так.

³⁹³ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 184.

³⁹⁴ О понимании *tenuis curas* здесь см. Шаршукова О. В. *Angustae res* в «Георгиках» Вергилия. С. 1275-1276.

³⁹⁵ Вероятно, в том числе и Октавиан, который является одним из адресатов поэмы См. Lee M. *O. Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics*. P. 126.

Труды же Орфея оказались напрасными, потому что он не только не выполнил в точности указания богов, подобно Аристею, но напротив, обернулся на Эвридику и тем самым нарушил договор с Прозерпиной. Эвридика сама называет причину неудачи Орфея:

illa «quis et me» inquit «miseram et te perdidit, Orpheu,
quis tantus furor?

Она сказала: какое безумие погубило меня, несчастную, и тебя, Орфей? (IV. 494-495).

Хотя furor здесь можно понять и как гнев какого-либо божества, вполне вероятно, что это безумие, охватившее самого Орфея³⁹⁶. Орфей в своей любви выходит за дозволенные богами пределы, и он был наказан за эту дерзость.

4.2.7. Труд поэта

Кроме того, труд в «Георгиках» – это еще и сама поэма, которую Вергилий трижды называет labor. Дважды он сравнивает поэму с кораблем.

В начале второй книги Вергилий пишет:

tuque ades inceptumque una decurre laborem,
o decus, o famae merito pars maxima nostrae,
Maecenas, pelagoque volans da vela patenti.

Ты же, о Меценат, украшение и большая часть нашей славы, помоги и сопроводи меня до конца в начатом труде и, летя по открытому морю, отдай паруса (II. 39-41).

Здесь Вергилий просит Мецената о покровительстве, необходимом для завершения работы, а в четвертой книге труд поэта уже близок к завершению, и потому он отказывается воспевать сады (IV. 116-117).

В начале четвертой книги Вергилий высказывает надежду, что боги поспособствуют его труду, а враждебные силы – не помешают:

in tenui labor; at tenuis non gloria, si quem

³⁹⁶ См. Griffin J. The Fourth 'Georgic', Virgil, and Rome P. 73; Campbell J. S. Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics. P. 236; Lee M. O. Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics. P. 125.

numina laeva sinunt auditque vocatus Apollo.

*Мой труд в мелочах; но слава не будет мелкой*³⁹⁷, если позволят неблагосклонные боги и услышит призванный Аполлон (Georg. IV. 6-7).

М. Ли предполагает, что numina laeva – это неблагоприятные божественные силы, из-за которых мир «Георгик» может погибнуть (например, как в конце третьей книги поэмы); но благочестие и молитва может защитить от них³⁹⁸.

Поэт надеется, что при благосклонности покровителя (Мецената и Октавиана, обращениями к которому начинается и завершается поэма) и богов его труд будет успешно завершен и не окажется напрасным, как и труд Аристея, пчел или земледельцев в конце второй книги.

4.2.8. Труд в «Георгиках»: выводы

Труд – одно из центральных понятий поэмы Вергилия. В условиях Железного века, как и в «Трудах и днях» Гесиода, труд неизбежен, но он может быть разным.

В первой книге поэмы Вергилий пишет о labor improbus: это беспрестанный труд, который может быть даже жестоким не только по отношению к крестьянину, но и к земле. Перед земледельцем возникают различные препятствия, которые грозят уничтожить плоды его труда. И в третьей книге «Георгик» кажется, что перед лицом стихии труд вовсе не имеет значения.

В то же время в конце второй книги живущие в условиях Железного века земледельцы процветают, их труд не приносит им страданий и, по всей видимости, не является напрасным. Мы полагаем, что так происходит, потому что они почитают сельских богов, а также лишены пороков Железного века, присущих горожанам.

В четвертой же книге показан труд пчел, который также совершенно не похож на labor improbus земледельца в начале поэмы. Пчелы трудятся с удовольствием, плоды их труда не погибают, и даже сам рой не гибнет

³⁹⁷ См. Шаршукова О. В. *Angustae res* в «Георгиках» Вергилия. С. 1276.

³⁹⁸ Lee M. O. *Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics*. P. 127.

окончательно. Возможность так жить им дал Юпитер, но и человек должен поддерживать условия жизни пчел.

История Аристея и Орфея также показывает, что благочестие и выполнение божественных указаний дает надежду на успех трудов, а дерзость, нарушение границ, гибрис ведет к катастрофе.

Также и сам поэт надеется на защиту и помощь покровителя и богов.

Надежда на то, что труд не пропадет, в «Георгиках» есть, как и в «Трудах и днях» Гесиода. Идеал труда, близкий к эпикурейскому, Вергилий также показывает в отступлении о корикийском старике, но все же отказывается от него.

§5. Справедливость в дидактических поэмах

5.1. Справедливость в дидактической традиции

Сожаление о Справедливости, которая покинула землю, и надежда на то, что ее следы еще где-то сохранились, также, как и миф о веках, является одной из важнейших тем «Трудов и дней» Гесиода, «Явлений» Арата и «Георгик» Вергилия³⁹⁹.

В «Трудах и днях» Гесиод часто призывает Перса быть справедливым (например, ὦ Πέρση, σὺ δ' ἄκουε δίκης – Ор. 214), и это один из главных уроков поэмы.

Также важная характеристика Железного века у Гесиода – уход Совести и Стыда (Αἰδῶς καὶ Νέμεσις, Ор. 200). Поэт предсказывает, что они покинут землю, возможно, ужаснувшись людским деяниям. Впрочем, здесь не вполне ясно,

³⁹⁹ См. Toohy P. Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. P. 2.

Но в то же время, например, в поэме Лукреция «О природе вещей» эта проблема не столь важна. Если ученик философа будет соблюдать его наставления, в данном случае – познает природу вещей и избавится от страха смерти, ему не будут страшны никакие невзгоды, соответственно, наличие в мире справедливости не имеет большого значения. Хотя в поэме Лукреция мир враждебен по отношению к человеку по природе (Gale M. Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition. P. 164), поэт предлагает средство, которое может сделать это безразличным для читателя.

является ли их уход следствием деградации человечества, или же, наоборот, одной из ее причин.

В то же время Гесиод показывает, что, если соблюдать справедливость, боги даруют приближенную к условиям Золотого века жизнь:

Οἱ δὲ δίκας ξείνοισι καὶ ἐνδήμοισι διδοῦσιν
ἰθείας καὶ μὴ τι παρεκβαίνουσι δικαίου,
τοῖσι τέθηλε πόλις, λαοὶ δ' ἀνθεῦσιν ἐν αὐτῇ·

А те, кто дает и чужеземцам, и своим справедливый суд и не отступает от справедливости, у тех процветает город, и народы цветут в нем (225-227).

Понятие справедливости в поэме Гесиода включает в себя честный суд по отношению ко всем (Op. 225), соблюдение клятв (190), почитание старших (185), вероятно, также неприятие насилия (192).

Картина мира у Гесиода не столь безнадежна, как может показаться по одному мифу о веках (в таком случае поучение о справедливости и труде не имело бы смысла). Соблюдение справедливости в «Трудах и днях» – необходимое условие счастливой жизни.

Дева-Справедливость – центральная фигура мифа о веках в «Явлениях» Арата (у Гесиода это был Зевс), ведь этот миф объясняет происхождение созвездия Девы. В Золотом веке она жила вместе с людьми (δῆθεν ἐπιχθονίη πάρος ἦεν, Phaen. 101), в Серебряном – являлась к ним уже реже, а затем вовсе покинула землю. Справедливость призывала людей к честным законам (107) и, по всей видимости, предостерегала от насилия (108).

В отличие от Гесиода, поэт прямо называет причины ее ухода: она покинула землю, возненавидев род людей (καὶ τότε μισήσασα Δίκη κείνων γένος ἀνδρῶν | ἔπταθ' ὑπουρανίη, Phaen. 133-134). При этом, с одной стороны, Справедливость у Арата ушла насовсем, и, в отличие от «Трудов и дней» Гесиода или «Георгик» Вергилия, поэт не пишет, что где-то остались ее следы. С другой стороны, ночью Деву-Справедливость по-прежнему можно увидеть в виде созвездия (135), и в целом вселенная и боги в поэме благосклонны к человеку. Также Справедливость находится в центре мифа о веках у Арата, но соблюдение справедливости – все же, скорее всего, не главный урок «Явлений».

Лукреций же отказывается от традиционного мифа о веках в связи с иными задачами поэмы. Слово *iustitia* в «О природе вещей» не употребляется вовсе; залог счастливой жизни для Лукреция – это познание природы вещей и соблюдение эпикурейских наставлений.

5.2. Справедливость в «Георгиках» Вергилия⁴⁰⁰

Справедливость является одним из важнейших понятий «Георгик» Вергилия. В отличие от поэм Гесиода и Арата, Вергилий разделяет миф о веках и рассказ о том, что Справедливость покинула землю. В конце второй книги поэмы, описывая близкую к условиям Сатурнова века жизнь крестьян, поэт, видимо, ссылается на Деву Арата⁴⁰¹: *extrema per illos | Iustitia excedens terris uestigia fecit* (*среди них Справедливость, уходя, оставила последние следы*, II. 473-474).

В отличие от «Явлений» Арата, в «Георгиках» причины ухода Справедливости не названы. Более того, Вергилий пишет не о том, как и почему Справедливость ушла, а лишь о том, что на земле остались ее следы.

Эти слова завершают отступление, которое начинается следующим образом:

O fortunatos nimium, sua si bona norint,
agricolas! Quibus ipsa procul discordibus armis
fundit humo facilem victum iustissima tellus.

О безмерно счастливые, если осознают свои блага, земледельцы! Для них сама справедливейшая земля вдали от раздоров и войн изливает из почвы доступное пропитание (II. 458-460). – Таким образом мотив справедливости (*iustissima tellus* – *Iustitia*) создает рамку⁴⁰².

В то же время, хотя очевидно, что понятие справедливости здесь важно, не вполне ясно, в чем именно она заключается. Например, словосочетание *iustissima tellus* можно трактовать по-разному. Сервий пишет, что земля является справедливейшей, потому что отдает назад и приумножает принятые семена (Serv.

⁴⁰⁰ См. Шаршукова О. В. *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (II. 460). С. 1181-1191.

⁴⁰¹ Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 249.

⁴⁰² Там же. P. 246.

Georg. II. 460. Thilo). Но также можно считать, что справедливость земли здесь заключается в том, что она дает человеку все необходимое⁴⁰³.

Также очевидны параллели между описанием безмятежной жизни крестьян в конце второй книги и описаниями Золотого века в «Георгиках» и в предшествующей традиции. Земля дает пищу сама (*fundit humo facilem victum iustissima tellus*), подобно тому, как было в «Георгиках» до Юпитера (*ipsaque tellus | omnia liberius nullo poscente ferebat*, I. 127-128). В конце книги Вергилий пишет, что подобную жизнь вел сам Сатурн (*aureus hanc vitam in terris saturnus agebat*, 538).

Ст. 460 (*fundit humo facilem victum iustissima tellus*) также напоминает и о Золотом веке в «Трудах и днях» Гесиода⁴⁰⁴, когда земля давала изобильное пропитание сама по себе (*καρπὸν δ' ἔφερε ζείδωρος ἄρουρα | αὐτομάτη πολλὸν τε καὶ ἄφθονον*, Op. 117-118). В то же время подобным образом Гесиод пишет и о городе справедливых людей: *τοῖσι φέρει μὲν γαῖα πολλὸν βίον* – земля приносит им обильную пищу, Op. 232. Как и земледельцы в конце второй книги «Георгик», эти люди живут в условиях нынешнего, железного века, но, поскольку они соблюдают справедливость, боги дают им жизнь, похожую на жизнь Золотого поколения.

Как и в поэме Гесиода, в «Георгиках» обнаруживается некоторое противоречие между тем описанием близкого к условиям Золотого века существования и мифом о веках (ведь Золотой век закончился, и все это происходит в нынешнее время, в Железном веке). Юпитер в начале поэмы «не захотел, чтобы путь земледельца был легким» (*haud facilem esse viam voluit*, I. 122), здесь же мы видим, что земля дает людям «легкое пропитание» (*facilem victum*, II. 460).

Некоторые исследователи полагают, что жизнь в эпоху Юпитера нелегка, и, следовательно, несправедлива. А поэма Вергилия в целом – об отсутствующей в мире справедливости, и противоречие между окончанием Золотого века и жизнью

⁴⁰³ P. Vergili Maronis Opera. With a commentary by J. Conington. P. 269.

⁴⁰⁴ Gale M. Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition. P. 38.

земледельцев в конце второй книги это лишь подчеркивает; Вергилий показывает нам недостижимый идеал. Хотя для некоторых в «Георгиках» справедливость и существует, она не является частью миропорядка⁴⁰⁵. Р. Томас полагает, что в конце второй книги Вергилий показывает некий идиллический мир, где, в отличие от остальной поэмы, почитание богов и старцев, *religio* и *pietas*, имеют значение⁴⁰⁶.

По мнению других ученых, здесь изображен Сатурнов век таким, какой он был до Юпитера; здесь труд вознаграждается *divini gloria ruris* («славой божественной деревни»)⁴⁰⁷.

В то же время очевидно, что в жизни крестьян присутствует земледельческий труд. Как отмечает М. Гейл, для плодов труда земледельца в конце второй книги по-прежнему существуют угрозы (371-379, 419), а землю нужно возделывать⁴⁰⁸. А. Цанкер называет подобную ситуацию «сельскохозяйственным золотым веком»⁴⁰⁹.

В то же время возникает вопрос: что именно позволяет крестьянам жить в подобных условиях? В то время как Гесиод объясняет возможность счастливой жизни в условиях Железного века тем, что подобная жизнь – дар богов в награду за соблюдение справедливости, Вергилий точного объяснения не дает. В то время как пчелам их «чудесные» свойства даровал Юпитер, Аристей получил успешное завершение трудов, в точности выполнив божественные указания, в случае крестьян в конце второй книги, вероятно, этим условием является благочестие (*sacra deum sanctique patres*, II. 473). Как отмечает Дж. Пеллицер, вести подобную жизнь крестьянам позволяет их невинность; в их жизни нет войн, а своего счастья они даже не осознают⁴¹⁰.

⁴⁰⁵ Horne A. J. *Georgic Justice // Vergilius*. 2018. P. 103-106; 114.

⁴⁰⁶ Virgil. *Georgics*. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. P. 249.

⁴⁰⁷ Wilkinson L. P. *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. P. 145.

⁴⁰⁸ Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. P. 167.

⁴⁰⁹ Zanker, A. T. *Late Horatian Lyric and the Virgilian Golden Age*. P. 501.

⁴¹⁰ Pellicer J. H. *Virgil's "Georgics" II in "Paradise Lost" // Translation and Literature*. 2005. P. 131.

Крестьянам действительно не свойственны пороки Железного века, присущие городским жителям. Вергилий здесь противопоставляет не только идиллическую жизнь крестьян *labor improbus* первой книги, но и сельскую жизнь – городской («порицает городскую жизнь» – [vitam] urbanam vituperat, Serv. Georg. II. 461 Thilo). Горожане, в отличие от крестьян, проводят большую часть жизни в интригах и в тяжелом труде (aut (in) insidiis, aut in labore, Serv. Georg. II. 467 Thilo). Искусственность и порочность городской жизни Вергилий последовательно подчеркивает с помощью ряда глаголов: vomit (изрыгает, 462), inhiant (глазеют, 463), fucatur (окрашивается, 465), corrumpitur (портится, 466)⁴¹¹.

В то же время мы полагаем, что описание счастливой жизни крестьян в конце второй книги – не просто констатация факта, а призыв бежать из города, адресованный поэтом и читателям, и самому себе. Ведь очевидно, что предполагаемые читатели «Георгик» – не крестьяне, а горожане, пережившие эпоху гражданских войн, а Вергилий, вероятно, сочувствовал аграрной политике Октавиана⁴¹². При этом важно отметить, что этот призыв не буколический, а скорее побуждение к занятию земледелием.

Кроме того, здесь можно увидеть и обращение, молитву к богине Tellus. Поэма Вергилия начинается с обращения к сельским божествам, основанном на аналогичном обращении Варрона, но двое из божеств у Вергилия, в отличие от Варрона, в начале произведения не упоминаются: это Юпитер и Земля (Tellus). В то же время в «Георгиках» они оказываются главными фигурами, связанными с мифом о веках: Юпитер положил конец Золотому веку в первой книге поэмы, а

⁴¹¹ Perkell C. The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Virgil. P. 25.

⁴¹² P. Vergilius Maro. Georgica. Band 2: Kommentar. M. Erren. S. 514.

Tellus (если считать ее персонифицированной⁴¹³) появляется в конце второй книги.

«Похвала сельской жизни» у Вергилия начинается с конъюнктива (хотя субъект при нем – не tellus, а земледельцы)⁴¹⁴:

O fortunatos nimium, sua si bona norint,
agricolas!

Мы полагаем, что Вергилий здесь высказывает надежду на то, что Tellus, земля, будет справедливой по отношению к людям. Надежда на то, что справедливость можно найти, в «Георгиках» есть. Если у Гесиода главные условия благополучной жизни – честный труд, соблюдение справедливости и благочестия,

⁴¹³ Вероятно, tellus в некоторой степени персонифицирована в конце первой книги, где перечисляются знамения гибели Цезаря (I. 469), поскольку стоит в одном ряду с живыми существами. Также человек в первой книге получил власть над землей, словно над живым существом (exercetque tellurem atque imperat arvis, I. 99). Италию во второй книге Вергилий называет Saturnia tellus (II. 173).

М. Гейл, сравнив упоминания tellus в «Георгиках» и в «О природе вещей», делает вывод, что ее персонификация у Вергилия выражена значительно сильнее, чем у Лукреция (Gale M. Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition. P. 216).

⁴¹⁴ Можно провести параллель между этими стихами (и iustissima tellus в 460 ст.) и следующим местом из первой книги Проперция:

quarum nulla tua fuerit mihi, Cynthia, forma
gratior, et (Tellus hoc ita iusta sinat),
quamvis longae te remorentur fata senectae... (Prop. I. 19. 15-17).

Tellus hoc ita iusta sinat здесь, скорее всего, нужно понимать, как обращение к Tellus, мольбу о том, чтобы она позволила Кинфии долго прожить, как пролептическую конструкцию (utinam iusta sis et sinas). См. Шаршукова О. В. *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (II. 460). С. 1189-1190.

Ср. также Hor. Carm. Saec. 29-30 (Zanker, A. T. Late Horatian Lyric and the Virgilian Golden Age. P. 506):

Fertilis frugum pecorisque tellus
Spicea donet Cererem corona...

у Вергилия, видимо, – труд, почитание богов и выполнение наставлений (praesep̄ta, которые излагает поэт и которым последовал Аристей). Последнее относится и к поэме Лукреция – ведь именно следование эпикурейским заветам приведет читателя к счастью.

Справедливость же по отношению к людям в «Георгиках», по всей видимости, заключается в том, что их труд не напрасен, и в их жизни нет междоусобиц и войн.

Более того, в «Георгиках» (вероятно, в отличие от «Трудов и дней») есть надежда и на искупление вины: хотя Аристей и послужил косвенной причиной гибели Эвридики, ему все равно дается успешное завершение трудов⁴¹⁵.

Выводы к главе IV

Многие из важных мотивов дидактических поэм так или иначе связаны с мифом о веках, который в свою очередь является одним из ключевых эпизодов в «Трудах и днях» Гесиода, «Явлениях» Арата и в «Георгиках» Вергилия. Война – одна из главных бед Железного века, и для дидактического эпоса характерны сожаления о войнах и междоусобицах. В мифе о веках также часто тем или иным образом рассказывается об уходе Справедливости, что играет важную роль в поэмах «Труды и дни», «Явления» и «Георгики». Кроме того, окончание Золотого века привело к необходимости трудиться, а труд – одно из важнейших понятий в большинстве дидактических поэм.

Гесиод рассматривает смену поколений как процесс деградации человечества. Боги могут наказать людей за нечестивость и другие пороки. Подобным образом можно интерпретировать и миф о веках в поэме Арата. Впрочем, смена поколений людей в «Явлениях» – не божественная кара, а естественный ход событий и следствие людских пороков.

Лукреций же, отказавшись от традиционного мифа о веках из-за эпикурейских представлений о невмешательстве богов в жизнь людей, в пятой книге поэмы описывает историю человечества и открытия различных металлов.

⁴¹⁵ Thomas R. F. The "Sacrifice" at the End of the Georgics. P. 126.

Здесь он пишет, с одной стороны, о моральной деградации людей: так, открытие меди принесло с собой войны. С другой стороны, поэт здесь воспекает и прогресс, например, развитие сельского хозяйства.

Вергилий в «Георгиках», в отличие от предшественников, прямо называет причину окончания Золотого века: Юпитер решил положить ему конец. В то же время мы полагаем, что не следует считать этот поступок Юпитера наказанием, поскольку он хотел подтолкнуть человечество к развитию. В результате в жизни людей появился труд и ремесла, то есть миф о веках у Вергилия парадоксальным образом рассказывает о деградации и прогрессе одновременно, подобно тому как и история человечества в пятой книге «О природе вещей». К тому же, в отличие от Гесиода и Арата, Вергилий не пишет о людских пороках и моральной деградации в том месте поэмы, где излагает миф о веках, хотя и сожалеет об этом в других частях «Георгик». Кроме того, вероятно, миф о веках в «Георгиках» можно назвать некоторым подобием этиологического мифа: он объясняет, как в жизни людей появился труд.

Дидактический эпос, в отличие от героического, воспекает мирный труд, а не войны и подвиги. В античности мы не находим дидактической поэмы об искусстве ведения войны.

Более того, все дидактические поэты сожалеют об ужасах войны. Гесиод называет войны и раздоры в числе главных бед, которые боги посылают людям в Железном веке. Склонность к войнам и насилию – также один из главных людских пороков в «Явлениях» Арата. Лукреций пишет, что гражданские войны препятствуют ему продолжать свой труд, а Меммию – внимать наставлениям. Вергилий в конце первой книги показывает ужасающую картину гражданских войн, а в конце поэмы противопоставляет великие деяния Августа своему труду, *ignobile otium* (хотя завоевания Октавиана, по всей видимости, хранят мир в Риме и как раз позволяют Вергилию заниматься поэзией).

В то же время дидактический поэт, как правило, предлагает какой-либо способ избежать ужасов войны. В «Трудах и днях» Гесиода боги не шлют людям войн, как и других бед Железного века, если они живут справедливо. Лукреций предлагает эпикурейскую отстраненность. В «Георгиках» Вергилия есть надежда

избежать войн (в особенности – междоусобных) при условии благосклонности богов и защиты покровителя.

Воля Зевса, которой невозможно избежать – также важный мотив «Трудов и дней» Гесиода. Зевс – главное действующее лицо мифа о веках в этой поэме. С одной стороны, он предстает своенравным и даже мстительным божеством, но, с другой стороны, он справедливо наказывает людей за их пороки и вознаграждает за справедливость. А поэма Арата «Явления» начинается с восхваления Зевса, где он в стоической традиции предстает благосклонным отцом, помогающим людям в их труде. Лукреций же отрицает возможность вмешательства богов в жизнь людей, и вместо Юпитера благосклонным отцом в поэме является Эпикур (названный как раз богом).

Мы полагаем, что боги в «Георгиках» все же благосклонны к людям. Юпитер прекратил Золотой век, чтобы подтолкнуть человечество к развитию. Хотя в результате этого в жизни людей появился труд, различные препятствия, угрожающие его плодам, войны и болезни, все же в поэме есть надежда на то, что труд окажется не напрасным, а беды получится избежать. Поэт также надеется на покровительство Октавиана, которого в начале поэмы обожествляет.

В «Георгиках» боги (и мифологические герои) также часто выступают в роли учителей, что в целом не характерно для предшествующей дидактической традиции. Так, Церера научила людей пахать, Дионис выступает в роли учителя виноделия, Триптолем показал плуг, а Аристей открыл искусство бугонии. Даже самого Юпитера можно рассматривать как учителя, поскольку именно он способствовал появлению artes.

Очевидно, что труд – одно из важнейших понятий дидактических поэм. В большинстве из них подразумевается, что изложенные сведения окажутся полезными для тех, кто занимается трудом, чаще всего – трудом физическим, например, земледелием или мореплаванием.

Дидактические поэты призывает адресатов к труду с разной степенью настойчивости: от навязчивых наставлений и даже угроз Гесиода или Лукреция (последний в силу характера поэмы призывает к труду интеллектуальному) до отстраненности Арата. В «Георгиках» учитель не столь настойчив, как Гесиод, но

в то же время ясно, что труд и соблюдение наставлений – необходимые условия счастливой жизни.

В «Трудах и днях» Гесиода труд рассматривается как наказание богов, он может быть тяжелым и приносить страдания. В то же время очевидно, что необходимость трудиться – один из главных уроков поэмы, и надежда на то, что труд не будет напрасным, все же есть. В «Явлениях» же Арата людей к труду призывает сам Зевс, к тому же вселенная устроена богами таким образом, чтобы облегчить труд земледельца.

Вергилий в «Георгиках» показывает разные образы труда. В том числе это *labor improbus*, тяжелый беспрестанный труд. Более того, в первой книге поэмы показано, что плоды труда земледельца нестабильны и для них существует множество различных угроз.

В то же время в конце второй книги поэмы мы видим, что земледельцы живут почти как в Золотом веке и их труд не напрасен. Вероятно, так происходит благодаря тому, что они почитают богов и лишены пороков Железного века, присущих горожанам. В четвертой же книге «Георгик» пчелы живут и трудятся в условиях, близким к условиям Золотого века. Эту возможность даровал им Юпитер, но также пчелы зависят и от покровительства и защиты человека. Труды же Аристея увенчались успехом благодаря тому, что он в точности исполнил божественные указания (вероятно, и адресат поэмы также должен следовать наставлениям поэта). Подобным образом и поэт надеется на то, что его труд, поэма, при благосклонности богов и защите покровителя не окажется напрасным.

Понятие справедливости также является ключевым для дидактического эпоса. Необходимость поступать справедливо – один из главных уроков поэмы Гесиода «Труды и дни». Несмотря на то, что поэт предсказывает, что Совесть и Стыд покинут людей Железного поколения, все же справедливым людям боги даруют возможность жить счастливо и не посылают им бед, несправедливых же, наоборот, наказывают. Справедливость для Гесиода – это в том числе честный суд и почитание старших.

Арат делает Справедливость главной фигурой мифа о веках. Она побуждала народы к честным законам, но затем, ужаснувшись порокам людей, покинула их.

Вергилий в конце второй книги «Георгик» упоминает, что Справедливость покинула землю, но в деревне, среди земледельцев, остались ее последние следы. В поэме есть надежда на то, что боги проявят к людям справедливость и труд людей не окажется напрасным, а в их жизни не будет междоусобиц и войн. В то же время в «Георгиках» есть и возможность искупления вины: Аристей, хотя и стал косвенной причиной гибели Эвридики, все же смог загладить вину, выполнив наставления и совершив жертвоприношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что в античности жанр дидактического эпоса практически не выделялся теоретиками, очевидно существование литературной традиции дидактического эпоса, последователем которой считает себя Вергилий в «Георгиках». Мы полагаем, что жанр здесь (как, вероятно, и во многих других случаях в античной литературе) практически равен литературной традиции. Эта традиция существует в памяти поэтов, и авторы, осознанно выбирая литературные образцы, становятся ее продолжателями.

Поэма Вергилия «Георгики» сознательно написана в рамках дидактической традиции, о чем говорит сам поэт. Гесиода как основателя традиции Вергилий называет прямо: его поэма – это «аскрейская песнь», которую он поет «по римским городам». Сельскохозяйственная тематика поэмы также напоминает читателю о «Трудах и днях».

В то же время, в отличие от «Буколик», у «Георгик» нет единого, главного, образца. Вергилий в «Георгиках» считает себя последователем и других дидактических поэтов, в особенности – Лукреция, Арата и Никандра. Так, название «Георгики» (а также, по всей видимости, и «печатка» в конце поэмы) заимствованы у Никандра. В то же время Вергилий отказывается от написания поэмы, подобной сухим каталогам Никандра. О поэме Лукреция Вергилий пишет в конце второй книги (*felix qui potuit rerum cognoscere causas*). Кроме того, очевидно, что Вергилий постоянно, не только здесь, обращается к «О природе вещей» и в то же время подвергает сомнению эпикурейские идеалы.

Стиль «Георгик» сам автор характеризует как торжественный (*angustis hunc addere rebus honorem*, III. 490). Мы полагаем, что Вергилий, впрочем, как и его предшественники, не считает дидактическое содержание слишком низменным для поэзии: вероятно, под *angustae res* имеются в виду мелкие детали. «Георгики» – поэма о мелочах, и Вергилий является продолжателем в том числе и каллимаховской традиции.

В композиции «Георгик» (что является в особенности важным, поскольку в дидактическом эпосе единство структуры заменяет единство сюжета) и отдельных книг поэмы также объединяются структурные особенности произведений

дидактической традиции. Например, первая книга «Георгик» построена подобно «Трудам и дням» Гесиода, а композиция третьей книги напоминает структуру «О природе вещей» Лукреция.

Кроме того, в сельскохозяйственных частях поэмы видно, что Вергилий использует прозаические произведения, в частности – трактат Варрона «О сельском хозяйстве», не только в качестве источника сведений. Порядок изложения наставлений у Вергилия во многом основан на композиционных принципах систематизатора Варрона. Поэма же начинается с основанного на трактате Варрона обращения к сельским богам, что подчеркивает важность прозаических источников для Вергилия. Дидактические поэмы эпохи эллинизма часто представляют собой переложение трактатов в стихи (чего мы не наблюдаем у Вергилия, который использует далеко не только произведение Варрона); но авторы этих поэм никогда не называют прямо своих прозаических предшественников.

Как и в поэмах «Труды и дни» и «О природе вещей», отступления в «Георгиках» представляют собой единую систему. Подобно гесиодовским и лукрецианским, они связаны с основным содержанием поэмы и имеют нравственное содержание и поучительную функцию, хотя Вергилий поучает не столь явно и настойчиво, как Гесиод. Отступления в поэме показывают, как в жизни людей появился труд, какие препятствия могут встать на пути земледельца и при каких условиях можно надеяться на то, что труд не окажется напрасным.

Миф о веках в «Георгиках» традиционно является одним из ключевых эпизодов поэмы. Если миф о веках в «Трудах и днях» и в «Явлениях» иллюстрирует деградацию человечества, в «Георгиках» он парадоксально рассказывает одновременно о деградации (точнее, об ухудшении условий жизни людей) и о развитии, прогрессе (об изобретении artes). Подобным образом Лукреций в пятой книге поэмы, описывая историю человечества, сожалеет о людских пороках и восхищается прогрессом; но этот эпизод у Лукреция не является мифом о веках в традиционном понимании. Также мы полагаем, что миф о веках в «Георгиках» близок и к типичному для дидактического эпоса этиологическому мифу, поскольку он объясняет появление труда в жизни людей.

В «Георгиках» Юпитер, подобно Зевсу в «Трудах и днях» и в поэме Арата, является важной фигурой. Мы полагаем, что Юпитер у Вергилия – все же благосклонное божество, несмотря на то, что он прекратил Золотой век, и в жизни людей теперь есть беды и страдания (подобным образом и Зевс в «Трудах и днях» все же является справедливым и не наказывает людей без причины). Дело в том, что Золотой век в «Георгиках» был завершен, чтобы подтолкнуть людей к развитию, а страданий Железного века возможно избежать при условии благочестия и выполнения наставлений богов.

В то же время вселенная «Георгик» не столь упорядочена, как созданный на благо людей мир в «Явлениях» Арата, а единой философской концепции Вергилий в «Георгиках» не придерживается, смешивая эпикурейские и стоические представления и отказываясь занять последовательную позицию.

Боги и герои в «Георгиках» часто выступают в роли культурных героев, учителей, и в этом также можно увидеть проявление благосклонности богов и мироздания к людям. Например, учителем человечества можно считать Юпитера, который способствовал появлению у людей artes. Также Церера в «Георгиках» научила людей земледелию, Вакх является учителем виноделия, Триптолем показал людям плуг, а Аристей научил людей искусству бугонии. Подобным культурных героев мы не наблюдаем у Гесиода (например, Прометей, давший людям огонь, был жестоко наказан) и в эллинистических дидактических поэмах. В то же время следы этого мы видим у Лукреция, который допускает возможность того, что Церера научила людей пахать, хотя и не придает этому большого значения. Главный же культурный герой в «О природе вещей» – это Эпикур, который дал людям великое знание и даже назван богом.

Также Вергилий, в отличие от Гесиода и Арата, которые начинают поэмы с Зевса, отказывается от восхваления Юпитера в начале поэмы (подобным образом поступает уже Лукреций, который начинает поэму не с главного благодетеля Эпикура, а с Венеры). Вместо этого сразу после обращения к сельским богам в первой книге «Георгик» следует похвала Октавиану. С одной стороны, его фигура – фигура покровителя людей – в некоторой степени заменяет аратовского благосклонного Зевса. С другой стороны, похвала Октавиану расположена в конце

вступления к поэме, где предшественники Вергилия, как правило, называют имя адресата наставлений, «ученика». Как мы полагаем, это говорит читателю о том, что Вергилий не только восхваляет правителя, но также и поучает его (ведь адресованное правителю поучение мы встречаем уже в «Трудах и днях» Гесиода).

Завершается же поэма противопоставлением великих завоеваний Августа и мирного труда Вергилия. Действительно, сочинение стихов – занятие, само по себе считавшееся *otium*. К тому же дидактическая поэма не воспекает войны и великие деяния; наоборот, война – одна из главных бед Железного века. Вергилий также показывает ужасающую картину гражданских войн в конце первой книги поэмы, и среди основных благ земледельцев в конце второй книги называет отсутствие в их жизни войн и междоусобиц, и потому написание дидактической поэмы – тем более *ignobile otium*. В то же время мы полагаем, что в конце поэмы Вергилий также выражает надежду на то, что Октавиан продолжит свое победное шествие: ведь с помощью завоеваний он хранит мир в Риме, что позволяет Вергилию заниматься своим трудом. Вероятно, в «Георгиках», в отличие от предшествующей традиции, принципиально осуждается не война вообще, а именно гражданские войны, и поэт надеется, при защите покровителя и благосклонности богов их можно избежать.

Как и в большинстве других дидактических поэм, труд – одно из важнейших понятий в «Георгиках». В первой книге Вергилий пишет о *labor improbus* – о тяжелом беспрестанном труде. Более того, в поэме рассказывается, что плоды труда земледельца могут быть уничтожены разными бедами Железного века: например, это вредители, стихия, болезнь или война.

В то же время в «Георгиках», как и во всех предшествующих дидактических поэмах, есть надежда на то, что труд не окажется напрасным. Вероятно, если бы это было не так, поэму нельзя было бы считать дидактической. Ведь очень сложно трудиться без надежды на успех, а большинство дидактических поэтов призывает «ученика» к труду того или иного рода.

От идеала труда, близкого к лукрецианскому, Вергилий отказывается в четвертой книге поэмы в отступлении о корикийском старике, который живет и трудится практически отдельно от общества. Его труд не напрасен и сильно

отличается от *labor improbus* первой книги, но Вергилий делает выбор в пользу других идеалов.

Так, труд земледельцев в конце второй книги «Георгик» не напрасен; более того, благодаря своему благочестию и отсутствию «городских» пороков они живут в условиях, приближенных к утраченному Золотому веку. Также не пропадает напрасно и труд пчел, которых защищает покровительство Юпитера и человека (вероятно, автор надеется, что и Октавиан будет защищать римлян подобным образом). Аристей же, в точности выполнивший полученные наставления, получает новый пчелиный рой взамен погибшего в отличие от Орфея, который пошел против богов и установленного миропорядка. Как мы полагаем, *praescepta*, полученные Аристеом – это и *praescepta* самого Вергилия; если читатель будет следовать наставлениям поэмы, он также может надеяться на успех.

Также, как и в «Трудах и днях» Гесиода и в «Явлениях» Арата, в «Георгиках» важно и понятие справедливости. В конце второй книги поэмы Вергилий упоминает, что Справедливость покинула землю, подобно Деве Арата. В то же время в деревне она оставила последние следы, и есть надежда, что, если люди почитают богов и непричастны к порокам Железного века, мироздание проявит к ним справедливость: в их жизни не будет междоусобиц, а земля даст им все необходимое.

Как мы видим, дидактическая традиция и отношение к ней авторов со временем трансформируется.

Обе поэмы Гесиода рассказывают о том, как устроено мироздание: в «Трудах и днях» речь идет о сельском хозяйстве, о взаимоотношениях человека, богов и мира, а «Теогония» посвящена генеалогии божеств. Если «Теогония» представляет собой каталог, перечисление богов и рассказ об их происхождении, то в «Трудах и днях» автор настойчиво призывает адресата к труду.

Арат и Никандр обращаются к поэмам Гесиода, в первую очередь – к «Теогонии», перечисляя сведения по определенной теме. Многие эллинистические дидактические поэмы представляют собой переложение в стихи прозаических трактатов, хотя сами авторы об этом никогда не пишут, рассматривая их только как источник информации. Использование мифа как

объяснения возникновения чего-либо берет начало от «Теогонии» Гесиода, но на это также повлиял общий интерес к этиологии в эпоху эллинизма. И все же литературный предшественник этих дидактических поэм – именно Гесиод, о чем пишет, например, Никандр. В то же время сухой стиль и «отстраненность» авторов этих дидактических поэм сильно отличается от того, что мы видим у Гесиода. Также их тематика, как правило, значительно более узкая и техническая, а воспеваемые Аратом идеалы уже не гесиодовские, а стоические.

Лукреций же в «О природе вещей» претендует на то, чтобы объяснить все аспекты устройства мироздания. Его поэма масштабнее, чем все предыдущие сохранившиеся дидактические поэмы, что проявляется и во внешних аспектах: «О природе вещей» значительно длиннее всех произведений предшественников. При этом композиция поэмы тщательно продумана. Лукреций бросает вызов не только традиционным представлениям об устройстве мироздания, но и предшествующей литературной традиции.

Поэма же Вергилия представляет собой синтез предшествующей дидактической традиции. Вергилий, тщательно следуя за дидактической традицией, возвращается к тематике и проблематике «Трудов и дней» Гесиода. В то же время можно предположить, что выбор тематики поэмы обусловлен не только традицией, но и сочувствием Вергилия аграрной политике Октавиана. В то же время Вергилий следует за своим римским предшественником Лукрецием в масштабе, в стремлении объяснить устройство жизни в целом. «Георгики» – состоящее из элементов дидактической традиции масштабное и композиционно продуманное целое, что сам Вергилий называет «аскрейской песнью на римский манер».

ЛИТЕРАТУРА

І. Издания, комментарии, переводы

1. Античные риторика. Пер. М. Л. Гаспарова. Комм. А. А. Тахо-Годи. М., 1978.
2. Басни Эзопа. Перевод, статья и комментарии М. Л. Гаспарова. М., 1968.
3. Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. Под ред. и с введ. ст. проф. М. И. Бурского. М. – Л., 1937.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I: от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. А. В. Лебедев. М., 1989.
5. Aratus. Phaenomena. Ed. by D. Kidd. Cambridge, 1997.
6. Bucolics, Aeneid, and Georgics of Vergil. Ed. by J. B. Greenough. Boston, 1900.
7. Callimachus. Ed. R. Pfeiffer. Vol. I: Fragmenta. Oxonii, 1949.
8. Callimachus. Ed. R. Pfeiffer. Vol. II: Hymni et Epigrammata. Oxonii, 1949.
9. Die Elegien der Sextus Propertius. Erklärt von M. Rothstein. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1898.
10. Hesiod. The Homeric Hymns and Homeric. Ed. by T. E. Page and W. H. D. Rouse. With an English Translation by H. G. Evelyn-White. London, New York, 1914.
11. Hesiod. Theogony. Ed. M. L. West. Oxford, 1966.
12. Manilius. Astronomica. With an English translation by G. P. Goold. London, 1977.
13. Propertius: Elegies. Ed. By W. A. Camps. Cambridge, 1961.
14. Titi Lucreti Cari De rerum natura libri sex. Ed. By C. Bailey. Vol. II: Commentary, Books I-III. Oxford, 1947.
15. T. Lucreti Cari De rerum natura libri sex. Rec. J. Martin. Lipsiae, 1957.
16. Vergil. Eclogues. Ed. by R. Coleman. Cambridge, 1977.
17. P. Vergilius Maro. Bucolica et Georgica. Ed. G. B. Conte. Berlin, 2013.
18. P. Vergili Maronis Opera. With a commentary by J. Conington. London, 1881.
19. P. Vergilius Maro. Georgica. Band 2: Kommentar. M. Erren. Heidelberg, 2003.

20. P. Vergilii Maronis Opera perpetua adnotatione illustrata a Ch. G. Heyne. Tom. I. Hauniae, 1778.
21. P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica. With introduction and notes by T. E. Page. London, 1963.
22. Oeuvres de Virgile. Texte Latin, publiées avec une introduction et de notes par F. Plessis. Paris, 1919.
23. P. Vergili Maronis opera. In usum scholarum iterum recognovit O. Ribbeck. Lipsiae, 1914.
24. P. Vergilii Maronis Georgica. Herausgegeben von W. Richter. München, 1957.
25. Virgil. Georgics. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. Oxford, 1990.
26. Virgil. Georgics. Vol. 1: Books I-II. Ed. by R. F. Thomas. Cambridge, 1988.
27. Virgil. Georgics. Vol. 2: Books III-IV. Ed. by R. F. Thomas. Cambridge, 1988.
28. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Bucolica et Georgica commentarii. Rec. G. Thilo. Lipsiae, 1887.
29. Sex. Aurelii Propertii Carmina. Rec. F. Jacob. Lipsiae, 1827.

II. Научная литература

30. Аверинцев С. С. Две тысячи лет с Вергилием // Поэты. С. С. Аверинцев М., 1996. С. 19-42.
31. Аверинцев С. С. Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Связь времен. С. С. Аверинцев. М., 2005. С. 81-128.
32. Фон Альбрехт М. История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на дальнейшие эпохи. Пер. А. И. Любжина. Том II. М., 2004.
33. Гаспаров М. Л. Вергилий, или Поэт будущего // Избранные статьи. Гаспаров М. Л. М., 1995. С. 395-415.
34. Гринцер Н. П., Гринцер П. А. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000.
35. Лорд А. Б. Сказитель. Пер. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М., 1994.

36. Старостина Н. А. «Буколика» Вергилия. Некоторые особенности жанровой структуры // Вопросы классической филологии. 1971. III-IV. С. 324-343.
37. Старостина Н. А. «Буколика» Феокрита как действенность жанровой формы // Вопросы классической филологии. 1971. III-IV. С. 298-323.
38. Теперик Т. Ф. Пастушеские мотивы в поэтике «Георгик» Вергилия // Пастораль: взаимодействие искусств, жанров, стилей. 2016. С. 25-32.
39. Тимофеев И. С. Становление латинской атомистической терминологии философии эпикуреизма (на материале поэмы Лукреция): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2022.
40. Фрейденберг О. М. Античные теории языка и стиля. Под ред. О. М. Фрейденберг. Л., 1936.
41. Шаршукова О. В. *Labor* в «Георгиках» Вергилия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. С. 114-129.
42. Шаршукова О. В. *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (II. 460) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. XXVI, 2. С. 1181-1191.
43. Шаршукова О. В. *Angustae res* в «Георгиках» Вергилия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. XXVII, 2. С. 1266-1278.
44. Шаршукова О. В. Некоторые философские представления в «Георгиках» Вергилия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3, ч. 2. С. 254-262.
45. Шумилин М. В. Римская сатира и идея «метризации» текста в античной литературной теории. Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2011. XV. С. 594-601.

46. Эррен М. «Георгики» Вергилия и политика Августа. Лекция, читанная в Московском Университете 3 октября 1996 г. Перевод с нем. яз. А. И. Любжина, А. И. Солопова // *Museum Graeco-Latinum* – Греко-латинский кабинет. 2000. № 3. С. 9-25.
47. Armstrong R. Virgil's Cucumber: "Georgics" 4.121-122 // *The Classical Quaterly*. 2008. 58. P. 366-368.
48. Asmis E. Lucretius' New World Order: Making a Pact with Nature // *The Classical Quaterly*. 2008. 58, №1. P. 141-157.
49. Asmis E. Lucretius' Venus and Stoic Zeus // *Hermes*. 1982. 110. P. 458-470.
50. Balot R. K. Pindar, Virgil, and the proem to Georgic 3 // *Phoenix*. 1998. 52. P. 83-94.
51. Betensky A. Lucretius and Love // *The Classical World*. 1980. 73, №5. P. 291-299.
52. Burriss E. E. The Objects of a Roman's Prayers // *The Classical Weekly*. 1930. P. 105-109.
53. Bright D.F. The Plague and the Structure of "De rerum natura" // *Latomus*. 1971. 30. P. 607-632.
54. Brown R. D. Lucretius on Love and Sex. A Commentary on *De Rerum Natura* IV, 1030-1287 with Prolegomena, Text, and Translation. New York, 1987.
55. Cameron A. Genre and Style in Callimachus // *Transactions of the American Philological Association*. 1992. 122. P. 305-312.
56. Cameron A. *Callimachus and His Critics*. Princeton, 1995.
57. Campbell J. S. The Ambiguity of Progress: "Georgics" I, 118-159 // *Latomus*. 1982. 41. P. 566-576.
58. Campbell J. S. Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics // *L'Antiquité Classique*. 1996. 65. P. 231-238.
59. Caston R. R. Love as Illness: Poets and Philosophers on Romantic Love // *The Classical Journal*. 2006. 101, №3. P. 271-298.

60. Catto B. A. Lucretian Labor and Vergil's Labor Improbis // *The Classical Journal*. 1986. P. 305-318.
61. Classen C. J. Poetry and Rhetoric in Lucretius // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1968. 99. P. 77-118.
62. Clare R. J. Chiron, Melampus and Tisiphone: Myth and Meaning in Virgil's Plague of Noricum // *Hermathena*. 1995. 158. P. 99-108.
63. Clay J. S. The Old Man in the Garden: "Georgic" 4. 116-148 // *Arethusa*. 1981. 14. P. 57-65.
64. Commager H.S. Lucretius' Interpretation of the Plague // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1957. 62. P. 105-118.
65. Cowan R. Virgil's Cucumber Again: Columella 10. 378-392 // *The Classical Quarterly*. 2009. 59. P. 286-289.
66. Dalzell A. Maecenas and the Poets // *Phoenix*. 1956. №10. P. 151-162.
67. Dalzell A. *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. Toronto, 1996.
68. Davisson M. H. T. The Treatment of Festering Sores in Vergil // *The Classical World*. 1993. 86, №6. P. 487-492.
69. Depew D. J. Humans and Other Political Animals in Aristotle's "History of Animals" // *Phronesis*. 1995. 40. P. 156-181.
70. Doody A. Virgil the Farmer? Critiques of the *Georgics* in Columella and Pliny // *Classical Philology*. 2007. 102, №2. P. 180-197.
71. Drew D. L. The Structure of Vergil's *Georgics* // *The American Journal of Philology*. 1929. 50, №3. P. 242-254.
72. Ercolani A. *Fragments of Wisdom, Wisdom in Fragments // Poetry in Fragments: Studies on the Hesiodic Corpus and its Afterlife*. Ed. by C. Tsagalis. Berlin, Boston, 2017.
73. Farrell J. *Vergil's Georgics and the Traditions of Ancient Epic. The Art of Allusion in Literary History*. Oxford, 1991.
74. Farrington B. *Vergil and Lucretius // Acta Classica, "Roman Life and Letters": Studies Presented to T.J. Haarhoff, Professor of Classics at the University of the Witwatersrand 1922-1957*. 1958. 1. P. 45-50.

75. Finnegan R. Plagues in Classical Literature // *Classics Ireland*. 1999. 6. P. 23-42.
76. Fitzgerald W. Lucretius' Cure for Love in the "De Rerum Natura" // *The Classical World*. 1984. 78, №2. P. 73-86.
77. Flintoff E. The Noric Cattle Plague // *Quaderni Urbinati di Cultura Classica*. 1983. 13, №1. P. 85-111.
78. Fowler A. *Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. Oxford, 1982.
79. Freudenburg K. Lucretius, Vergil, and the *Causa Morbi* // *Vergilius*. 1987. 33. P. 59-74.
80. Gale M. Man and Beast in Lucretius and the Georgics // *The Classical Quaterly*. 1991. 41, №2. P. 414-426.
81. Gale M. *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. Cambridge, 2000.
82. Gale M. Didactic Epic // *A Companion to Latin Literature*. Ed. by S. Harrison. Oxford, 2005. P. 101-115.
83. Galinsky K. Venus, Polysemy, and the Ara Pacis Augustae // *American Journal of Archaeology*. 1992. P. 457-475.
84. De Grummond N. Pax Augusta and the Horae on the Ara Pacis Augustae // *American Journal of Archaeology*. 1990. P. 663-677.
85. Griffin J. The Fourth 'Georgic', Virgil, and Rome // *Greece&Rome*. 1979. 26. P. 61-80.
86. Hardie P. R. The Sacrifice of Iphigenia: An Example of 'Distribution' of a Lucretian Theme in Virgil // *The Classical Quaterly*. 1984. 34, №2. P. 406-412.
87. Harrison S. Vergil's Corycius Senex and Nicander's Georgica: Georgics 4.116-148. // *Latin Epic and Didactic Poetry*. Ed. by M. Gale. Swansea, 2004. P. 109-124.
88. Harrison S. J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. Oxford, 2007.
89. Heath M. Hesiod's Didactic Poetry // *The Classical Quarterly*. 1985. 35. P. 245-263.

90. Heslin P. Virgil's "Georgics" and the Dating of Propertius' First Book // *The Journal of Roman Studies*. 2010. 100. P. 54-68.
91. Heyworth S. J. Cynthia. A Companion to the Text of Propertius. Oxford, 2007.
92. Hofmann H. Ein Aratpapyrus bei Vergil // *Hermes*. 1985. 113. P. 468-480.
93. Horne A. J. Georgic Justice // *Vergilius*. 2018. P. 103-120.
94. Hovingh P. F. Review on: Virgil's Ascraean Song by A. J. Boyle // *Mnemosyne*. 1983. 36. P. 427-428.
95. Jenkyns R. Labor improbus // *The Classical Quarterly*. 1993. 43. P. 243-248.
96. Johnston P. A. Review on: Virgil's Ascraean Song by A. J. Boyle // *Vergilius*. 1981. 27. P. 74-78.
97. Katz J. Vergil Translates Aratus: Phaenomena 1-2 and Georgics 1-2 // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. 2008. №60. P. 105-123.
98. Kenney E. J. The Typology of Didactic. Review on: *Dichtung und Lehre. Untersuchungen zur Typologie des antiken Lehrgedichts* by B. Effe // *The Classical Review*. 1979. 29. P. 71-73.
99. Kneebone E. The poetics of knowledge in Oppian's *Halieutica* // *Ramus*. 2008. 37. P. 32-59.
100. Kumaniecki K. The Structure of Hesiod's "Works and Days" // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1963. №10. P. 79-96.
101. De Lacy P. H. Lucretius and the History of Epicureanism // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1948. 79. P. 12-23.
102. Lardinois A. How the Days Fit the Works in Hesiod's "Works and Days" // *The American Journal of Philology*. 1998. 119. P. 319-336.
103. Leach E. W. "Georgics 2 and the Poem" // *Arethusa*. 1981. P. 35-48.
104. Lee M. O. *Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics*. Albany, 1996.
105. Liénard E. Compte rendu sur: Virgil's Ascraean Song by A. J. Boyle // *L'Antiquité Cassique*. 1980. 49. P. 396-397.
106. Long A.A. *From Epicurus to Epictetus: Studies in Hellenistic and Roman Philosophy*. Oxford, 2006.

107. Lowe D. The Symbolic Value of Grafting in Ancient Rome // Transactions of the American Philological Association. 2010. 140. P. 461-488.
108. Ludwig W. Die Phainomena Arats als Hellenistische Dichtung // Hermes. 1963. 91. P. 425-448.
109. Mansfeld J. Theology // The Cambridge History of Hellenistic Philosophy. Ed. by K. Algra, J. Barnes, J. Mansfeld, M. Schofield. Cambridge, 1999.
110. Minton W. W. Invocation and Catalogue in Hesiod and Homer // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1962. P. 188-212.
111. Momigliano A. The Peace of the Ara Pacis // Journal of the Warburg and Courtauld Studies. 1942. P. 228-231.
112. Nelson S.A. God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil. Oxford, 1998.
113. Osborne R. Ordering women in Hesiod's Catalogue // The Hesiodic Catalogue of women. Constructions and reconstructions. Ed. by R. Hunter. Cambridge, 2005. P. 5-24.
114. Otis B. Virgil. A Study in Civilised Poetry. Oxford, 1963.
115. Overduin F. Nicander of Colophon's Theriaca: a literary commentary. Leiden, Boston, 2014.
116. Pellicer J. H. Virgil's "Georgics" II in "Paradise Lost" // Translation and Literature. 2005. P. 129-147.
117. Perkell C. The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Virgil // Vergilius. 2002. 48. P. 3-39.
118. Porter H. N. Hesiod and Aratus // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1946. 77. P. 158-170.
119. Ross D. O. Virgil's Elements: Physics and Poetry in the Georgics. Princeton, 1987.
120. Root M. Vergil and Nature // The Classical Weekly. 1917. 10, №25. P. 194-198.
121. Rosenmeyer T. G. Ancient Literary Genres: A Mirage? // Oxford Readings in Ancient Literary Criticism. Ed. by A. Laird. Oxford, 2006.

122. Russell D. A. *Criticism in Antiquity*. London, 1981.
123. Ryberg I. S. *The Procession of the Ara Pacis // Memoirs of the American Academy in Rome*. 1949. P. 77+79-101.
124. Saylor Ch. F. *Man, Animal, and the Bestial in Lucretius // The Classical Journal*. 1972. 67, №4. P. 306-316.
125. Sedley D. N. *Lucretius and the Transformation of Greek Wisdom*. Cambridge, 2004.
126. Sellar W.Y. *The Roman Poets of the Augustan Age: Virgil*. Oxford, 1877.
127. Sider D. *Didactic poetry: The Hellenistic invention of a pre-existing genre // Hellenistic Studies at a Crossroads: Exploring Texts, Contexts and Metatexts*. 2014. 25. P. 13-29.
128. Schjivers P. H. *Compte rendu sur: Dichtung und Lehre. Untersuchungen zur Typologie des antiken Lehrgedichts von B. Effe // Mnemosyne*. 1982. 35. P. 400-402.
129. Smolenaars J. J. L. *Labour in the Golden Age a Unifying Theme in Vergil's Poems // Mnemosyne*. 1987. P. 391-405.
130. Spaeth B. S. *The Goddess Ceres in the Ara Pacis Augustae and the Carthage Relief // American Journal of Archaeology*. 1994. P. 65-100.
131. Springer C. *Aratus and the Cups of Menalcas: A Note on Eclogue 3.42 // The Classical Journal*. 1984. 79. P. 131-134.
132. Spurr M.S. *Agriculture and the Georgics // Greece & Rome*. 1986. XXXIII, №2. P. 164-187.
133. Stewart D. G. *The Silence of Magna Mater // Harvard Studies in Classical Philology*. 1970. P. 75-84.
134. Tandy D. *Vergil, Georgics 1.42: The Immanence of Octavian // Vergilius*. 1985. № 31. P. 54-57.
135. Thomas R. F. *Callimachus, the Victoria Berenices, and Roman Poetry // The Classical Quaterly*. 1983. 33, №1. P. 92-113.
136. Thomas R. F. *Virgil's Georgics and the Art of Reference // Harvard Studies in Classical Philology*. 1986. 90. P. 171-198.
137. Thomas R. F. *Prose into Poetry: Tradition and Meaning in Virgil's Georgics // Harvard Studies in Classical Philology*. 1987. 91. P. 229-260.

138. Thomas R. F. The "Sacrifice" at the End of the Georgics // *Classical Philology*. 1991. 86. P. 211-218.
139. Thomas R. F. *Vestigia Ruris: Urbane Rusticity in Virgil's Georgics* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1995. 97. P. 197-214.
140. Toohey P. *Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry*. London, 1996.
141. Tor S. Parmenides' Epistemology and the Two Parts of his Poem // *Phronesis*. 2015. 60. P. 3-39.
142. Vandenberg R.M. Proclus on Hesiod's *Works and Days* and 'Didactic' Poetry // *The Classical Quaterly*. 2014. 64, №1. P. 383-397.
143. Vesperini P. La poésie didactique dans l'Antiquité: une invention des Modernes // *Anabases*. 2015. 21. P. 25-38.
144. Volk K. *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. Oxford, 2002.
145. Weinstock St. *Tellus* // *Glotta*. 1934. S. 153-162.
146. Wilkinson L. P. *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. Cambridge, 1969.
147. Wimmel, W. Kallimachos in Rom // *Hermes: Zeitschrift für klassische Philologie*. 1960. 16.
148. Zanker, A. T. Late Horatian Lyric and the Virgilian Golden Age // *The American Journal of Philology*. 2010. 131. P. 495-516.
149. Zanker A. T. Some Thoughts on the Term "Pessimism" and Scholarship on the "Georgics" // *Vergilius*. 2011. 57. P. 83-100.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

D-K – Die Fragmente der Vorsokratiker. Diels H. A., Kranz W. Berlin, 1952.

LSJ – Greek-English Lexicon. Ed. by Liddell H. G., Scott R. Oxford, 1996.

OLD – Oxford Latin Dictionary. Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 2012.